

Костанайская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан
имени Ширакбека Кабылбаева

УДК 343.811-055.2

На правах рукописи

БИСЕНОВА ТАЛАНДЫ ЕЛУМАГАМБЕТОВНА

**Исполнение лишения свободы в отношении женщин
(криминологические и уголовно-исполнительные аспекты)»**

8D12301 – Правоохранительная деятельность

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Научные консультанты:
доктор юридических наук,
профессор
Скаков А.Б.

доктор юридических наук,
профессор
Токубаев З.С.

доктор юридических наук,
ассоциированный профессор (доцент)
Аюбаев М.А.

Республика Казахстан
Костанай, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ	3
ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ.....	6
ВВЕДЕНИЕ	8
1 ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН.....	23
1.1 Общая характеристика исполнения лишения свободы в отношении женщин: социальный и правовой аспекты.....	23
1.2 Международно-правовые стандарты по вопросам отбывания наказания в виде лишения свободы женщинами.....	41
1.3 Зарубежный опыт законодательной регламентации и исполнения лишения свободы в отношении женщин.....	52
2 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРОЦЕССА ИСПОЛНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН.....	71
2.1 Криминологические параметры характеристики преступности женщин, осужденных к лишению свободы.....	71
2.2 Уголовно-исполнительный статус и уголовно-исполнительная характеристика женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы	101
3 СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВООПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ИСПОЛНЕНИЮ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН.....	135
3.1 Дополнительный законодательный учет особых потребностей женщин при исполнении лишения свободы.....	135
3.2 Изменение организационно-правовой практики учреждений УИС по исполнению лишения свободы в отношении женщин.....	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	181
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	188
ПРИЛОЖЕНИЕ А – Анкета для женщин, отбывающих лишение свободы в Республики Казахстан	209
ПРИЛОЖЕНИЕ Б - Аналитическое обобщение результатов анкетирования, проведенного среди женщин, отбывающих лишение свободы в Республики Казахстан	215
ПРИЛОЖЕНИЕ В - Анкета для сотрудников учреждений уголовно- исполнительной системы.....	226
ПРИЛОЖЕНИЕ Г - Аналитическое обобщение результатов анкетирования среди сотрудников учреждений уголовно- исполнительной системы.....	234
ПРИЛОЖЕНИЕ Д – Акты внедрения	247

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ

В настоящей диссертации использованы ссылки на следующие стандарты:
Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года.

Всеобщая декларация прав человека: принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 года.

Международный Пакт. О гражданских и политических правах: принят 16 декабря 1966 г.

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: принята 18 декабря 1979 г.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы): приняты 21 июля 2015 года Резолюцией 2015/20.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными: приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году.

Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила): приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 65/229 от 21 декабря 2010 года.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Права человека в управлении правосудием: принята 22 марта 2004 года

Кодекс Республики Казахстан. О браке (супружестве) и семье: принят 26 декабря 2011 года, №518-IV.

Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан: принят 13 декабря 1997 года, №208-I (утратил силу).

Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан: принят 5 июля 2014 года, №234-V.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: принят 4 июля 2014 года, №231-V.

Уголовный кодекс Республики Казахстан: принят 3 июля 2014 года, №226-V.

Социальный кодекс Республики Казахстан: принят 20 апреля 2023 года, № 224-VII ЗРК.

Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам улучшения качества жизни лиц с инвалидностью: принят 27 июня 2022 года, № 129-VII ЗРК.

Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам прав человека в сфере уголовного судопроизводства, исполнения наказания, а также предупреждения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения: принят 17 марта 2023 года, № 212-VII

Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Казахстан: принят 21 декабря 2002 года, № 363-II.

Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Казахстан и Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях по вопросам упрощения процедур расследования уголовных дел, декриминализации некоторых составов преступлений и совершенствования законодательства об административных правонарушениях: принят 9 декабря 2004 года, № 10-III

Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам уголовно-исполнительной системы: Закон Республики Казахстан: принят 26 марта 2007 года, № 240-III.

Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы Республики Казахстан по вопросам совершенствования судебной системы: принят 10 декабря 2009 года, № 227-IV.

Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам дальнейшей гуманизации уголовного законодательства и усиления гарантий законности в уголовном процессе: принят 18 января 2011 года, № 393-IV.

Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования правоохранительной деятельности и дальнейшей гуманизации уголовного законодательства: принят 9 ноября 2011 года, № 490-IV

Указ Президента Республики Казахстан. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: утв. 15 октября 2021 года.

Указ Президента Республики Казахстан. Об утверждении Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации: утв. 8 декабря 2016 года, №387.

Указ Президента Республики Казахстан. Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики Республики Казахстан до 2030 года: утв. 6 декабря 2016 года, № 384.

Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан. Об утверждении Правил внутреннего распорядка учреждений уголовно-исполнительной системы: утв. 17 ноября 2014 года № 819.

Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан. Об утверждении правил перевода осужденного для поддержания социально полезных связей: утв. 31 мая 2017 года, №375.

Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан. Об утверждении Правил проведения воспитательной работы с осужденными к лишению свободы: утв. 13 августа 2014 года, №508.

Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан. Об утверждении Правил проведения экспертизы временной нетрудоспособности, а также выдачи листа или справки о временной нетрудоспособности: утв. 18 ноября 2020 года, № ҚР-ДСМ - 198/2020.

Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан. Об утверждении Правил оказания медицинской помощи лицам, содержащимся в следственных изоляторах и учреждениях уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы: утв. 30 июня 2022 года, № ҚР ДСМ-61.

Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан. Об утверждении правил и условий проведения вспомогательных репродуктивных методов и технологий: утв. 15 декабря 2020 года, № ҚР ДСМ-272/2020.

Приказ Министра образования и науки Республики Казахстан. Об утверждении Правил оказания государственных услуг в сфере семьи и детей: утв. 24 апреля 2020 года, № 158.

Приказ Заместителя Премьер-Министра - Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан. Об утверждении перечня гарантированного объема специальных социальных услуг: утв. 15 июня 2023 года, № 221.

Нормативное Постановление Верховного Суда Республики Казахстан. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей: принято 29 ноября 2018 года, № 15.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

УИС	–	уголовно-исполнительная система
АР	–	Азербайджанская Республика
ВРТ	–	вспомогательные репродуктивные технологии
ВС	–	Верховный Суд
ГА ООН	–	Генеральная ассамблея Организации Объединенных Наций
ДИЗО	–	дисциплинарный изолятор
ЕКПП	–	Европейский комитет по предупреждению пытток
ЕПП	–	Европейские пенитенциарные правила
ЗАГСa	–	запись актов гражданского состояния
ИТК КазССР	–	Исправительно-трудовой кодекс Казахской советской социалистической республики
ИУ	–	исправительное учреждение
КНР	–	Китайская Народная Республика
КоБС	–	Кодекс о браке и семье
КПСиСУ	–	Комитет по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан
КУИС	–	Комитет уголовно-исполнительной системы
МВД	–	Министерство внутренних дел
МККК	–	Международный Комитет Красного Креста
МСП ООН 2015 г.	–	Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы)
НИИ ФСИН	–	Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний
ОНК	–	общественная наблюдательная комиссия
ООН	–	Организация Объединенных Наций
п.	–	пункт
ПВР	–	Правилах внутреннего распорядка учреждений уголовно-исполнительной системы
РА	–	Республика Армения
РБ	–	Республика Беларусь
РК	–	Республика Казахстан
РМ	–	Республика Молдова
РТ	–	Республика Таджикистан
РУ	–	Республика Узбекистан
РФ	–	Российская Федерация
СК	–	Социальный кодекс
СМИ	–	средства массовой информации
ст.	–	Статья

ст.ст.
США
УДО
УИК
УК
ч.

- Статьи
- Соединенные Штаты Америки
- условно-досрочное освобождение
- Уголовно-исполнительный кодекс
- Уголовный кодекс
- часть

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. Диссертационное исследование посвящено комплексному уголовно-исполнительному и криминологическому анализу вопросов исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, осуществленному с учетом современных потребностей дальнейшей гуманизации процесса исполнения лишения свободы применительно к женщинам как представителям пенитенциарного меньшинства с особыми потребностями, обусловленными биологической (половой) и социальной (гендерной) принадлежностью. Выполненное исследование представляет собой глубокую теоретическую ревизию действующего законодательства РК, теоретических исследований по вопросам исполнительных аспектов лишения свободы в учреждениях УИС, предназначенных для отбывания наказания женщинами. При этом криминологический аспект исследования выполняет вспомогательную функцию для обеспечения более достоверного и глубокого анализа основных, уголовно-исполнительных аспектов. С учетом избрания в качестве ключевого частного метода исследования в виде гендерно-дифференцированного подхода в диссертации решен значительный ряд вопросов, касающихся как упорядочивания уголовно-исполнительного статуса женщин, находящихся в местах лишения свободы, его дальнейшей обоснованной спецификации, так и устранения необоснованных гендерных диспропорций в отношении осужденных к лишению свободы мужчин.

Актуальность темы исследования. Вопросы гуманизации уголовно-исполнительной политики Республики Казахстан до настоящего времени продолжают сохранять свою актуальность, учитывая значительные положительные результаты, которых достигла страна в вопросах снижения индекса «тюремного населения». Согласно актуальным данным, с третьего места в мире по численности осужденных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях на 100 тыс. населения в начале 90-х годов XX века, Казахстан переместился на 95 место в мире по удельному весу осужденных к наказанию в виде лишения свободы на 100 тыс. населения. Пропорциональное снижение произошло и в отношении содержащихся в местах лишения свободы осужденных женщин. При этом первоначальные мероприятия в вопросах гуманизации были рассчитаны на использование наиболее доступных форм и методов, которые были адресованы всем категориям осужденных, независимо от гендерных, возрастных и иных параметров личности. К настоящему времени, с учетом уже накопленного опыта, достижения определенных результатов и относительной стабилизации текущего состояния уголовно-исполнительной системы РК, на повестку дня должны быть поставлены частные вопросы, поиск дополнительных ресурсов для углубления индивидуально-дифференцированного подхода к процессу отбывания наказания в местах лишения свободы.

Женщины, осужденные к наказанию в виде лишения свободы, являются особой релевантной группой, являющейся адресатом целого ряда норм,

Бисенова Т.Е.

позволяющих говорить о наличии фиксированной гендерной асимметрии в действующем уголовно-исполнительном законодательстве РК (вопросов жилищно-бытового устройства, специфики привлечения к труду, выезда за пределы учреждения и др.). Данное обстоятельство обусловлено необходимостью учета не только стандартных факторов, связанных с оценкой совершенного преступления, но и особых социальных параметров личности женщины-осужденной, которые находятся в обязательной корреляции с общим правовым статусом женщин в казахстанском обществе. Вместе с тем в Казахстане к настоящему времени отсутствует документ программного типа в системе уголовно-исполнительных отношений, который содержал бы как унифицированные направления, так и частные инфраструктурные и социально-ориентированные аспекты исполнения наказания в отношении отдельных категорий осужденных, в том числе женщин. В значительном количестве международных стандартов, связанных с отбыванием наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами, они являются адресатами отдельных правил, учитывающих их гендерно-ролевые функции в обществе, а также особые физиологические, медицинские, социально-психологические и иные потребности. За последние годы впервые проблема отбывания лишения свободы женщинами, имеющими детей, была поднята главой государства К.-Ж.К. Токаевым на четвертом заседании Национального курултая в марте 2025 года. Отвечая на запросы общества и экспертного сообщества, К.-Ж.К. Токаев отметил: «Все лица, находящиеся в местах лишения свободы, независимо от их пола, равны перед законом. Однако, исходя из соображений гуманизма и не нарушая принципа «Закон и Порядок», мы могли бы пересмотреть юридические подходы к женщинам, имеющим несовершеннолетних детей» [1].

Согласно данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам РК, за период с 2000 по 2025 год произошло тотальное сокращение количества осужденных женщин в Казахстане. Так, если в 2000 году указывалась цифра 8014 осужденных, то в 2020 году их количество составило 2646, а к началу 2025 г. – 2234, то есть произошло сокращение в 3 раза. При этом процесс сокращения имел поступательный характер, некоторые увеличения численности имели место в 2014-2017 гг., а также в 2020 году в сравнении с 2019 годом.

Количественные изменения в доле осужденных всегда приводят к изменению качественных характеристик контингента лиц, содержащихся в местах лишения свободы. К настоящему времени на фоне снижения общей численности «тюремного населения» в Республике Казахстан имеет место заметное ухудшение качественного состава осужденных к лишению свободы (преимущественно осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления, при рецидиве преступлений и т.д.). Аналогичные изменения имеют место и в составе осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Однако точные данные криминологической и уголовно-исполнительной характеристики к настоящему времени не формируются достаточным образом. Вместе с тем эти данные представляют собой источник социально значимой информации как о

Бисенова Т.Е.

наиболее опасном сегменте женской преступности в стране (с учетом применения наиболее строгого вида наказания), так и об основных проблемных аспектах непосредственного процесса отбывания наказания в виде лишения свободы.

Исследование данных аспектов позволяет не только систематизировать данные о современной женской преступности в Казахстане, но и позволяет выявить наиболее проблемные участки, связанные с отбыванием наказания, процессом ресоциализации осужденных женщин. В целом, обособление теоретических исследований в контексте определения правового положения женщин, осужденных к лишению свободы, до настоящего времени не получило окончательного теоретического оформления и полного отражения как в нормах уголовно-исполнительного законодательства, так и в практике деятельности персонала учреждений уголовно-исполнительной системы. Вместе с тем особая гендерная и гендерно-ролевая функция женщины в обществе предполагает определенную специфику оценки и учета целого ряда факторов, отличных от других категорий осужденных.

В частности, особого внимания заслуживают вопросы социального института материнства в отношении женщин, осужденных к лишению свободы, а также связанные с ним вопросы поддержания связей с детьми в период нахождения в изоляции, функционирования учреждений, имеющих дом ребенка, и т.д. Данные вопросы в настоящее время существенно обостряются на фоне диагностируемого кризиса семьи и традиционных ценностей, отражающихся не только на самих осужденных, но и на их детях. С учетом имеющихся достижений медицины и реализации государственных программ по обеспечению репродуктивных прав, к настоящему времени актуализируется вопрос о пересмотре отдельных норм и правил, в том числе и в отношении осужденных женщин. В данном случае следует принимать за основу специфику репродуктивных ожиданий и текущего репродуктивного статуса осужденных женщин (ограниченный возрастной диапазон для реализации соответствующих прав, предшествующий социальный опыт, наличие заболеваний, требующих вспомогательных репродуктивных технологий, и т.д.). В данном случае за основу должен приниматься тот факт, что фактор материнства для осужденных женщин, находящихся в местах лишения свободы, имеет значение и как стабилизирующий фактор в процессе отбывания наказания, и как стимулирующий фактор в ходе ресоциализации.

Соответственно, к настоящему времени назрела необходимость в эмпирическом исследовании данных криминологической и уголовно-исполнительной характеристики контингента осужденных женщин, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан, и в теоретическом анализе международного опыта, успешных зарубежных практик, национального уголовно-исполнительного законодательства и правоприменительной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы РК по исполнению наказания в виде лишения свободы в отношении женщин. Исследование предполагает глубокую ревизию норм

уголовно-исполнительного законодательства РК, возможные изменения в иные законодательные акты РК, а также формирование предложений по развитию инфраструктурных и социально-ориентированных мероприятий в данном направлении, рассчитанных на среднесрочный и долгосрочный периоды.

Вышеизложенное обосновывает актуальность темы нашего исследования.

Степень исследованности темы. Проблемные вопросы исполнения наказания в отношении женщин, осужденных к лишению свободы, в казахстанской науке комплексно до настоящего времени не исследовались. На уровне диссертационных исследований вопросы пенитенциарной характеристики осужденных женщин исследовались в работе И.В. Корзуна (Теоретические и прикладные проблемы социально-правового контроля и предупреждения преступности среди женщин: по материалам Республики Казахстан. Москва, 2001); К.Ж. Балтабаева (Проблемы соотношения международно-правовых норм и законодательства Республики Казахстан в сфере исполнения наказаний и мер пресечения, связанных с изоляцией от общества. М., 2000 г.). В науке уголовно-исполнительного права особенности правового статуса осужденных женщин освещались в работах таких авторов, как Ю.М. Антонян, И.И. Карпец, М.П. Мелентьев, А.С. Михлин, И.М. Перков, А.Л. Ременсон, Н.А. Стручков, И.В. Шмаров и других. Отдельные аспекты специфики исправительного воздействия в отношении женщин исследовались в работах М.Н. Голоднюк, А.М. Бутова, И.А. Кирилловой, В.А. Серебряковой, Е.В. Середы, В.А. Сушко, А.В. Чернышевой, Т.А. Шмаевой и других авторов. В казахстанской науке отдельные аспекты, непосредственно касающиеся вопросов исполнения лишения свободы в отношении женщин, отмечались в работах таких авторов, как Т.К. Акимжанов, Р.Е. Джансараева, А.Е. Мизанбаев, А.Б. Молдашева, Е.А. Саламатов, А.Б. Скаков, Ю.И. Симонова, И.В. Слепцов, З.С. Токубаев, Д.С. Чукмаитов и др.

Учитывая вклад указанных и других ученых в проблемы исследования вопросов исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, следует, тем не менее, признать, что многие работы к настоящему времени требуют актуализации в свете изменившегося уголовно-исполнительного законодательства РК, сложившейся правоприменительной практики уголовно-исполнительной системы и ее тенденций. Кроме того, современные исследования должны производиться с учетом динамических факторов, демонстрирующих качественные изменения в структуре контингента женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Соответствующий анализ возможен на основе комплексного социологического исследования, включающего криминологические и уголовно-исполнительные параметры характеристики осужденных женщин. Принимая во внимание все изменения, в том числе связанные с современным подходом к исполнению наказания в виде лишения свободы в Республике Казахстан, требуется комплексное исследование как текущей ситуации, так и возможных путей совершенствования уголовно-исполнительного законодательства и правоприменительной практики уголовно-исполнительной системы Казахстана в вопросах исполнения лишения свободы в

отношении женщин.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования заключается в систематизации и анализе законодательных, теоретических и правоприменительных аспектов исполнения лишения свободы в отношении женщин в Республике Казахстан, а также формулировке предложений по их дальнейшему совершенствованию на основе актуальных данных криминологической и уголовно-исполнительной характеристики женщин, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Достижение обозначенной цели обуславливает необходимость постановки и решения следующих **задач**:

- дать оценку наиболее существенным и правовым аспектам сущности процесса исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин;
- исследовать действующие международно-правовые стандарты по вопросам отбывания наказания в виде лишения свободы женщинами и оценить возможности их дальнейшей имплементации в национальное законодательство;
- проанализировать зарубежный опыт законодательной регламентации и исполнения лишения свободы в отношении женщин и сформулировать предложения о возможности его заимствования в условиях казахстанской пенитенциарной системы;
- рассмотреть криминологическую характеристику женщин, отбывающих лишение свободы в Республике Казахстан;
- дать оценку параметрам уголовно-исполнительной характеристики женщин, отбывающих лишение свободы в Республике Казахстан;
- оценить потенциал уголовно-исполнительного законодательства РК на предмет его совершенствования в вопросах исполнения лишения свободы в отношении женщин с учетом потребностей, обусловленных их биологическими и социальными параметрами характеристики;
- исследовать возможные направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики учреждений УИС, предназначенных для отбывания лишения свободы женщинами.

Научная новизна диссертационного исследования определяется рядом факторов. Во-первых, результаты проведенных в Казахстане реформ уголовно-исполнительной системы за последние годы в связи с гуманизацией уголовно-исполнительного законодательства и политики привели к качественному изменению контингента осужденных женщин, находящихся в местах лишения свободы, который неизбежно отражается и на правоприменительной деятельности. Во-вторых, в последнее время вопросы дифференциации уголовно-исполнительных аспектов в отношении осужденных женщин стали реже попадать в сферу внимания исследователей, несмотря на выраженные специфические свойства данной релевантной группы осужденных к лишению свободы. Данное обстоятельство потребовало восполнения сложившегося дефицита эмпирических и теоретических исследований. В-третьих, до настоящего времени не использован весь потенциал норм уголовно-исполнительного и иного законодательства в вопросах адресного

формулирования предписаний с учетом гендерных и гендерно-ролевых функций женщин, которые должны подлежать учету, в том числе и во время отбывания наказания в виде лишения свободы. К принципиально новым подходам в контексте исследования специфики исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин следует отнести обоснование метода позитивной дискриминации в отношении значительного количества исполнительных аспектов применительно к данной категории осужденных. Он базируется на признании осужденных женщин пенитенциарным меньшинством, для соблюдения прав и законных интересов которого необходимы отдельные элементы формально-юридического неравенства (льгот, уступок, преференций и т.д.) для достижения фактического равенства.

Результаты исследования криминологических и уголовно-исполнительных аспектов в отношении женщин, содержащихся в соответствующих учреждениях УИС РК, сформировали комплексное представление о современных качественно-количественных характеристиках исследуемой социальной группы пенитенциарного социума, обосновать предлагаемые изменения в законодательство и правоприменительную практику. Обосновано значительное количество принципиально новых решений, направленных на обеспечение сравнительно больших возможностей осужденных женщин к реализации материнских функций в период пребывания в местах лишения свободы, равно как и на включение отдельных компенсационных механизмов для нейтрализации отдельных элементов гендерного ущемления осужденных мужского пола. Кроме того, научная новизна исследования заключается в формировании комплексного механизма учета тех особых потребностей осужденных женщин, игнорирование которых чревато не только дискриминацией, но и рисками жестокого обращения. Сконструирован механизм полноценного и разностороннего учета фактора материнства как значимого социального аспекта, имеющего решающее исправительное воздействие, в котором усилены необходимые гарантии при одновременном включении отдельных элементов ответственности осужденных женщин за ненадлежащее исполнение своих материнских обязанностей.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при исполнении наказания в отношении женщин, отбывающих лишение свободы в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан.

Предметом исследования являются Конституция Республики Казахстан, нормы казахстанского законодательства в сфере правового регулирования исполнения лишения свободы в отношении женщин, результаты социологического исследования по теме диссертации, проведенного среди сотрудников учреждений уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы и женщин, осужденных к лишению свободы, правоприменительная практика учреждений уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы Республики Казахстан по исполнению лишения свободы в отношении женщин, а также международное законодательство и передовой опыт развитых стран.

исследуемой области.

Эмпирическую основу диссертации представили результаты социологического исследования, проведенного среди женщин, отбывающих лишение свободы в учреждениях УИС РК (учреждения № 10, № 23, № 32, № 50 № 78, № 79), для оценки параметров их криминологической и уголовно-исполнительной характеристики; результаты социологического исследования среди сотрудников УИС РК, осуществляющих служебные функции в учреждениях УИС РК для отбывания наказания осужденными женщинами; данные и результаты, полученные другими авторами по аналогичной и сходной проблематике; статистические данные КПСиСУ Генпрокуратуры РК; обновляемая информация, содержащаяся в доступных информационно-коммуникационных ресурсах КУИС МВД РК, областных департаментов уголовно-исполнительной системы; тематические публикации в СМИ; официальные выступления должностных лиц уголовно-исполнительной системы РК, доступная служебная документация учреждений уголовно-исполнительной системы РК по вопросам исследования и др.

Методологическая и теоретическая основа. Методологическая база и методика исследования определены с учетом содержания поставленных научных задач, а методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы исследования. Основу исследования составил универсальный диалектический метод познания социальных явлений и процессов в их взаимосвязи и взаимозависимости, который позволил выявить социальные дилеммы уголовного наказания в виде лишения свободы с традиционным пониманием социальной роли женщины в обществе. Индуктивно-дедуктивный метод позволил осуществить сопоставление общих предписаний в вопросах исполнения наказания в виде лишения свободы и специальных условий отбывания данного наказания осужденными женщинами. Метод исключения дал основу для аргументации обоснованности позитивно-дискриминационных практик в отношении осужденных беременных женщин и женщин, имеющих при себе ребенка в учреждении УИС, равно как и для выявления отдельных чрезмерных гендерных диспропорций в отношении осужденных мужчин. Метод систематизации позволил оценить систему законодательной регламентации всех аспектов исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, выявить пробелы, неточности и коллизии. Активно также был использован метод моделирования - при обосновании отдельных изменений в нормы действующего законодательства РК, а также по вопросам правоприменительной практики.

Ключевым частно-научным методом исследования стал метод гендерно-дифференцированного подхода, который позволил уместно применить приемы универсализации, дифференциации и позитивной дискриминации в отношении регламентации исполнения лишения свободы в отношении женщин в сравнении с аналогичными конструкциями, адресованными осужденным мужчинам. Также в систему частно-научных методов диссертационного исследования были включены: сравнительно-правовой. – при анализе норм уголовно-

исполнительного законодательства отдельных зарубежных стран; метод стандартизации – при сопоставлении национального уголовно-исполнительного законодательства с нормами международно-правовых документов; социологический - для получения достоверной оценки исследуемой системы общественных отношений, повышении уровня достоверности формулируемых выводов и предложений; формально-логический - в целях уточнения законодательных предписаний и их унификации, повышения уровня законодательной техники в вопросах регламентации отдельных аспектов исполнения лишения свободы в отношении женщин; контент-анализа теоретических источников, публикаций в СМИ и доступных информационно-коммуникационных ресурсах - при анализе экспертных оценок, правоприменительной практики, оценке уровня общественного настроения по исследуемому вопросу и т.д.; метод конструктивно-критического анализа, позволивший осуществить научно-исследовательскую ревизию теоретических разработок по исследуемому вопросу и др.

Теоретической основой исследования служат результаты исследований в области науки уголовно-исполнительного права, касающиеся вопросов исполнения лишения свободы в отношении осужденных женщин, а также достижения других наук гуманитарного цикла в вопросах общей и пенитенциарной психологии, социологии, социальной работы, феминологии, криминологии и т.д., исследующих специфику социализации женщин, выполняемых ими социальных ролей и функций, а также особых параметров исправительного воздействия на них.

Нормативную базу исследования составили Конституция РК, национальное уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, международно-правовые акты универсального и локального характера, уголовно-исполнительное законодательство отдельных зарубежных стран, ведомственные нормативные акты МВД РК.

Научная новизна исследования преимущественно отражается в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. Процесс назначения и исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин неизбежно отличается от соответствующих нормативных конструкций и механизмов в отношении мужчин и должен базироваться не на безусловном гуманизме, а на сбалансированном учете биологических (половых) и социальных (гендерных) особенностей осужденных женского пола, игнорирование которых способно привести к ущемлению их прав и законных интересов. Наиболее оптимальным приемом построения справедливой и гуманной системы исполнения наказания лишения свободы в отношении женщин следует признать *метод позитивной дискриминации*, позволяющий учитывать потребности осужденных женщин как пенитенциарного меньшинства для снижения возможных рисков возникновения фактического неравенства при формально-юридическом равенстве в силу наличия специфических потребностей материально-бытового, психологического, медицинского и другого характера.

2. На основе проведенного социологического исследования во всех учреждениях УИС, предназначенных для отбывания лишения свободы женщинами, подтверждены отдельные наиболее типичные параметры *криминологической характеристики* и сформулированы предложения по воздействию на отдельные криминологически значимые факторы:

- преобладает возрастная группа в диапазоне 30-39 лет (в совокупности с возрастной группой 40-49 лет образует тотально преобладающее большинство); максимальный процент осуждения к наказанию в виде лишения свободы выявлен за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, а также за насильственные преступления, в том числе с большой долей совершенных в отношении членов семьи; имеет место умеренное превалирование длительных сроков назначенного наказания (от 7 до 10 лет и свыше 10 лет); выраженным криминологически значимым фактором уголовно-правовой характеристики совершенных преступлений является групповой способ совершения деяния, а также наличие состояния алкогольного или наркотического опьянения; подавляющее большинство осужденных отбывают лишение свободы впервые;

- обоснована презумпция относительно рисков ошибочного осуждения женщин к лишению свободы по причине игнорирования обстоятельств, свидетельствующих о возможной необходимой обороне, в связи с чем аргументировано предложение о включении в перечень уголовных дел, рассматриваемых с участием присяжных, всех случаев инкриминирования по ст. 102 и ст. 112 УК РК, а также в случаях вменения ст. 99 и ст. 106 УК РК, когда защита настаивает на факте действия в состоянии необходимой обороны.

3. Уголовно-исполнительный статус осужденных к лишению свободы женщин оценен в рамках выявления типичных параметров *уголовно-исполнительных характеристик*, имеющих место к моменту осуществленного исследования, а также с позиции обоснования отдельных направлений его необходимой коррекции:

- значительный процент фактора социального неблагополучия к начальному моменту пенитенциарного периода (низкий уровень дохода или отсутствие самостоятельного дохода; фактор одиночного родительства; наличие травматичного опыта по факту семейно-бытового насилия; различные виды зависимостей); подавляющее большинство имеет одну из положительных или не имеют степени поведения, а также два и более поощрения от администрации учреждения; относительное большинство осужденных хотя бы раз подвергалось дисциплинарным взысканиям, однако случаи применения водворения в ДИЗО и перевода в одиночную камеру являются единичными; большинство осужденных на момент осуждения имеет среднее специальное образование, не состоит в браке, имеет, как минимум, одного несовершеннолетнего ребенка; значительная часть осужденных субъективно не выявляет каких-либо позитивных изменений в своей жизненной ситуации за исключением получения образования и профессиональной подготовки и избавления от зависимостей; среди факторов, в рамках которых произошли наиболее существенные негативные изменения,

выявлены ухудшение состояния физического здоровья и психологического благополучия, отсутствие позитивных ожиданий и целей;

- для достижения более выраженной спецификации уголовно-исполнительного статуса осужденных к лишению свободы женщин необходимо изъять из ч. 8 ст. 132 УИК РК возможность перевода в одиночную камеру или водворения в дисциплинарный изолятор осужденной беременной женщины, не имеющей к моменту наложения дисциплинарного взыскания освобождения от работы по беременности и родам, распространив соответствующий запрет на весь период беременности.

4. Сохранение в институте отсрочки отбывания наказания отдельных элементов гендерного диспаритета следует признать обоснованным и отражающим реальное превалирование материнского фактора в воспитании малолетних детей. Для достижения более эффективного и гибкого механизма применения отсрочки отбывания наказания обоснована необходимость дополняющих и корреспондирующих изменений:

- дополнение обстоятельств, исключающих возможность применения отсрочки отбывания наказания, указанием на совершение тяжкого или особо тяжкого преступления *против интересов семьи и несовершеннолетних*, а также дополнить ст. 74 УК РК формулировкой следующего содержания: «*Отсрочка не применяется во всех случаях совершения преступления против интересов собственных малолетних детей осужденного (осужденной), независимо от категории преступления*»;

- привести предписания, касающиеся основания и порядка применения отсрочки отбывания наказания в ст. 74 УК РК и ст. 163 УИК РК, к полному соответствию, единообразно отразив все материальные основания применения отсрочки непосредственно в ст. 74 УК РК;

- в целях стимулирования дальнейших положительных изменений у осужденных следует предусмотреть возможность повторного обращения с ходатайством об отсрочке по тем же материальным основаниям при изменении их личной жизненной ситуации, для чего ст. 74 УК РК дополнить новой частью: «*Осужденный (осужденная) в процессе отбывания уголовного наказания имеет право повторно ходатайствовать о предоставлении отсрочки при сохранении оснований, указанных в части 1 настоящей статьи и отсутствии запретов, установленной той же частью настоящей статьи*».

5. Выявлены чрезмерные гендерные диспропорции, не позволяющие осужденным мужчинам реализовывать свое равное право родительства в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы, которые должны подлежать нейтрализации путем принятия следующих организационно-правовых решений:

- приведение к единообразию предписаний, касающихся выездов осужденных за пределы учреждения для свидания с детьми, в отношении осужденных женщин и мужчин, являющихся единственным родителем ребенка;

- с учетом отсутствия объективных оснований для трансформации родительского статуса отца ребенка, оставленного с осужденной матерью в

учреждении УИС, закрепить в УИК РК положение следующего содержания: «Отец малолетнего ребенка, находящегося в доме ребенка учреждения уголовно-исполнительной системы, имеет право на длительные свидания независимо от согласия матери с учетом периодичности, установленной по взаимному соглашению между родителями, органом опеки и попечительства или судом»;

- ввиду отсутствия социальных оснований для лишения осужденного мужчины, являющегося единственным родителем, права непосредственно воспитывать своего ребенка до 3-летнего возраста (с возможностью продления срока пребывания ребенка до 4-х лет) необходимо создание в отдельных учреждениях соответствующей инфраструктуры по аналогии с учреждениями УИС, предназначенными для отбывания лишения свободы женщинами.

6. С учетом международных стандартов, положительных элементов зарубежных пенитенциарных практик в отношении женщин, а также достижений в области науки и медицины обоснованы отдельные дополнительные позитивно-дискриминирующие изменения и дополнения в законодательство:

- обособление самостоятельной главы в УИК РК, касающейся специфики исполнения наказания в отношении женщин;

- с учетом рекомендуемого международными стандартами более широкого учета фактора материнства и необходимости обеспечения контакта с детьми, предусмотреть возможность не менее 2-кратного кратковременного выезда за пределы учреждения осужденной для свидания с малолетними детьми в течение года (распространив данное положение на осужденных мужчин, являющихся единственным родителем малолетнего ребенка);

- форсирование реального применения льготных условий отбывания наказания с возможностью проживания на территории, прилегающей к территории учреждения УИС, установив осужденных женщин с малолетними детьми в качестве первоочередного адресата соответствующей практики;

- увеличение срока возможного продления пребывания малолетнего ребенка с осужденной матерью в учреждении УИС с 1 года до 2 лет при наличии установленных УИК оснований и с учетом, если данное решение соответствует интересам ребенка;

- включение в правовой статус осужденной женщины репродуктивного возраста «права на материнство», предполагающего создание механизма доступа к вспомогательным репродуктивным технологиям (ВРТ), равного с правом женщин, находящихся в условиях физической свободы;

- внесение в Правила внутреннего распорядка учреждений уголовно-исполнительной системы изменений, касающихся учета циклических изменений в организме женщин репродуктивного возраста, в нормах, регламентирующих вопросы водной гигиены, возможности постоянно иметь при себе необходимые гигиенические принадлежности и т.д.;

- внедрение в практику комплектования кадрового состава учреждений УИС, предназначенных для отбывания лишения свободы женщинами, требования о том, чтобы не менее 50 % руководящего состава составляли

сотрудницы женского пола.

7. С учетом исключительного значения фактора материнства в законодательной и правоприменительной практике, адресованной осужденным к лишению свободы женщинам, необходимо:

- в ведомственных документах МВД, касающихся воспитательной работы с осужденными к лишению свободы, предусмотреть в качестве самостоятельного вида психологического сопровождения абилитацию материнских навыков в случае их отсутствия или деформаций;

- ввести практику установления самостоятельного профилактического учета в отношении беременных осужденных и осужденных, имеющих при себе малолетних детей в учреждении УИС, ранее демонстрировавших сценарии ненадлежащего или жестокого обращения с детьми, либо осужденных за уголовные правонарушения против собственных детей, а равно допускающих пренебрежение материнскими обязанностями в отношении детей, оставленных в доме ребенка учреждения;

- включить представителей органов опеки и попечительства в число лиц, обладающих правом без специального разрешения посещать учреждений УИС, в которых находятся малолетние дети;

- ч. 1 ст. 131 УИК РК дополнить новым дисциплинарным взысканием в следующей формулировке: «предостережение осужденной женщины о недопустимости небрежного отношения к родительским обязанностям в отношении ребенка, находящегося в учреждении»;

- дополнить нормы УИК РК положением об обязательном учете факта отношения к материнским обязанностям при определении степени поведения осужденной, а также включить дополнительную формулировку следующего содержания: *«Также при оценке степени поведения осужденных женщин учитывается оказание ими помощи другим осужденным, имеющим малолетних детей в учреждении, в случаях, когда по причине болезни или иных исключительных обстоятельств мать ребенка временно не имеет возможности осуществлять за ним уход и заботу»*;

- с учетом того, что инфраструктура учреждений УИС, предназначенных для исполнения лишения свободы в отношении женщин, нередко приводит к тому, что осужденная отбывает наказание в существенной географической удаленности от места проживания ее семьи, требуется в ст. 71 Социального кодекса РК включить самостоятельную форму поддержки семьи в виде возмещения расходов на проезд несовершеннолетнего ребенка осужденного и сопровождающего его лица к месту отбывания наказания матерью ребенка и обратно. Одновременно должна быть включена дополнительная специальная социальная услуга в виде *«доставки в учреждение уголовно-исполнительной системы несовершеннолетнего для свидания с осужденной матерью или отцом, в одиночку воспитывающим ребенка, если данное учреждение расположено не в месте проживания несовершеннолетнего»*.

Степень достоверности и апробация результатов исследования заключается в том, что его основные результаты отражены в 11 единицах научно-

исследовательской продукции, из которых 1 статья – в рейтинговом журнале Balkan Social Science Review, входящем в базу SCOPUS; 5 статей – в изданиях, рекомендованных Комитетом по обеспечению контроля в сфере науки и высшего образования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан; 5 статей – в материалах международных научных конференциях.

Публикации были подготовлены автором единолично и в соавторстве:

1. Talandy Bisenova, Akynkali Darmentov, Natalya Kim. The structure of prison sentencing as a mechanism for enhancing the effectiveness of women's resocialization // Balkan Social Science Review, 2025. – V. 25.-P. 137-157.

2. Бисенова Т.Е. Особенности реализации института отсрочки наказания в отношении женщин// Ғылым – Наука: международный научный журнал. – 2023. - № 2 (77). – С. 160-165.

3. Бисенова Т.Е. Преступность и наказуемость женщин в Казахстане: дополнительные инструменты обеспечения социальной справедливости// Вестник академии правоохранительных органов: научный журнал. – 2024. – №2 (32). – С. 104–114.

4. Бисенова Т.Е. Общие вопросы отбывания лишения свободы осужденными женщинами: динамика развития законодательства//Ученые труды Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М.Есбулатова: научный журнал. – 2024. - № 4 (81). - С. 549-554.

5. Симонова Ю.И. Бисенова Т.Е. Позитивная дискриминация в отношении женщин, осужденных к лишению свободы: понятие, значение, допустимые пределы // «Хабаршы-Вестник» Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова: научный журнал. -2025. - №1 (87). - С. 156-162.

6. Токубаев З.С. Бисенова Т.Е. Пенитенциарная практика в отношении осужденных женщин (расстановки отдельных акцентов) // «Хабаршы-Вестник» Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова: научный журнал. -2025. - №2 (88). - С. 246-254.

7. Бисенова Т.Е. Международные стандарты исполнения лишения свободы в отношении женщин и уровень их имплементации в законодательство РК // Материалы Международной научной конференции молодых ученых, магистрантов и докторантов. Кабылбаевские чтения. - Костанай: Костанайская академия МВД РК им. Ш.Кабылбаева, 2023. - С. 97-102.

8. Бисенова Т.Е. О необходимости учета психологических особенностей женщин, осужденных к лишению свободы // Материалы XVII Международной научно – практической конференции, посвященной памяти основателей филиала Т.Ж. Атжанова и А.М.Роднова. Парадигма современной науки в условиях модернизации и инновационного развития научной мысли: теория и практика. - Костанай: Челябинский государственный университет (ФГБОУ ВО «Чел ГУ») Костанайский филиал, 2023. - С. 32-38.

9. Бисенова Т.Е. Психологическое восприятие «состояния несвободы» // Материалы Всероссийской научной конференции обучающихся и молодых ученых с международным участием. Проблемы и перспективы развития

уголовно-исполнительной системы России на современном этапе. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2023. - С. 44-47.

10. Бисенова Т.Е. «Право на беременность» осужденных к лишению свободы женщин: проблемы реализации // Материалы Международной научно-практической конференции. Организация и деятельность органов внутренних дел на современном этапе: проблемы и пути решения. – Костанай: Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева, 2023. - С. 178-181.

11. Овчинникова И.В. Бисенова Т.Е. Взаимодействие администрации учреждений уголовно-исполнительной системы с участниками гражданского общества, общественной наблюдательной комиссии и национальным превентивным механизмом // Материалы международной научно-практической конференции. Организация и деятельность органов внутренних дел на современном этапе: проблемы и пути решения. – Костанай: Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева, 2024. - С. 350-354.

Теоретическое значение результатов исследования заключается в том, что оно является заметным восполнением явно существующего пробела в разработке вопросов женской преступности, в том числе, с учетом пенитенциарного фактора и порядка исполнения лишения свободы в отношении женщин в Республике Казахстан. В рамках диссертационного исследования оформлена комплексная теоретическая и практико-ориентированная ценностная концепция, ориентированная на реализацию назревшего социального запроса по пересмотру уголовно-исполнительной практики воздействия на осужденных к лишению свободы женщин. Работа концентрирует все достижения современной научной мысли по вопросам исполнения лишения свободы в отношении женщин, упорядочивает общепринятую гуманистическую концепцию за счет включения уравнивающих элементов повышенного гендерно-дифференцированного учета факта пребывания в условиях пенитенциарного учреждения. Результаты диссертационного исследования имеют характер явно выраженной теоретической систематизации, на базе которой аргументируется значительное количество решений, которые могут явиться базисом для дальнейшего теоретического анализа, а также для формирования новой законодательной и правоприменительной практики. Высокий уровень теоретической значимости работы обеспечивается ее междисциплинарным подходом, который стал основой для обоснования не только формально-юридических, но и социально значимых решений.

Практическое значение исследования определяется тем существенным массивом конкретных решений и рекомендаций, которые были обоснованы автором по ходу проведенного теоретического анализа. Соответствующие решения могут стать основой для конструирования ближайших, среднесрочных и долгосрочных тактик и стратегий в вопросах последовательного реформирования законодательства, регламентирующего исполнение лишения свободы в отношении женщин в Республике Казахстан. Равным образом

заметное практическое значение исследования предопределяется спектром рекомендаций и предложений по реформированию правоприменительной практики исправительного воздействия на женщин, находящихся в местах лишения свободы, с целью ее ориентирования на максимальный учет особых потребностей осужденных женского пола.

Структура и объем диссертационного исследования обусловлена целью, задачами проведенного исследования. Структурными элементами работы являются введение; три раздела, включающие семь подразделов; заключение; список использованных источников; приложения. Диссертационное исследование выполнено в объеме, который соответствует требованиям, предъявляемым Комитетом по обеспечению контроля в сфере науки и высшего образования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Бисенова Т.Е.

Бисенова Т.Е.

Бисенова Т.Е.

Бисенова Т.Е.

Бисенова Т.Е.

Бисенова Т.Е.

1 ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

1.1 Общая характеристика исполнения лишения свободы в отношении женщин: социальный и правовой аспекты

В контексте уголовно-исполнительного статуса женщин, осужденных к лишению свободы, всегда в рамках теоретической дискуссии возникает, во-первых, вопрос относительно обоснованности тех или иных нормативных предпочтений в отношении женщин исключительно по признаку их половой (физиологической) принадлежности; во-вторых, о достаточности соответствующих исключений из общего уголовно-исполнительного статуса осужденных. В данном случае формируется как социальная, так и правовая дилемма, поскольку имеет место явный культурно-этический конфликт между общепринятым в обществе стандартом признания особых потребностей женщин (независимо от складывающихся тенденций к гендерному равенству) и учетом факта того, что женщина совершила деяние, являющееся общественно опасным и наказуемым (нередко не уступающим по степени общественной опасности мужской преступности). Это ставит вопрос о поиске в действующем уголовно-исполнительном законодательстве необходимого баланса, который позволил бы надлежащим образом учесть особые потребности осужденных женщин (в частности, в период беременности, кормления ребенка, ухода за ним в младенческом возрасте) с необходимостью соблюдения принципа равенства в рамках специального статуса осужденных к лишению свободы.

С древнейших времен женщина занимала особое место в природе и обществе. Как указывал Франс Анатоль, «женщина - великая воспитательница мужчин» [2, с. 751]; а испанский поэт Лопе де Вега писал о том, что «уважать женщину - это долг, которому всякий честный человек должен повиноваться с рождения». Любое проявление агрессии со стороны женщины, тем более, в форме преступного поведения, сигнализирует о дефектах общественного устройства, нивелировании созидательной функции женщины. Криминальное поведение в подавляющем большинстве - признак мужского поведения, и за ростом женской преступности стоит феномен маскулинизации (приобретение мужских черт характера) слабого пола, связанный с глобальными социальными изменениями, происходящими, в обществе, в частности, усиливающейся эмансипацией, стремлением все большего числа женщин играть более значимую роль в общественной жизни, усилением доминирования женщин в качестве главы, основного кормильца в семье [3, с. 4].

Несмотря на то обстоятельство, что в последние десятилетия стали говорить и писать о гендерной теории, о полном равенстве обоих полов, следует признать справедливыми замечания исследователей, что жизнь на земле трудно представить без полового различия, так как биосоциальные различия между мужчинами и женщинами остаются объективными, что должно сопровождаться принятием законодательных льгот, адресованных только женщинам [3, с. 5].

Однако в контексте преступного поведения женщин и государственной реакции на него следует признать, что правовые механизмы должны содержать элементы гендерно-мотивированного гуманизма только в той части, в которой они являются действительно необходимыми. То есть в данном случае необходимо следовать от негативного признака: какие именно универсальные правила обращения с осужденными (условий их содержания) при их равнозначном применении к мужчинам и женщинам способны ухудшить положение последних. Во всех остальных случаях будет справедливым утверждение о том, что законодательство содержит необоснованную гендерную асимметрию.

Следует отметить, что, как правило, вопросы физической изоляции женщин и особенности ее восприятия, равно как и негативного воздействия на личностную сферу осужденной, становятся предметом исследования психологических наук (также довольно часто в исследованиях медицинского, педагогического и иного характера). В данном случае, если для уголовно-исполнительной системы осужденная женщина является объектом исправительного воздействия, то с точки зрения иных наук социального цикла, представляют интерес особенности личности женщины, попадающей в условия физической изоляции. При этом недоучет психологических факторов крайне нежелателен, поскольку в противном случае наказание в виде лишения свободы будет включать в себя только элемент кары, но не будет выполнять свою функцию исправления и ресоциализации.

Как демонстрирует анализ международных стандартов по вопросам организации отбывания наказания в виде лишения свободы женщинами (будет произведен в следующем подразделе работы), вопросы психологического учета занимают достаточно большое место в рекомендациях относительно правил обращения с женщинами в период их изоляции. Пребывание в местах лишения свободы женщин относится к той проблеме человеческого социума, которые до настоящего времени не удается решить благополучным образом. С учетом целого ряда обстоятельств, к которым следует отнести состояние здоровья, возраст, пол и т.д., состояние физической изоляции имеет риски наиболее деструктивного воздействия. В этом смысле осужденные женщины представляют собой категорию, которая имеет специфические проявления психологического восприятия «состояния несвободы». Здесь решающее значение могут иметь различные обстоятельства, связанные с личной жизненной ситуацией осужденной: наличие или отсутствие семьи (давно установлено, что семьи женщин-осужденных распадаются гораздо быстрее, чем у мужчин); наличие детей (зависит от возраста, интенсивности контактов до осуждения и т.д.); наличие нереализованных репродуктивных планов (особенно критично для женщин, находящихся в «пограничных» репродуктивных группах) и др. В международных пенитенциарных обзорах нередко указывается, что проблема попадания женщин в места лишения свободы часто связана с наличием неблагоприятного социального опыта еще до факта осуждения (физическое насилие, приверженность к пагубным привычкам, различного рода дискриминации и т.д.) [4].

Пребывание в местах изоляции от общества неизбежно связано с радикальным нарушением жизненных планов и образа жизни женщины. Вследствие чего социальная изоляция порождает ряд специфических симптомов, которые в специальных публикациях именуется как «тюремный синдром» (prison syndrom). При этом в отношении женщин данный синдром усугубляется тем, что они в силу психофизиологических факторов обладают сниженной адаптивностью к фактору изоляции. Социально-ролевые особенности женского гендера традиционно связываются с жизнедеятельностью внутри семьи, с выполнением роли жены, матери. В этом смысле физическая изоляция порождает у женщин внутренне-конфликтные состояния, которые могут приводить к психологической деструкции, вплоть до появления выраженных состояний апатии, тревожности, аутоагрессии.

Безусловно, осужденные могут пытаться преодолеть данные состояния, так или иначе приспособившись к новой среде жизнедеятельности. Однако в полной мере преодолеть негативные психологические реакции представляется невозможным, в чем и заключается социальная дилемма лишения свободы: общество ограждается от преступника, но тем самым рискует получить «на выходе» еще более криминогенную личность либо личность, которая будет пребывать в состоянии апатии, иметь сложности с социализацией.

Особенности психологического статуса осужденных женщин в основном проявляются в определенных психических состояниях, которые детерминируются именно пребыванием в местах лишения свободы. По мнению психологов, исследующих проблемы пенитенциарного периода у женщин, последние склонны испытывать негативные психические состояния, характеризующиеся повышенной возбудимостью, напряженностью, чрезмерно заторможенными реакциями и демонстративностью в поведении. Наряду с этим типичными являются состояние ожидания перемен (пересмотра дела, освобождения, изменения семейного статуса и т.д.) и отсутствие выдержки. Указанные состояния характеризуются повышенным напряжением, иногда приводящим к серьезным поведенческим срывам. Также может возникнуть состояние безнадежности и обреченности, приводящее к вялости и пассивности в поведении. В данном случае следует учитывать, что типичные поведенческие паттерны женщин, которые они демонстрируют на свободе, в условиях физической изоляции практически не могут быть сохранены. Исключения составляют случаи, когда женщина находится в местах лишения свободы с ребенком, который находится в доме ребенка при учреждении. В подобных условиях имеются определенные позитивные ожидания, связанные с тем, что женщина даже в условиях несвободы реализует свои «традиционные» функции. Однако в данную группу женщин-осужденных входит лишь незначительный их процент. Основную же часть составляют те, у которых жизненная ситуация складывается крайне неблагоприятным образом (это могло иметь место и до факта осуждения, но усугубилось с момента попадания в места лишения свободы).

Учитывая психологические особенности женщин, пенитенциарная

практика показывает, что они тяжелее адаптируются к условиям и порядку отбывания наказания. Процесс адаптации является одним из наиболее сложных в психологическом плане этапов, поскольку он требует определенной гибкости, готовности к существованию в иной среде, формирования новых навыков, пересмотра отдельных привычных форм поведения и коммуникации. Сложности относятся к адаптивным ситуациям, которые возникают, когда привычные модели поведения, когнитивные стереотипы и личные установки становятся неэффективными во время изменения социальной среды. В исследованиях, посвященных данной проблеме, указывается, что наиболее низкими адаптивными возможностями обладают женщины молодого возраста, поскольку характерная для этого возраста социальная активность становится недоступной [5, с. 76].

В целом, осужденные женщины проживают несколько адаптивных ситуаций и вынуждены каждый раз заново приспосабливаться:

1) при исполнении наказания (необходимость следования требованиям уголовно-исполнительной системы, находиться в окружении других осужденных, испытывать на себе кардинальные изменения бытовых условий, вплоть до сложностей в элементарных санитарно-гигиенических вопросах и т.д.);

2) при изменении условий отбывания наказания (адаптация к новым условиям труда и быта, требованиям режима, правилам внутреннего распорядка). В данном случае следует отметить, что специфика женской психологии заключается в том, что «привычное» часто оценивается как элемент жизненной стабильности, что отражается даже на сложностях при изменении условий отбывания наказания в лучшую сторону;

3) при освобождении из мест лишения свободы (свободная жизненная среда, деятельность среди другого окружения людей, жизнь дома и т.д.). В данном случае возникает определенный социальный парадокс: стремление к свободному состоянию, которое имело место на первых порах пребывания в местах лишения свободы, после определенного периода нахождения в изоляции сменяется состоянием страха, неуверенности, стремлением избежать появления новой сферы ответственности, без которой невозможна жизнь свободного человека. Данные состояние проявляются даже у тех женщин, которые имеют более или менее благополучный «семейный фон», не говоря о женщинах, которые при освобождении из мест лишения свободы начинают пребывать в состоянии социального одиночества.

Успешная адаптация женщины к жизни в местах лишения свободы зависит от таких факторов, как точное понимание смысла и необходимости правовых ограничений, которым подвергается осужденная в связи с фактом назначения приговора; осознание серьезности сложившейся ситуации (в данном случае инфантильность и отгораживание от реалий способны только усилить негативный эффект изоляции); участие в деятельности по поиску путей правового облегчения ситуации с адекватным пониманием того, что ожидаемых результатов может и не наступить. Несмотря на некоторую банальность

психологических советов относительно «принятия ситуации», подобная позиция является единственно правильной, позволяющей защититься от погружения в тотальные негативные эмоции, которые только усугубят психологическую подавленность и нервно-психическую неустойчивость.

Депрессивные состояния у осужденных женщин связаны с очевидными обстоятельствами: жизненные планы, цели и надежды полностью разрушаются по причине осуждения к лишению свободы. При этом следует учитывать, что у женщин часто наличествуют иные «маркеры успеха», чем у мужчин. Если на мужчину наиболее негативным образом часто сказывается отсутствие социального статуса (роль «кормильца», фактор профессиональной деятельности, карьерного роста и т.д.), то для женщин характерны иные индикаторы социального благополучия. Причем многие из них в условиях изоляции полностью или существенно утрачивают свой смысл: внешняя привлекательность; навыки по ведению домашнего хозяйства; обеспечение семейного быта; воспитание и уход за детьми и т.д. В итоге осужденные женщины могут утратить веру в свои силы, а также в то, что когда-нибудь у них снова будет нормальная жизнь. Для женщин характерна достаточно быстрая рефлексия по поводу совершенного преступления и факта осуждения: большинство из них по прибытии в учреждение уже осознают свою вину перед обществом, семьей, детьми, родственниками и находятся в подавленном состоянии. В отличие от мужчин, которые достаточно долгое время способны испытывать эмоцию злости, негодования, агрессии по факту осуждения к лишению свободы, женщины-осужденные, как правило, демонстрируют реактивную депрессию, которая начинает проявляться уже с первых дней пребывания в изоляции.

Несмотря на то, что симптом «тоски по дому» характерен для всех категорий лиц, осужденных к лишению свободы (в особенности, если до осуждения они имели более или менее благополучные семье и регулярные коммуникации с близкими), у женщин-осужденных он проявляется в особенно острой форме. Причем, в данном случае достаточно сложно применить тот или иной прием «психологического замещения». Здесь можно отметить, что соответствующий синдром у женщин может проявляться по-разному. Так, в случаях, когда женщина выполняла роль домохозяйки, в условиях лишения свободы достаточно сложно найти альтернативу данной функции с учетом специфики физической изоляции. В особенности это может обостриться в случаях, когда женщина совершила преступление на семейно-бытовой почве: например, причинила тяжкий вред здоровью или смерть супругу после семейной ссоры. Подобного рода ситуации не являются редкими. В таком случае у женщины возникает не только ощущение безнадежности, но и крайней обиды по причине сложившихся обстоятельств, поскольку нередко она фактически является жертвой семейно-бытового насилия, по причине которого и было совершено преступление. В целом, следует учитывать, что женщины традиционно не демонстрируют высокую степень криминальной активности, уровень «женской» преступности гораздо ниже уровня «мужской» преступности.

При этом достаточно часто они оказываются вовлеченными в преступную деятельность со стороны близких мужчин или лиц, которым они доверяют (это весьма характерно для преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ). Соответственно, женщина испытывает целый спектр негативных эмоций: самообвинение по причине доверчивости; обида на мужа-абыюзера, который спровоцировал ее на преступление и т.д.

Одним из негативных факторов психологического состояния женщин в период пребывания в местах лишения свободы (собственно, как и других осужденных) заключается в том, что лишение свободы исключает или серьезно ограничивает свободу передвижения, свободу общения, в результате чего возникают определенные права и обязанности, жестко регламентирующие жизнь осужденной женщины. Даже в ситуациях, когда женщина воспринимает наказание в качестве справедливого, это не исключает крайне болезненного переживания данного факта. Здесь следует также отдельно учитывать, что женщины в большинстве своем гораздо болезненнее относятся к факту восприятия их самих и их поступков со стороны окружающих. В этом смысле негативные психологические состояния в период нахождения в состоянии физической изоляции могут дополнительно осложняться переживаниями за «стыд», который переживают их близкие, страдание от унижения, которое женщина испытывает после вынесения приговора. В этом смысле, в частности, нередко акцентируется внимание на том обстоятельстве, что девиантного поведения нередко совершаются молодыми девушками по причине того, что они опасаются общественного осуждения [6, с. 140].

Отбывание наказания в местах лишения свободы по-прежнему связано с так называемыми «барачными» условиями. Еще Ф. М. Достоевский отмечал в «Записках из Мертвого дома»: «В каторжной жизни есть еще одна мука, чуть ли не сильнейшая, чем все другие. Это: вынужденное общее сожительство. Общее сожительство, конечно, есть и в других местах; но в острог-то приходят такие люди, что не всякому хотелось бы сживать с ними» [7]. Несмотря на заметную гуманизацию и улучшение бытовых условий содержания осужденных в последние годы, фактор «скученности» в местах лишения свободы следует оценивать как один из наиболее значимых в плане рисков психологических деструкций. Жизнедеятельность в таких условиях требует постоянной настороженности, непрерывного самоконтроля за своим поведением. Соответственно, это сопряжено с необходимостью подавления эмоций, что вызывает постоянное напряжение нервной системы и пагубно влияет на психологическое и физическое состояние осужденной.

Как отмечает Ю.М. Антонян, «постоянно, круглые сутки находясь среди других лиц, осужденный становится как бы голым, он в значительной мере лишается возможности уединиться, уйти в себя, сосредоточиться, задуматься о себе, о содеянном и своей вине, своей жизни и ее перспективах, об ответственности перед близкими и т. д. Между тем это особенно важно именно для тех, кто грубо нарушил основные моральные и правовые запреты и отбывает

за это наказание. Создается известный феномен одиночества в толпе, когда вокруг всегда много людей, а тех, с кем можно было бы поговорить, поделиться, кому можно довериться, - нет или почти нет» [8, с. 69-70]. Реакцией на подобные условия существования, на которые сама осужденная повлиять не в состоянии, могут быть импульсивные поступки, высказывания, требования, угрозы, шантажно-демонстративное поведение и т.д.

Все перечисленные особенности восприятия состояния физической изоляции осужденными женщинами в обязательном порядке должны подлежать учету при организации процесса воспитательно-исправительного воздействия. В этом смысле унифицированность норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства не должна являться причиной отказа в индивидуально-дифференцированном подходе к каждой осужденной женщине, исходя из ее конкретной жизненной ситуации.

Законодатель еще на уровне уголовного закона учитывает особенности полов: для женщины определяются особые права, предусматривающие дополнительную охрану ее жизни и здоровья, выполняемой ею репродуктивной функции, в том числе путем неприменения к ней пожизненного лишения свободы, возможности содержания ее только в учреждении минимальной, средней и максимальной безопасности, запрета назначения беременной женщине или женщине, имеющей ребенка до трехлетнего возраста, определенных наказаний (привлечение к общественным работам, исправительные работы и т.д.) [9, с. 24]. В то же время выполнение женщиной особой социальной функции - материнства (вынашивание, рождение, выкармливание ребенка и т.п.) - также требует дополнительного отражения в законодательстве [10, с. 13]. Отрицание целесообразности отдельных уголовно-исполнительных предписаний в отношении осужденных к лишению свободы женщин не имеет обоснованных аргументов, поскольку женщины объективно в условиях пенитенциарного социума являются более уязвимой категорией. Помимо исключительно гендерно-ролевых функций, у женщин, по сравнению с мужчинами, имеются дополнительные физические (меньший размер тела, меньшая мускульная сила и пр.) и психологические особенности.

Исполнительный аспект наказания в виде лишения свободы, реализуемого в отношении осужденных женщин, основан на формулировке отдельных изъятий и дополнений, которые касаются статуса именно осужденных женского пола, и связан уже не с совершенным преступлением (хотя уголовный закон также предусматривает отдельные аспекты назначения наказания женщинам), а с фактором пребывания в физической изоляции. В уголовно-исполнительной сфере, таким образом, периодически актуализируются вопросы относительно того, какие специальные правила отбывания наказания в виде лишения свободы должны иметь место в отношении женщин, на чем основана их спецификация и не нарушает ли она принципы уголовно-исполнительного законодательства (иными словами, не содержит ли элементы дискриминационного характера в отношении осужденных мужского пола).

УИК РК содержит умеренное количество предписаний, адресованных

исключительно осужденным женщинам. Так, первое заметное противопоставление организации порядка отбывания лишения свободы мужчинами и женщинами содержится во втором параграфе ч. 2 ст. 94 УИК РК: «в одном учреждении могут отдельно содержаться женщины, впервые осужденные к лишению свободы и ранее отбывавшие это наказание, в том числе бывшие работники судов, правоохранительных и специальных государственных органов, лица, уполномоченные на осуществление контроля и надзора за поведением осужденных» [11]. При этом в отношении мужчин соответствующее законодательное предписание сформулировано в императивной форме: данные категории осужденных должны содержаться отдельно. Здесь сразу обращает на себя внимание то, что законодатель не вполне обоснованно допускает презумпцию, что риски криминального «заражения» по причине предшествующего пенитенциарного опыта у женщин не так значительны, нежели в отношении осужденных мужчин.

В этой связи возникает вопрос относительно того, насколько те или иные нормы уголовно-исполнительного законодательства обоснованы в плане их дифференциации по гендерному критерию. Исходя из выше проиллюстрированного примера, в данном вопросе требуется методологически правильная ревизия, которая должна базироваться на следующем постулате: законодательные послабления, «уступки», льготы, преференции в отношении осужденных женщин должны иметь четкие социально-правовые основания и не содержать дискриминационного начала в отношении противоположной (мужской) группы осужденных к лишению свободы.

Согласно ст. 5 УИК РК, принципами уголовно-исполнительного законодательства являются следующие: 1) соблюдение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина; 2) законность; 3) гуманизм; 4) дифференциация условий исполнения наказаний; 5) индивидуализация исполнения наказания и иных мер уголовно-правового воздействия; 6) рациональное применение мер принуждения; 7) соединение наказания с исправительным воздействием; 8) стимулирование правопослушного и активного общественно полезного поведения осужденных [11]. Как видно из данного законодательного перечня, все принципы лишены каких-либо элементов выраженной адресации той или иной категории осужденных, а рассчитаны на них всех, равно как и должны быть ориентирами при исполнении всех видов уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что принцип равенства отсутствует в перечне, представленном в ст. 5 УИК РК. С одной стороны, он может быть имманентно встроен в принцип соблюдения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, поскольку предполагает, в том числе, и элементы равенства, как минимум, на уровне основных, конституционных прав и свобод. С другой стороны, ст. 5 УИК РК, напротив, в большей степени акцентирует внимание на принципах дифференциации условий отбывания наказания и индивидуализации исполнения наказания и иных мер уголовно-правового воздействия. Что касается индивидуализации, то

она является особым механизмом адресного воздействия на конкретно взятого осужденного, которое зависит от его поведения в период отбывания наказания, тех или иных личных потребностей, обусловленных его личной жизненной ситуацией и т.д. Иными словами, это и своего рода элемент прогрессивной системы отбывания наказания, и реализация индивидуального подхода к каждому осужденному (осужденной), который необходим для благополучного исправительного воздействия и коррекции поведения. Будет обоснованным утверждение, что на уровне индивидуализации каких-либо дискриминационных начал быть не может (как минимум не должно), поскольку те или иные методы индивидуального уголовно-исполнительного воздействия связываются исключительно с поведением осужденного лица, факторами и обстоятельствами его жизни и т.д. Соответственно, риски дискриминационного характера могут заключаться исключительно на уровне дифференциации процесса исполнения наказания, в том числе и в контексте гендерного аспекта.

Метод дифференцированного уголовно-исполнительного воздействия стандартизирует процесс исполнения наказания в отношении отдельных категорий осужденных, которые классифицируются по различным основаниям, в том числе и по половому признаку. Все нормы УИК РК, касающиеся особенностей отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами, представляют собой именно результат дифференцирования условий отбывания наказания. И в данном случае, действительно, могут возникнуть вопросы относительно того, что отдельные элементы равенства нарушаются. Здесь, в частности, следует исходить из того, что при равных параметрах оценки совершенного уголовного правонарушения, осужденные женщины могут находиться в режиме меньшего карательного воздействия именно по причине отличий в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы. Насколько это соответствует принципу социальной справедливости? Не является ли это ущемлением прав потерпевших от преступлений, совершенных женщинами?

В данном случае нелишним будет обращение к так называемой «позитивной дискриминации», которая периодически становится предметом обсуждения в научном сообществе. Понятие «дискриминация», в целом, всегда имеет отрицательную коннотацию, однако в контексте «положительной дискриминации» речь идет о явлениях противоположного порядка, которые, напротив, нацелены на снижение фактического неравенства, складывающегося на фоне формально определенного равенства. Иными словами, равенство, зафиксированное на формально-юридическом уровне, может в фактическом аспекте приводить к неравенству. То есть применительно к процессу отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами в случаях, если все нормы УИК РК будут идентичными к осужденным обоего пола, имеются риски того, что формальное равенство приведет к неравенству гораздо большему, нежели при использовании метода частичных изъятий и дозволений.

Как указывают исследователи вопросов позитивной дискриминации, сопряженной с вопросами гендера, как правовое равенство, так и правовое

неравенство противостоят тем фактическим отличиям, которые имеются между людьми [12, с. 8]. Действительно, несмотря на то, что обойтись без тех или иных приемов классификации и типологизации в отношении осужденных при построении системы уголовно-исполнительных отношений невозможно, следует учитывать, что каждый осужденный находится в структуре собственной жизненной ситуации, которая складывается из значительного количества факторов как правового (в частности, срок назначенного наказания), так и неправового характера (состояние здоровья, наличие несовершеннолетних детей, возраст и т.д.). Что касается исключительно признака пола, то он также влияет на жизненную ситуацию осужденного, несмотря на то что в данном случае имеет место только двойственная классификация на мужчин и женщин.

В данном случае следует упомянуть и ситуации гендерных трансформаций (смены пола, переходных состояний), вероятность которых в настоящее время также не следует исключать. Вместе с тем решение вопросов в отношении трансгендерных субъектов применительно к пенитенциарной практике требует отдельного исследования. Что же касается цисгендерных женщин, осужденных к лишению свободы, то в отношении них имеются некоторые обстоятельства, которые неизбежно отличают их от осужденных мужского пола. Одни из них касаются биологически исключительной возможности пребывать в состоянии беременности и рождения ребенка. Другие – преимущественно социальных факторов, которые базируются на биологическом критерии, но являются уже производными: сравнительно большая степень уязвимости с точки зрения утраты семейного статуса по причине осуждения к лишению свободы; затруднения в реализации репродуктивных планов в случаях, если период пребывания в изоляции придется именно на репродуктивный период и т.д.

Как отмечает В.С. Нерсисянц, равная мера регуляции отношений различных субъектов предполагает, что приобретаемые ими реальные субъективные права будут не равны. Благодаря праву хаос фактических различий преобразуется в правовой порядок равенств и неравенств, согласованных по единому масштабу и равной мере [13, с. 20]. В более простом варианте это означает, что нормы УИК еще на стадии формулирования соответствующих правил, обращенных ко всем осужденным к лишению свободы женщинам, создают препятствия к тому, чтобы равенство условий отбывания наказания не привело к отрицательным результатам.

Понятие «позитивная дискриминация» первично сложилось преимущественно в политическом сегменте, а основоположником соответствующей практики являются США, которые имеют длительный опыт преодоления расовой дискриминации. Данная стратегия предполагает, что права доминирующего большинства соблюдены естественным образом, поскольку культура данного большинства является официальной, развивается на государственном уровне, а права меньшинств также естественным образом ущемлены [14, с. 3]. То есть в качестве исходного аргумента принимается во внимание то обстоятельство, что практически все системы (этнополитические, социальные, профессиональные и т.д.) устроены таким образом, что

большинство изначально является носителем большего объема прав, которые имеют и гораздо более эффективные инструменты защиты. Напротив, меньшинство, даже если оно формально-юридически уравнивается с большинством, всегда находится в состоянии уязвимости.

Формулирование норм УК и УИК фактически производится через сопоставление «мужского» и «женского» фактора, причем, когда речь идет о мужчинах, то часто используется собирательный термин «лицо»; касательно же женщин применяются оговорки, непосредственно указывающие на гендерную принадлежность. В целом, это объяснимо тем, что криминальная сфера преимущественно представлена именно «мужским» фактором. Как указывалось ранее, уровень женской преступности в РК за период с 2019 по 2025 г. составляет в среднем 11 % (хотя в последние годы имеет место некоторый прирост). Соответственно, вполне закономерно, что как нормы УИК, так вся пенитенциарная практика страны преимущественно ориентированы именно на осужденных мужского пола (так, из 78 учреждений уголовно-исполнительной системы только 6 (7%) предназначены для отбывания наказания осужденными женщинами). На фактор доминирования «мужского» признака в нормах УК и УИК периодически обращают внимание исследователи проблемы.

Так, М.И. Казарина и Г.Е. Чернопильская условно разграничивают законодательное использование понятий «мужчина» и «женщина» как с привязкой к социальным ролям и особому положению (женщина, имеющая детей; беременная женщина; мужчина, являющийся единственным родителем), так и без таковой, то есть по биологическому признаку [15, с. 29]. Причем именно применение биологического признака отрицается данными авторами как допустимое основание к тому, чтобы формулировать отдельные законодательные положения с «поблажками», поскольку, в частности, применение запрета на пожизненное лишение свободы в отношении женщин является по своей сути дискриминацией в отношении мужчин. Как указывает по данному поводу К.В. Дядюн, такой запрет на неприменение пожизненного лишения свободы демонстрирует «необоснованную лояльность законодателя и правоприменителя к преступнику с учетом исключительно половой принадлежности при игнорировании учета степени и характера общественной опасности деяния и личности виновного» [16, с. 204] В.А. Тирранен утверждает, что «неприменение исключительных видов наказания к женщинам независимо от возраста противоречит как принципу справедливости, так и принципу равенства граждан перед законом и судом» [17, с. 19].

Подобные вопросы, в целом, вполне заслуживают того, чтобы стать основанием для осуществления конституционного судопроизводства. Однако в действующем состоянии конституционного контроля (Конституционный Суд был вновь образован в 2022 г.) он пока не стал предметом обращения со стороны заинтересованных лиц. Для сравнения, в практике конституционного контроля Конституционного Суда РФ имеются случаи, когда были установлены и признаны подлежащими последующими учету случаи, когда именно наличие соответствующих ограничительных конструкций в отношении женщин

(неприменение пожизненного лишения свободы) на практике приводит к тому, что женщина, совершившая аналогичное преступление, находится в ущемленном положении в сравнении с мужчиной (в частности, с позиции доступа к рассмотрению дела с участием присяжных заседателей) [18]. Соответственно, в реальном правоприменении могут складываться различные частные ситуации, которые при формальном равенстве (и даже формальном неравенстве) по половому признаку способны привести к тому, что в конкретной ситуации возникает фактическое неравенство, которое в ряде случаев может быть разрешено только в органах судебного и конституционного контроля.

По данным, представленным международными организациями, Казахстан к 2024 году имеет индекс тюремного населения, равный 184 (т.е. 184 чел. на 100 тыс. населения). При этом общая численность осужденных к лишению свободы к 2024 году составляет 35,228 тыс. человек, из которых только 7% - женщины [19]. При этом в казахстанских информационных ресурсах к середине 2024 года указывалась уже цифра в 37 тысяч осужденных, содержащихся в местах лишения свободы и констатировался рост числа соответствующей категории осужденных на 7 тысяч за последние 4 года. Это объясняется не столько ухудшением криминальной обстановки в стране, сколько тем, что в последние годы имело место ужесточение уголовного законодательства по так называемым общеуголовным преступлениям [20].

Таким образом, в целом, имеют место пропорции относительно количества «женского» тюремного населения и числа учреждений, в которых они отбывают наказание в виде лишения свободы. Тем не менее, возвращаясь к вопросу о положительной дискриминации, отметим, что в отношении осужденных женщин существует как минимум такой значимый ущемляющий фактор, как отсутствие учреждений во многих регионах Казахстана, что непосредственно влияет на реализацию таких значимых социальных прав, как поддержание социально полезных связей. При этом действующая редакция УИК РК не содержит достаточных компенсационных механизмов для того, чтобы возместить данный фактор за счет иных дозволений. Соответственно, при прочих равных условиях осужденный мужчина имеет сравнительно больший доступ к тому, чтобы иметь регулярные (разрешенные УИК РК) формы контактов с близкими родственниками. В данном случае не следует также исключать и фактор воздействия на интересы членов семьи осужденной женщины, которые также фактически могут находиться в ущемленном состоянии, поскольку у них в значительном количестве случаев снижены возможности к тому, чтобы посещать ее в учреждении. И это при том, что типичной является ситуация, что именно осужденная женщина стремится к коммуникации с несовершеннолетними детьми, поскольку традиционно сложилось, что основная часть функций по воспитанию детей в обществе связывается именно с женщинами.

Соответственно, «...под позитивной дискриминацией можно понимать предоставление привилегий определенной группе людей, обычно с целью компенсировать им возможную негативную дискриминацию» [21, с. 99]. При

этом авторы, исследующие данные вопрос, ставят ее в прямую связь с общим вектором гуманизации уголовной политики [22, с. 565], хотя следует признать, что гуманизация не может иметь явно выраженную асимметрию. «По своей сути, позитивная дискриминация представляет собой меры по предоставлению правовых льгот для определенных социальных групп для уравнивания их по различным критериям: этническому, конфессиональному, гендерному, сексуальной ориентации и т.д.» [23, с. 84].

Следует признать, что позитивная дискриминация в отношении осужденных женщин может привести к тому, что будут возражать элементы дискриминации в отношении противоположной группы. Фактически нельзя не признать, что принцип позитивной дискриминации фактически идет вразрез с принципом формального равенства (хотя, как уже было указано ранее, ст. 5 УИК РК и не включает равенство в принципы уголовно-исполнительного законодательства). В этом смысле исследование уголовно-исполнительных аспектов отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами под критическим углом способно также и выявить элементы чрезмерной позитивной дискриминации, когда повышается уязвимость уже большинства (осужденных мужчин). В целом, ревизия устоявшихся положений (в том числе и основанных на восприятии значения пола при конструировании тех или иных правовых норм) периодически необходима, поскольку нередко устоявшиеся положения вступают в противоречие с развивающейся общественной практикой.

Исследование уголовно-исполнительных аспектов лишения свободы в отношении осужденных женщин, таким образом, методологически верно проводить в сопоставительном аспекте с «мужским» сегментом, поскольку изолирование любой части системы неизбежно приводит к тому, что в недостаточной степени учитываются другие ее части. В этом смысле социальные процессы, к которым в полной мере относится и пенитенциарная практика, в полной мере отвечают закономерностям физических систем (в частности, согласно правилу Гейзенберга, чем точнее измеряется одна частица, тем менее точны измерения в отношении второй частицы). При этом следует особо отметить, что вопросы позитивной дискриминации в уголовно-исполнительной сфере не имеют замкнутых параметров характеристики. Так, вполне закономерно предположить, что «мужское большинство» тюремного населения вовсе не воспринимает те или иные нормы УИК и ведомственных актов, адресованных осужденным женщинам, как дискриминирующий фактор. Однако негативные последствия фактического неравенства, к которым может привести позитивная дискриминация, не ограничиваются сопоставлением на уровне процесса назначения наказания и условий отбывания лишения свободы, поскольку тезис о том, что гуманность в отношении осужденных женщин фактически снижает гуманность по отношению к потерпевшим от их преступлений также не лишен оснований. Таким образом, позитивная дискриминация как особый прием целенаправленного создания формально-юридического неравенства для достижения фактического равенства до

настоящего времени не в полной мере изучен в условиях казахстанской правовой системы, хотя его элементы и обнаруживаются в нормах УК РК и УИК РК.

В рамках данной работы будет постоянно акцентироваться внимание на необходимости осторожного отношения к одностороннему расширению группы предоставляемых осужденным женщинам льгот, так как это может нарушить гендерную симметрию и создать перекося баланс между их правами и обязанностями. Как показал анализ криминологических параметров женской преступности, который будет проиллюстрирован в следующем разделе работы, наличие нередко «смягченных» приговоров в отношении женщин объясняется тем, что они реже мужчин совершают преступления и, соответственно, реже привлекаются к уголовной ответственности, допуская при этом менее тяжкие и ненасильственные преступления (исключение составляют лишь отдельные случаи причинения насилия в семейно-бытовой сфере). В этом случае суд достаточно гуманно подходит к женщинам, совершившим преступление, особенно имеющим детей, поэтому их реже, чем мужчин, приговаривают к лишению свободы. В целом, практика назначения уголовных наказаний женщинам свидетельствует о ее существенном смягчении по признаку пола [24, с. 42]. При этом отмечается, что «по-видимому, общество не может сразу и полностью отказаться от применения... лишения свободы... в отношении большинства женщин...» [25, с. 8-9].

Вместе с тем, как отмечается в исследованиях, законодатель стремится к тому, чтобы на уровне УИК сконструировать предписания, которые будут способствовать необходимому учету особых потребностей осужденных женщин, обусловленных их биосоциальными особенностями [26]. В частности, институт отсрочки отбывания наказания практически тотально ориентирован на женщин в силу специфики формулировки состава, поскольку отсрочка связывается исключительно с «детским» фактором, который традиционно концентрируется вокруг роли матери [27]. При этом, в частности, Е.Ю. Сергеева данные нормы справедливо рассматривает как позитивную дискриминацию, направленную на защиту прав женщин, связанных с материнством [28], а А.С. Михлин – как поощрительный институт [29, с. 86]. Все-таки через призму современных процессов изменения в уголовно-исполнительной системе метод позитивной дискриминации представляется более правильной постановкой вопроса, поскольку, к примеру, в рамках отсрочки исполнения приговора едва ли имеются основания усмотреть те или иные признаки поощрения, скорее в данном случае женщине предоставляется шанс быть освобожденной от реального отбывания лишения свободы.

Именно фактор материнства в контексте оценки специфики исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин является ключевым, существенно превалирующим над всеми основными. В частности, обсуждается и апробируется создание адаптированного архитектурного пространства и условий для совместного проживания матери и ребенка в условиях пенитенциарного учреждения [30]. Исследователи даже приходят к выводу, что

имеет место абсолютизация фактора материнства, исходя из того объема прав и гарантий, которые предоставляются осужденным матерям, по причине чего они даже детерминируют злоупотребления и недобросовестность со стороны женщин [31, с. 145]. По мнению исследователей, женщины нередко готовы рожать в условиях изоляции для смягчения условий содержания, по причине чего используют любую возможность, чтобы забеременеть, причем, в данном случае сама беременность, равно как рождение ребенка, расценивается ими исключительно из конъюнктурных соображений [32; 33]. Отмечаются даже случаи, когда женщина беременела от своего близкого родственника именно с целью получить отсрочку отбывания наказания или улучшения условий пребывания в пенитенциарном учреждении [34, с. 45].

Вместе с тем общее повышение гендерной чувствительности во всех сферах жизни приводит к тому, что в вопросах исполнения лишения свободы вопрос относительно учета гендерных факторов постоянно воспроизводится и актуализируется [35, с. 22]. На фоне признания того обстоятельства, что преступное поведение женщин может быть не менее общественно опасным, нежели преступления, совершаемые мужчинами, все-таки указывается, что сама по себе женская преступность – это особый и опасный социальный феномен, который требует специального учета, в том числе и при формулировке специальных исправительно-коррекционных программ во время пребывания в условиях пенитенциарного учреждения [36, с. 20].

Элементы негативной дискриминации в отношении женщин могут не иметь явного проявления, однако обнаруживаются при тщательном логическом токовании норм уголовно-исполнительного законодательства. Все аспекты исполнения наказания преимущественно ориентированы на мужчин, без учета гендерных особенностей, по-прежнему ряд аспектов исполнения наказания в отношении женщин, в том числе имеющих малолетних детей, определен в законодательстве достаточно поверхностно. В теории же уголовно-исполнительного права настойчиво аргументируется мнение, что при применении к осужденным женщинам средств исправления должны учитываться их психофизиологические, социально-демографические, криминологические и психологические характеристики [37, с. 24]. Как уже ранее указывалось, у большинства осужденных женщин отмечается высокая тревожность, вызванная отчуждением родных и окружающих [38, с. 65] (данное обстоятельство, в частности, нашло полное подтверждение в рамках проведенного социологического исследования среди осужденных женщин). Кроме того, имеется выраженная эмоциональность, впечатлительность, демонстративность, взрывчатость, агрессивность, импульсивность [39, с. 13], по причине чего процесс ресоциализации может происходить с существенными затруднениями [40, с. 117]. Исследователи совершенно справедливо указывают и на такие сопутствующие факторы, усложняющие процесс исправительного воздействия, как достаточно высокий уровень наркотизации среди осужденных женщин [41, с. 17], что в полной мере подтвердилось и в рамках проведенного социологического исследования автором данной работы. Учитывая то

обстоятельство, что для женского гендера, одним из отличительных характеристик которого является феминность, существенное значение имеет фактор внешней привлекательности, ухоженности, условия физической изоляции нередко приводят к депрессивному состоянию и резкой утрате прежнего внешнего облика [42, с. 187].

В целом, в работах, посвященных проблемам исполнения лишения свободы в отношении женщин, всегда подчеркивается, что для них свойственна более высокая степень переживания по факту совершенного преступления, осуждения, разлуки с близкими и детьми [43, с. 365], причем отсутствие возможности воспитывать своего ребенка оценивается как самый болезненный фактор [44, с. 4]. При этом совершенно справедливы акценты относительно того, что уголовно-исполнительное законодательство максимально концентрирует внимание на факторе материнства тех женщин, чьи малолетние дети оставлены в доме ребенка учреждения, хотя категория «осужденная мать» гораздо шире и должна распространяться на всех женщин, которые имеют несовершеннолетних детей [45, с. 52]. Чаще всего акцент имеет место на малолетнем возрасте, причем, некоторые исследователи отмечают, что понятие «малолетний» употребляется в отношении детей с момента рождения до 10 лет, а ребенок от 10 до 14 лет является подростком [46, с. 127]. Другие авторы возражают: малолетний - несовершеннолетний (физическое лицо, ребенок) в возрасте до 14 лет; подросток – несовершеннолетний (физическое лицо, ребенок) в возрасте от 14 до 18 лет [47, с. 13].

Таким образом, когда речь идет о состоянии материнства осужденных женщин, то преимущественно обособляются две основные категории:

1) женщины, имеющие малолетних детей, которые при этом находятся в специальных детских учреждениях или у родственников (то есть в возрасте до 14 лет);

2) женщины, имеющие ребенка в доме ребенка учреждения в возрасте, до которого допускается присутствие ребенка в учреждении (в РК сейчас основной срок возможного пребывания ребенка в учреждении УИС с осужденной матерью определен как 3 года с возможностью продления в ряде случаев до достижения 4-летнего возраста).

Пенитенциарный период, сопряженный с материнством, требует пристального внимания, поскольку от его благополучия (неблагополучия) зависит состояние как матери, так и ребенка. Как указывал Н.А. Стручков, «принцип гуманизма должен распространяться на всех без исключения осужденных» [48, с. 168], однако применительно к фактору материнства, очевидно, он должен иметь более концентрированное выражение. Т.Н. Волкова справедливо отмечает, что целесообразно реализовать принцип максимальной гуманизации при назначении и исполнении наказания в отношении данной категории осужденных в том случае, если женщина является добросовестной матерью (за исключением совершивших умышленные преступления против личности, тяжкие и особо тяжкие преступления) [49, с. 9]. Данные вопросы будут подробно исследованы по всему ходу данной работы, однако приведенная

теоретическая позиция должна быть признана верной, поскольку чрезмерная, необдуманная гуманизация способна привести к прямо противоположным результатам, нежели ожидается.

В специальной литературе подчеркивается то обстоятельство, что практически все преференции в рамках уголовно-исполнительных отношений в рамках международных стандартов концентрируются именно вокруг особой функции женщины, связанной с беременностью и деторождением [50, с. 15]. Во Всеобщей декларации прав человека (ст. 25.2) отмечается, что младенчество и материнство предоставляют право на особую заботу и помощь; в Конвенции о правах ребенка по всему тексту включен универсальный принцип обеспечения наилучших интересов ребенка. Комитет по правам человека ООН указал, что с осужденными женщинами следует обращаться гуманно, особенно во время родов и ухода за новорожденными детьми [51]. В свою очередь, в п. 15 Резолюции ГА ООН по правам человека в управлении правосудием также заостряется внимание на проблемах женщин в пенитенциарных учреждениях, а также на необходимости максимального обеспечения комфорта и интересов их детей.

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин содержит оговорку, что не является дискриминацией принятие государствами особых мер, направленных на охрану материнства (ч. 2 ст. 4). Свод Принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, закрепляет запрет на применение к женщинам, имеющим малолетних детей, пыток, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращений или наказания, насилия и эксплуатации в пенитенциарных учреждениях, а также одиночное содержание или помещение в штрафной изолятор. Меморандум по Рекомендации № R(98)7 Комитета министров для стран - членов Совета Европы по этическим и организационным аспектам здравоохранения в тюрьмах провозглашает, что осужденные матери и их дети являются «особенно уязвимой» группой, а медицинский персонал должен оказывать им помощь и заботу, учитывая интересы ребенка и условия жизни матери и ребенка в пенитенциарных учреждениях (п. 69).

Международные нормы также определяют, что государственные органы должны максимально ориентироваться на удовлетворение интересов ребенка, оказавшегося в условиях пенитенциарного социума. В частности, в Бангкокских правилах 2010 г. предусматривается, что сотрудники учреждений получают информацию об уровне и процессе развития ребенка, находящегося вместе с осужденной матерью (пр. 33); осуществляют обыск детей, пришедших на свидание к осужденным матерям, проявляя уважение к их человеческому достоинству (пр. 21); закрепляется обязательный медицинский осмотр детей у специалиста-педиатра на предмет установления потребностей в лечении и медицинском обслуживании (пр. 9); за развитием детей в условиях пенитенциарного учреждения следят специалисты; в целях их воспитания создаются условия, максимально приближенные к имеющимся за пределами учреждения (пр. 51).

Многие международные документы указывают, что в случае рождения ребенка в тюрьме не следует упоминать об этом в свидетельстве о рождении (Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), Бангкокские правила и др.). Кроме того, предусмотрено, что в случае нахождения детей в тюрьме вместе с родителем необходимо создавать ясли, обеспечить наличие специальных квалифицированных сотрудников по уходу за детьми (Правило 29 Правил Нельсона Манделы, ст. 28 Рекомендации по Европейским пенитенциарным правилам). При этом к детям, находящимся в тюрьме с родителем, нельзя относиться как к заключенным (Правило 49 Бангкокских правил, Правило 29 Правил Нельсона Манделы).

Вместе с тем исследователи отмечают, что далеко не все вопросы по-прежнему нашли свое разрешение на уровне международных стандартов [52, с. 39], при этом многие авторы совершенно справедливо отмечают, что вопросы улучшения жизненной ситуации осужденной, в особенности осужденной матери, должны обеспечиваться не только персоналом учреждения, но и являться объектом приложения усилий со стороны самой женщины [53, с. 52].

Таким образом, несмотря на наличие существенных механизмов как в рамках международных стандартов, так и на уровне национального законодательства, до настоящего времени категория осужденных матерей расценивается как наиболее уязвимая [54]. При этом в исследованиях нередко отмечается социальный парадокс: с одной стороны, со стороны осужденных к лишению свободы практически отсутствуют факты прерывания беременности по собственному желанию; с другой стороны, осужденные женщины достаточно часто демонстрируют девиантное материнство. Данные вопросы будут подвержены дополнительному исследованию, однако указанное «девиантное материнство» может быть не обязательно обусловлено социальной запущенностью или иными негативными социально-психологическими характеристиками женщины, поскольку может быть связано как с отсутствием надлежащих материнских навыков (даже если у осужденной уже есть другие дети), так и со страхами, связанными с негативными представлениями о своем будущем и будущем своего ребенка. В этом смысле совершенно справедливы указания на то, что в учреждении, где имеется дом ребенка, должна быть создана надлежащая инфраструктура для того, чтобы не только имели место комфортные условия пребывания, но и чтобы имелись специалисты, которые могли бы оказать консультативную и иную помощь осужденной [55, с. 237].

Принцип охраны материнства и детства закреплен в Конституции РК и носит сквозной характер, поскольку отсутствуют какие-либо примеры того, чтобы конституционные гарантии имели те или иные изъятия без каких-либо оговорок. То есть он распространяется также на женщин, находящихся в местах лишения свободы, и их детей, находящихся в доме ребенка при учреждении. Однако условия их изоляции от общества зачастую создают препятствия для его полноценного обеспечения [56, с. 196]. В целом, факт пребывания ребенка в

условиях учреждения УИС является исключительно вынужденным социальным компромиссом, поскольку ни сам пенитенциарный социум (особенно, учитывая, что ребенок постоянно находится в учреждении), ни осужденная-мать, как правило, не могут обеспечить таких же условий развития и воспитания, как в условиях пребывания на свободе [56, с. 196]. В целом же, факт осуждения женщины к лишению свободы является более ощутимым для семьи, поскольку, как указывают исследователи, именно на женщину возложено максимальное количество функций, связанных с воспитанием детей [57, с. 149]. При этом установление для женщин отдельных льгот обусловлено презюмированной репродуктивной функцией женщины и связанной с нею социальной функцией, подразумевающей заботу о ребенке и его воспитание [58, с. 127].

Таким образом, основным лейтмотивом теоретического анализа, проведенного в рамках первого подраздела работы является обоснование того, что по причине особых потребностей в пенитенциарном периоде (особенно в связи с состоянием беременности и рождения ребенка) осужденные женщины должны выступать в качестве адресатов метода позитивной дискриминации. Данный метод необходим для того, чтобы осужденные женщины (фактически пенитенциарное меньшинство) более или менее были уравнены в правах с осужденными мужчинами (пенитенциарное большинство). Соответственно, адресатами элементов позитивной дискриминации являются преимущественно женщины репродуктивного возраста, а также те, кто имеет малолетних детей за пределами учреждения УИС (однако в данном случае целесообразно полное гендерное выравнивание между осужденными мужчинами и женщинами). По ходу всего исследования будет обосновываться то обстоятельство, что гендерный диспаритет является обоснованным только в том случае, когда речь идет о факторах, имеющих социально-биологическое, а не только биологическое значение. В этом смысле защита родительства осужденных мужчин должна быть столь же взвешенной, как и защита материнства и детства.

1.2 Международно-правовые стандарты по вопросам отбывания наказания в виде лишения свободы женщинами

Вопросы гендерного равноправия стали активно подниматься во второй половине XX века, причем, они имеют, с одной стороны, элементы «выравнивания» в правах, а с другой стороны - связаны с необходимостью дополнительного учета отдельных специфических потребностей, обусловленных гендером. Данная тенденция неизбежна привела к тому, что и уголовно-исполнительная политика стала в гораздо большей степени ориентироваться на учет соответствующих факторов [59, с. 23]. Применительно к Казахстану и другим странам постсоветского пространства следует отметить, что данный ценностно-трансформационный переход был связан также и с необходимостью преодоления издержек советской исправительно-трудовой системы. Однако фактически по времени перестройка уголовно-исполнительной системы стран постсоветского пространства совпала с заметными изменениями

в международной и зарубежной практике, что способствовало тому, что данные страны (в том числе и Казахстан) смогли пойти сразу по пути учета выработанных международных стандартов при построении новой УИС. Следует отметить, что в казахстанской науке до настоящего времени достаточный интерес к проблеме исполнения лишения свободы в отношении женщин не был проявлен, в отличие от стран ближнего зарубежья, где вопросы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин достаточно часто становились объектом диссертационных, монографических исследований и научных публикаций. Интерес к соответствующим вопросам не ослабевает до сих пор, причем, следует признать, что имеют место различные позиции: от обоснования применения лишения свободы к женщинам только в исключительных случаях до отрицания обоснованности любых предпочтений в отношении женщин (вплоть до применения наказания в виде пожизненного лишения свободы и смертной казни) [60; 61; 62; 63].

История международного сотрудничества в области обращения с осужденными охватывает довольно длительный период. В конце XVIII - начале XIX века случились трансформационные изменения в уголовной политике наиболее развитых стран Европы и США, на что особенно повлияли научно-этические воззрения французского философа Ш. Монтескье, итальянского юриста Ч. Беккариа, английского коммерсанта и общественного деятеля Дж. Горварда и других видных деятелей. То есть изначально на уровне научной мысли, а постепенно и на уровне законодательных решений идеи гуманизации процесса исполнения наказания стали приобретать все большие масштабы.

Соответственно, перед органами, учреждениями, должностными лицами, непосредственно включенными в систему исполнения наказаний различных стран, возникли новые задачи, требующие применения принципиально иных аксиологических подходов. К середине XIX века стали складываться определенные организационные формы (тюремные конгрессы), которые изначально проводились по инициативе частных лиц и благотворительных организаций. Позднее такие конгрессы стали проводиться под эгидой межправительственных комиссий, а с 1950 г. – под эгидой ООН, которая до настоящего времени преимущественно и вырабатывает общие правила исполнения наказаний и обращения с осужденными (заключенными).

Международные стандарты представляют собой документы, содержащие нормы, принципы и рекомендации, направленные на унификацию (насколько это возможно с учетом особенностей национальных правовых систем) назначения уголовно-правовых мер обращения с осужденными и деятельности учреждений и органов, исполняющих соответствующие уголовные наказания. Специфика соответствующих международных стандартов заключается в том, что они позиционируются как минимальные стандарты, то есть государства в полной мере стимулируются к тому, чтобы обеспечивать и более благополучные формы реализации уголовно-исполнительных отношений (при наличии соответствующих возможностей). Однако суть минимальных стандартов сводится к тому, что в отличие от международных договоров стандарты носят

рекомендательный характер. В юридической литературе существуют различные классификации международных стандартов. Так, профессор Ю.В. Филимонов в зависимости от источника происхождения подразделяет стандарты, принятые:

- а) ООН и ее рабочими органами;
- б) региональными межправительственными организациями; например, Европейским Советом, Организацией Африканского Единства;
- в) международными неправительственными организациями, например «Международная амнистия», «Международная тюремная реформа» [64, с. 8-9].

В зависимости от характера и масштаба объекта правового регулирования международные стандарты подразделяются на стандарты, регулирующие общественные отношения:

1) связанные с обеспечением соблюдения прав и свобод человека, в том числе осужденных, например, Всеобщая декларация прав человека (1948), Международный пакт ООН о гражданских и политических правах (1966), Европейская конвенция о защите прав и основных свободах человека (1950);

2) в сфере осуществления правосудия, в том числе при назначении и исполнении уголовных наказаний. К ним относятся: Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (1979); Декларация ООН об основных принципах правосудия жертв преступлений и злоупотребления властью (1985); Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся правосудия в отношении несовершеннолетних (1985) и др.;

3) в сфере исполнения уголовных наказаний и мер предварительного заключения. В качестве примера можно привести действующие с 2015 года Правила Нельсона Манделы, касающиеся обращения с заключенными; Европейские пенитенциарные правила, объявленные рекомендацией № R(87) Комитета министров Совета Европы в 1987 г.; Меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни, принятые Экономическим и Социальным Советом ООН в 1984 г.; Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, к защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятые Генеральной Ассамблеей ООН в 1982 г.

Другие исследователи предлагают разделить стандарты на три классификационные группы:

1) стандарты, для внедрения которых не требуется материальных затрат и реализация которых исключительно зависит от активности соответствующих государственных органов (например, право осужденных на получение информации и другие подобные структурные элементы специального правового статуса осужденных, реализация которых зависит исключительно от стремления самих работников УИС):

2) стандарты, для внедрения и реализации которых в настоящее время нет необходимых социально-экономических возможностей, но они могут быть созданы в ближайшее время (здесь в первую очередь следует вести речь об ограниченных возможностях внедрения новых медицинских технологий в

обеспечение здоровья осужденных к лишению свободы).

В рамках настоящей работы нами будут затронуты особые потребности женщин-осужденных, которые связаны не только с их состоянием здоровья, но и с возможностью реализации репродуктивных функций в период пребывания в изоляции. К настоящему времени международные стандарты в этом вопросе не содержат никаких акцентов, однако реализация возможности материнства для многих женщин (особенно тех, кто получил достаточно длительные сроки лишения свободы) становится затруднительной, а нередко и невозможной по причине ограниченности репродуктивного возраста;

3) стандарты, для внедрения которых требуется относительно продолжительные промежутки времени, поскольку их реализация требует либо полного переустройства функционирующей УИС, либо ее существенного реформирования [65, с. 29-30]. Аналогичные классификационные критерии приводятся и в других специальных исследованиях [66, с. 80].

В целом, следует признать, что нет таких рекомендаций в международных стандартах, которые нельзя было бы внедрить в отдельно взятой национальной юрисдикции. Здесь возникает вопрос относительно готовности общества, самой УИС, а также необходимости соблюдения определенного баланса между уровнем социально-экономического развития общества и минимальным стандартом, который общество может гарантировать осужденному, в том числе и женщинам с учетом их специфических потребностей. Всегда возникает закономерный социальный вопрос: каковы пределы гуманизма, которые общество может позволить себе в отношении осужденных, учитывая как степень общественной опасности совершенных ими преступлений, так и уровень социальных гарантий, которые имеют законопослушные граждане страны.

В.А. Уткин по степени общности подразделяет международные стандарты обращения с осужденными на универсальные и специальные [67, с. 6]. Среди специальных международно-правовых актов, имеющих сугубо пенитенциарный характер и распространяющихся на все категории осужденных, можно назвать: Правила Нельсона Манделы (2015); Европейские пенитенциарные правила (1987); Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (1990) и т.п. В отношении осужденных женщин долгое время не было специальных международных стандартов (преимущественно соответствующая спецификация правил обращения фиксировалась в отдельных оговорках, а также в разрабатываемых методических пособиях под эгидой международных организаций). Однако 21 декабря 2010 г. были приняты Правила ООН, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила) [68]. В данном случае следует, очевидно, признать, что, во-первых, существующих стандартов обращения, имеющих универсальный характер, оказалось недостаточно; а во-вторых, современный социум по-прежнему идет в направлении повышения уровня гуманизма в системы пенитенциарных и иных правил обращения с осужденными.

На мировом уровне был принят ряд международных документов, касающихся прав женщин (Конвенция о политических правах женщин, Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и другие. При этом сами международные стандарты расцениваются, как правило, как универсальные ориентиры, которые позволяют утверждать не только отсутствие необходимых механизмов защиты в отношении осужденных женщин, но и наличие в национальных законодательствах избыточных уступок, которые связаны исключительно с половой принадлежностью (а не только с состоянием беременности и материнства).

В целом, начиная со второй половины XX века, можно вести речь о том, что человеческое сообщество избрало в качестве вектора развития максимальное преодоление любых форм дискриминации в отношении женщин. Следует признать, что в отдельных случаях признание длительной истории дискриминационной практики привело к тому, что возникли элементы гиперболизации, своего рода «бездумного гуманизма». Тем не менее, все действующие до настоящего времени правовые универсумы продолжают сохранять значительное количество исключительных оговорок (изъятий или, напротив, льгот и преимуществ), касающиеся женщин, находящихся в местах заключения [69].

Главные международные документы общеполитического значения обязательно указывают на недопустимость дискриминации по половому признаку, социальному статусу и другим, связанным с ними. При этом половой признак фактически оказался тем, который может быть оценен уже на поверхности, поскольку вся история человечества, даже в рамках исторического развития развитых к настоящему времени стран, демонстрировала различные варианты дискриминационных практик. На это указывает, например, Международный Пакт «О гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г., в ч. 2 ст. 2 которого отмечено: «Каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется уважать и обеспечить всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, без какого бы то ни было различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства». Далее, в ст. 3 выделено особо, что участвующие в данном Пакте государства «обязуются обеспечить равное для мужчин и женщин право пользования всеми гражданскими и политическими правами», в нем предусмотренными [70].

В Конвенции «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» от 18 декабря 1979 г. отмечено, что понятие «дискриминация в отношении женщин» означает любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного

положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической и иных областях жизнедеятельности общества. При этом, в п. «б» ст. 2 данной Конвенции уточняется, что для борьбы с дискриминацией данного рода государства - участники принимают соответствующие законодательные и другие меры, включая санкции, там, где это необходимо, устанавливают юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами, отменяют все положения своего уголовного законодательства, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин. Кроме того, признается, что принятие государствами - участниками специальных мер, направленных на охрану материнства, не считается дискриминационным [71].

Более того, участники Конвенции ставят целью изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин, чтобы искоренить предрассудки и упразднить обычаи и всю прочую практику, основанную на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин (ст. 5).

В Декларации «О защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов» от 14 декабря 1974 года указано, что в период особых чрезвычайных условий и войны женщинам (наряду с детьми) необходимо предоставлять особую защиту, поскольку они в данные периоды времени «слишком часто являются жертвами бесчеловечных актов и в результате этого испытывают тяжелые страдания»; потому, что «ярмо колониализма, расизма, наземного и иностранного господства наносят тяжелые потери и причиняют неисчислимые страдания населению, находящемуся под их господством, особенно женщинам и детям»; а также потому, что любое государство осознает свою ответственность «за судьбу подрастающего поколения и за судьбу матерей, которые играют важную роль в обществе, в семье, и особенно, в воспитании детей» [72]. Кроме того, в этом же документе подчеркнуто, что женщины и дети представляют собой наиболее уязвимую часть населения. Поэтому в отношении них все формы репрессий и жестокого обращения, включая заключение в тюрьмы, пытки, расстрелы, массовые аресты, коллективные наказания, разрушение жилищ и насильственное изгнание с мест жительства, совершаемые воюющими сторонами в ходе военных операций или на оккупированных территориях, считаются преступными.

Можно назвать еще целый ряд международных документов, устанавливающих повышенную охрану прав и свобод женщин: например, Конвенцию о политических правах женщин (заключена в г. Нью-Йорке 20.12.1952 г.) [73], Конвенцию о гражданстве замужней женщины (заключена в г. Нью-Йорке 29.01.1957 г.) [74], Конвенцию о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков (заключена в г. Нью-Йорке 10.12.1962 г.) [75] и другие, в каждом из которых подчеркивается особое положение женщины, требующее учета его в определенных общественных и правовых отношениях.

При всех демократических установках, содержащих особое привилегированное отношение к женщине в целом, следует все-таки заметить:

международные документы подчеркивают основание данных привилегий, состоящее в ее социальной роли - материнстве. Еще более наглядно и конкретно это положение просматривается в документах пенитенциарного значения. Так, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 года, в п. 6 части 1 («Общеприменимые правила») специально отмечали, что данные правила следует применять с беспристрастностью, исключая все виды дискриминации, в том числе по признаку расы, пола, социального и национального происхождения и др. В данном документе содержалось (и, в целом, полностью воспринято в Правилах Нельсона Манделы 2015 г.) жесткое требование мужчин и женщин содержать в отдельных заведениях (если в одном - то в совершенно отдельных помещениях (данный принцип соблюдался в советский период функционирования исправительно-трудовой системы и продолжается соблюдаться до настоящего времени).

В отношении особого положения женщин-осужденных в Минимальных стандартах 1955 г. было указано, что женские учреждения должны располагать особыми помещениями для ухода за беременными женщинами и роженицами. Если ребенок родился в тюрьме, то об этом не указывать в метрическом свидетельстве (ст. 23). Также устанавливается возможность заключенным матерям «оставлять младенцев при себе, нужно предусматривать создание яслей...» [76].

При всей мягкости, лояльности отношения международно-правовых установок к женщине в целом как к участнику общественных отношений и к женщине-заключенной, следует отметить следующее. Создавая существенные преимущества женщине - матери, в целом международное право достаточно требовательно относится к женщине как к субъекту совершенного общественного опасного деяния, когда она не обладает дополнительными гендерными признаками (материнство, беременность). Этот вывод четко просматривается в Приложении к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Смертная казнь» от 20 декабря 1971 г., которое посвящено мерам, гарантирующим защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни. В частности, в ст. 3 данного Приложения сказано: «Смертный приговор не выносится за преступление, совершенное лицами, которые в момент совершения преступления были моложе 18 лет, в равной степени не должен приводиться в отношении беременных женщин или тех, кто недавно стал матерью, или лиц, потерявших рассудок» [77].

Необходимо отметить, что Правила Нельсона Манделы несколько расширили права осужденных женщин. В частности, в них говорится, что обыски должны осуществляться персоналом того же пола, что и заключенная (Правило 52); женское отделение должно быть в ведении сотрудника женского пола, при этом мужчины допускаются в него только в сопровождении сотрудников женского пола, что не исключает возможности выполнять свои профессиональные обязанности в женских учреждениях, например, учителям и врачам, являющимся сотрудниками мужского пола (Правило 81), и т.д. Однако в этих Правилах лишь вскользь упомянуто особое положение осужденных женщин

в местах изоляции. В частности, не урегулированы условия отбывания наказания осужденными женщинами, особенности их правового положения, вопросы обеспечения особых нужд беременных женщин и осужденных матерей с малолетними детьми и другие вопросы. Именно по этой причине особым актом в изучаемой сфере являются ранее отмеченные принятые в 2010 г. Правила ООН, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила). В этом международном акте подчеркивается необходимость особой защиты женщин с учетом их эмоционально-психологических, физиологических и иных особенностей, отличающих их от мужчин. Это касается защиты особых потребностей женщин-заключенных (оказания медицинской помощи, особенностей применения отдельных средств исправления и др.), уделяется особое внимание проблемам беременности и ухода за детьми, а также регламентации положения детей, находящихся в доме ребенка при пенитенциарном учреждении.

Анализ норм международных стандартов, которые полностью (Бангкокские правила 2010 г.), либо фрагментарно касаются исключительно осужденных женщин, свидетельствует о том, что практически единственным, тотальным акцентом является не просто половая принадлежность женщин, а именно факт ее социально-гендерной роли, в качестве которого определяется материнство. При этом отдельные вопросы, касающиеся санитарно-гигиенических потребностей женщин (специфических, в сравнении с потребностями мужчин-осужденных), женского здоровья и т.д. также сопровождаются отдельными оговорками. Вместе с тем только материнство (равно как состояние беременности) относятся к тем параметрам, которые имеют тотальное упоминание [78, с. 28].

Обращение к международным стандартам в области пенитенциарных правил обращения с различными категориями осужденных представляет собой непрерывный процесс, который нередко актуализируется в связи с принятием тех или иных новых программных документов, обострением необходимости принятия тех или иных решений в области пенитенциарной практики государства. Так, в соответствии с принятой Концепцией правовой политики РК до 2030 года от 15 октября 2021 года № 674, предполагается решение целого ряда вопросов, связанных с совершенствованием деятельности уголовно-исполнительной системы государства. К их числу следует отнести следующие: оптимизация учреждений УИС, повышение статуса службы пробации, в том числе качественное преобразование ее пенитенциарной формы и т.д. [79].

Исследователи совершенно справедливо отмечают, что, оценивая правовое положение осужденных женщин, следует принимать во внимание не только исключительно стандарты, связанные с вопросами исполнения наказаний, но и целый ряд иных документов международного характера, имеющих как универсальный, так и адресный характер [80, с. 19]. Действительно, в практике международного правотворчества выработан значительный комплекс документов, направленных на те или иные формы обеспечения прав, свобод и

законных интересов исследуемой категории лиц, в том числе их защиту. Так, в частности, в одном из последних документов ООН «Преобразование мира: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года» от 25 сентября 2015 года вопросы гендерного равенства поставлены в качестве 5-ой из 17-ти целей устойчивого развития [81].

Несмотря на то, что соответствующие положения не имеют непосредственного воплощения в сфере уголовно-исполнительных правоотношений, они, тем не менее, являются ориентиром, в том числе и для формирования отраслевых стандартов. В частности, заслуживает внимания указание на всеобщий доступ к услугам в области охраны сексуального и репродуктивного здоровья и реализации репродуктивных прав (п. 5.6 Повестки). Необходимо помнить, что использование термина «всеобщий» предполагает, что достижение данного индикатора не должно иметь исключений для тех или иных категорий лиц, в том числе и в отношении осужденных к лишению свободы. К группе адресных гендерно-ориентированных международных документов, ранее не упомянутых, можно отнести также Типовые стратегии и практические меры по искоренению насилия в отношении женщин и в области предупреждения преступности и уголовного правосудия (1997). При этом, конечно же, вопросы исполнения наказаний преимущественно концентрированы в отдельных документах, хотя грамотная конвергенция международных предписаний может способствовать формулированию новых выводов и рекомендаций.

В общепринятом формате при оценке международных стандартов в отношении осужденных к лишению свободы принято обращаться к универсальным нормам, которыми к настоящему времени являются Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключенными 2015 года (Правила Нельсона Манделы) [82]. В структуре общих, гендерно-нейтральных предписаний в данном документе содержатся также и конкретные нормы-адресаты для осужденных женского пола: раздельное содержание с мужчинами либо в отдельных участках, если функционирует общее учреждение (Правило 11); необходимость функционирования особых помещений для лечения и ухода за беременными и роженицами при приоритетном ведении родов в гражданских больницах (Правило 28); запрет на использование одиночного заключения (как меры дисциплинарного воздействия) в отношении беременных, кормящих, а также женщин с детьми (Правило 45); недопустимость применения средств усмирения по отношению к женщинам во время родовых схваток, при родах и сразу после них (Правило 48); применение интрузивных обысков только сотрудниками того же пола (Правило 52); исключение дискриминации с точки зрения предоставления права на супружеские свидания (Правило 58); специальные требования относительно того, чтобы «женские» отделения в тюрьмах находились исключительно в ведении сотрудниц того же пола; исключение доступа мужчин в соответствующие отделения, не связанного с выполнением профессиональных функций (Правило 81).

Созвучные международным стандартам предписания содержатся и в уголовно-исполнительном законодательстве РК. В соответствии с УИК РК не

допускается изменение вида учреждения на учреждение полной безопасности в отношении женщин, находящихся в состоянии беременности или имеющих при себе малолетних детей (ч. 3-1 ст. 96); отсутствуют ограничения для приобретения продуктов и предметов первой необходимости для указанной категории осужденных (ч. 3 ст. 105); осужденные женщины, имеющие при себе детей в домах ребенка учреждения, имеют право на краткосрочный выезд для обустройства ребенка у супруга, родственников или в детском учреждении (ч. 2 ст. 113); устанавливается право на особое материально-бытовое обеспечение беременных, кормящих, а также женщин, имеющих при себе детей, в том числе и указание на возможность организации при учреждении дома ребенка (ст. 116); имеется запрет на перевод в одиночную камеру и водворение в дисциплинарный изолятор женщин, имеющих грудных детей в доме ребенка, а также освобожденных от работы по беременности и родам (п. 8 ст. 132); также содержится запрет на содержание в строгих условиях учреждений полной безопасности женщин, находящихся в состоянии беременности и имеющих при себе малолетних детей (п. 5 ст. 144) [11].

Из перечисленных предписаний, содержащих в себе фактически исключительные правила, следует еще раз подчеркнуть, что преимущественные «преференции» в процессе отбывания наказания в виде лишения свободы складываются не по причине физиологических отличий (принадлежности к женскому полу), а в связи с отличиями биосоциального характера (состояние беременности и наличие малолетнего ребенка). При этом особо обращает на себя внимание положение п. 8 ст. 132 УИК РК. Так, согласно данному предписанию, применение дисциплинарного взыскания в виде перевода в одиночную камеру или водворения в дисциплинарный изолятор не применяется к женщинам, имеющим при себе грудных детей, а также освобожденным от работы по беременности и родам. Данное предписание в полной мере аутентично тому, которое содержалось в п. 6 ст. 113 УИК РК редакции 1997 года [83].

Таким образом, за достаточно длительный период времени спорная редакция данной нормы не была поставлена под сомнение. Вместе с тем она является дефектной как сама по себе, так и с точки зрения явного несоответствия международным стандартам. Так, если исходить из того, что в период разработки УИК РК 1997 года действовали прежние Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 года, то подобная норма, в целом, объяснима. В разделе «Дисциплина и наказания» указанных Правил отсутствовали определенные оговорки в отношении осужденных женщин, поскольку основные ограничения носили гендерно-нейтральный характер. Однако в дальнейшем были приняты так называемые Бангкокские правила 2010 года, в соответствии с которыми «наказания, предусматривающие одиночное содержание или помещение в штрафной изолятор, не применяются в отношении находящихся в исправительном учреждении беременных женщин, женщин с грудными детьми и кормящих матерей» (Правило 22) [68]. При выработке новых Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными 2015 года соответствующее предписание было уже непосредственно упомянуто в разделе

«Ограничения, дисциплина и меры взыскания» в Правиле 45 со ссылкой на ранее упомянутые Бангкокские правила 2010 года.

При кажущемся внешнем сходстве предписаний, содержащихся в УИК РК (как редакции 1997, так и редакции 2014 года), соответствующие нормы входят в диссонанс с приведенными положениями международных стандартов. Так, в соответствии с международно-правовыми рекомендациями (фактически данный аспект был особо отмечен в 2010 году в связи с принятием Бангкокских правил), имеется указание на состояние беременности как основание для признания недопустимыми перевод в одиночную камеру и водворение в изолятор. Обе редакции УИК РК содержат ограничение на подобный перевод только в отношении женщин, освобожденных от работы по беременности и родам (то есть не при различных сроках беременности, а исключительно в период нетрудоспособности).

В соответствии с п. 57 Правил проведения экспертизы временной нетрудоспособности, а также выдачи листа или справки о временной нетрудоспособности от 18 ноября 2020 года [84], общим сроком, с которого беременная женщина признается нетрудоспособной, является 30 недель беременности. Соответственно, по смыслу анализируемых положений УИК РК, допускается перевод осужденной до 30 недель беременности (при отсутствии иных документов о нетрудоспособности) в одиночную камеру, равно как и водворение в дисциплинарный изолятор. В этом смысле положения п. 8 ст. 132 действующего УИК РК, согласно которому «перевод осужденного в одиночную камеру, водворение его в дисциплинарный изолятор производится после медицинского освидетельствования на предмет возможности содержания в них с указанием срока взыскания», принципиальным образом не разрешают данной коллизии (хотя и может стать основанием для неприменения соответствующих взысканий). Соответственно, требуется коррекция п. 8 ст. 132 УИК РК в сторону запрета на применение взыскания в виде помещения в одиночную камеру и водворения в дисциплинарный изолятор трех категорий осужденных: беременных (независимо от срока беременности и трудоспособности), кормящих матерей и женщин, имеющих при себе детей. Данному примеру дисбаланса национальной уголовно-исполнительной практики в отношении осужденных женщин и международных рекомендаций была посвящена отдельная публикация автора данной диссертации [85].

Таким образом, результатом проведенной оценки международно-правовых стандартов в отношении отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами является формулировка ряда основных выводов.

Во-первых, создавая существенные преимущества женщине - матери (также женщине, находящейся в состоянии беременности), в целом, международное право достаточно требовательно относится к женщине как субъекту совершенного общественного опасного деяния, когда она не обладает дополнительными гендерными признаками (материнство, беременность).

Во-вторых, до настоящего времени даже на уровне международных стандартов не вполне четко определены параметры категории «осужденная

мать». В более узкой трактовке к нему следует относить только женщин, которые имеют при себе детей в пенитенциарном учреждении. Однако к ней следует относить всех осужденных, имеющих детей, в том числе и находящихся на свободе (данный вывод синтезирован на основе результатов исследования в первом и втором подразделе данного раздела). Так, УИК РК предусматривает только фрагментарные вопросы коммуникации осужденных женщин с детьми: в случаях, когда ребенок находится с ней в доме ребенка учреждения; выезд для обустройства ребенка к родственникам или в детские учреждения (в частности, по достижении им предельного возраста и отсутствии возможности дальнейшего оставления с матерью); ежегодные выезды для краткосрочных свиданий с несовершеннолетними детьми с инвалидностью. Все остальные вопросы общения осужденной с детьми решаются «внутри» пенитенциарного учреждения. И в данном случае женщина оказывается весьма зависима от внешних жизненных обстоятельств, поскольку общение с детьми в рамках краткосрочных и длительных свиданий может иметь место только с помощью взрослых членов семьи, которые должны сопровождать несовершеннолетних детей.

В-третьих, при кажущемся внешнем сходстве предписаний, содержащихся в УИК РК (как редакции 1997, так и редакции 2014 года), отдельные нормы, касающиеся применения дисциплинарных взысканий в отношении осужденных женщин, входят в диссонанс с действующими положениями международных стандартов. Так, в соответствии с международно-правовыми рекомендациями (фактически данный аспект был особо отмечен в 2010 году в связи с принятием Бангкокских правил), имеется указание на состояние беременности как основание для признания перевода в одиночную камеру и водворение в изолятор недопустимыми. Обе редакции УИК РК содержат ограничение на подобный перевод только в отношении женщин, освобожденных от работы по беременности и родам (то есть не при различных сроках беременности, а исключительно в период нетрудоспособности). Полагаем, что данное несоответствие должно подлежать устранению за счет распространения запрета на подобный перевод на весь срок состояния беременности осужденной женщины (а не только в период нетрудоспособности).

1.3 Зарубежный опыт законодательной регламентации и исполнения лишения свободы в отношении женщин

Развитие уголовно-исполнительного законодательства, как правило, осуществляется также и с учетом анализа законодательных и правоприменительных практик зарубежных стран. Причем интерес представляет как практика стран ближнего зарубежья (преимущественно по причине совместного историко-правового опыта и схожих политических и социально-экономических условий), так и стран дальнего зарубежья (как сложившаяся в течение более длительного времени концепция уголовно-исполнительного воздействия). Сравнительно-правовой метод исследования традиционно

Бисенова Т.Е.

считается одним из достоверных и действенных методов познания явлений социальной действительности (соответственно законодательной практики и правоприменительной деятельности), поскольку основан на сопоставительном анализе уже функционирующих систем, что исключает предположительный аспект, а преимущественно базируется на констатации того или иного явления (процесса). Зарубежная практика является своего рода подтверждением функциональности тех или иных законодательных положений, что, как правило, является достаточно убедительным аргументом к тому, чтобы презюмировать достаточно высокие шансы успешной имплементации в национальное законодательство (в особенности, когда в качестве категорий сравнения выступают страны со значительным количеством общих черт организации деятельности системы УИС в вопросах исполнения наказания).

Бисенова Т.Е.

В указанных аспектах в первую очередь интерес представляет практика стран ближнего зарубежья, в качестве которых принято рассматривать страны постсоветского пространства, поскольку, имея общий исторический опыт законодательной регламентации (равно как ранее имевшие место устоявшиеся аспекты правоприменительной практики, фактически сформировавшие особую модель уголовно-исполнительного воздействия), именно данные страны являются ближайшим объектом для сравнения. В данном случае возможны две основные противоположные презумпции, которые могут быть подтверждены или опровергнуты в ходе исследования вопроса. Первая заключается в том, что уголовно-исполнительное законодательство данных стран по-прежнему сохраняет подавляющее или значительное количество общих черт, вторая – в том, что к текущему периоду регламентация вопросов исполнения лишения свободы в отношении осужденных женщин приобрела существенные отличительные аспекты.

Бисенова Т.Е.

По ходу всего исследования постоянно подчеркивается то обстоятельство, что максимальные акценты по вопросам специфики уголовно-исполнительных отношений в отношении осужденных к лишению свободы женщин максимально концентрируются на факторе материнства и детства (равно как и состояния беременности). В данном вопросе практически все страны ближнего зарубежья демонстрируют те или иные акценты, которые в целом свидетельствуют о том, что законодатели данных стран также уделяют особое внимание именно соответствующим вопросам. Так, в частности, в уголовно-исполнительном законодательстве практически всех стран ближнего зарубежья указывается на функционирование дома ребенка в учреждениях, предназначенных для отбывания лишения свободы осужденными женщинами; в некоторых законодательных практиках уже на уровне уголовно-исполнительного закона устанавливается право на специализированную медицинскую помощь во время родов и в последующий период (в частности, в Армении, Узбекистане, Украине); в большинстве моделей имеется также и указание на возможность непосредственного совместного проживания матери и ребенка; предусматривается система гарантированной государственной социальной поддержки женщин (пособия по беременности и родам). При этом практически

Кроме того, законодатель практически всех стран ближнего зарубежья специальным образом регламентирует вопрос относительно специфики материально-бытового обеспечения осужденных женщин, имеющих при себе ребенка в доме ребенка учреждения: указываются повышенные нормы питания для осужденных беременных женщин и кормящих матерей (к примеру, в Азербайджане данные правила распространяются в целом на всех женщин имеющих при себе детей, не достигших 3-х лет); во многих моделях имеет место специальное указание на возможность получения осужденными беременными женщинами дополнительных посылок и передач в соответствии с медицинским заключением, а также возможность расходования средств сверх установленного лимита, который соответствует режиму и условиям отбывания наказания (либо устанавливается повышенная сумма соответствующих расходов, либо вообще отмечается, что данная сумма лимитированию не подлежит). В некоторых законодательных практиках оговаривается также и размер минимальной суммы зачисления на лицевой счет осужденной женщины, которая не может быть понижена, несмотря на те или иные необходимые удержания из доходов: не менее 25% - Молдова, 50% - в частности, Республика Беларусь, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан, Украина, 60% - Азербайджанская Республика, 75% - Кыргызская Республика. В контексте последнего указанного аспекта следует также отметить, что в ряде стран, где прямо предусматривается возможность проживания осужденной женщины с ребенком вне учреждения, данные нормы зачислений на лицевой счет устанавливаются в повышенном размере (в частности, не менее 65% в Азербайджане и не менее 75% в Украине). В данном случае следует отметить, что несмотря на то, что в уголовно-исполнительном законодательстве РК также предусматривается возможность проживания осужденных на льготных условиях (то есть вне учреждения, на прилегающей к нему территории), однако соответствующее правило на практике не реализуется (данный вопрос будет подвергнут оценке по ходу данного исследования). Во всех изученных законодательных моделях стран ближнего зарубежья (за исключением Азербайджана, Эстонии) имеется специальное указание, что при наличии малолетнего ребенка в доме ребенка учреждения осужденная не может

повергаться дисциплинарному изолированию в порядке применения взыскания.

В большинстве законодательных моделей предусматривается возможность выезда осужденных женщин для обустройства своих детей у родственников или в детские учреждения (то есть по достижении им предельного возраста пребывания в учреждении либо, в зависимости от личных обстоятельств, до этого срока). В данном случае отличия преимущественно концентрируются в вопросах продолжительности данного выезда – к примеру, в ряде стран он определен до 7 суток (Армения, Беларусь, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан), в других – до 10 суток (Украина), в третьих - до 15 суток (Азербайджан, Узбекистан), причем не считая времени проезда. Кроме того, практически всех законодательные модели стран ближнего зарубежья предусматривают возможность выезда для свидания с ребенком-инвалидом до 7 суток, не считая времени нахождения в пути (в некоторых законодательных практиках, например, в Украине, Армении и Азербайджане данный вопрос специально не оговаривается. В данном случае следует отметить, что в соответствии с Законом РК № 129-VII от 27 июня 2022 года, во всех нормативных правовых актах состоялась замена использования термина «инвалид» на «лицо с инвалидностью» [86].

Таким образом, были схематично рассмотрены основные аспекты, касающиеся своего рода специального уголовно-исполнительного статуса осужденных женщин по факту материнства, если при этом малолетний ребенок оставлен в учреждении УИС. Отметим, что поскольку анализ осуществляется преимущественно на уровне законодательных норм, то предполагается, что соответствующая модель функционирует, однако это не может являться безоговорочным утверждением. Так, в частности, как уже было отмечено, УИК РК предусматривает возможность проживания осужденного (причем независимо от пола) вне пределов учреждения, на прилегающей территории, однако данное положение на практике не исполняется. Соответственно тот факт, что в законодательстве многих стран предусматривается возможность проживания осужденной матери с ребенком за пределами учреждения не может являться прямой гарантией реализации данного права. Однако данный вопрос следует отнести к одному из наиболее выраженных признаков гуманного отношения к осужденной матери (то есть обоснованный элемент позитивной дискриминации). В уголовно-исполнительном законодательстве Кыргызстана, Молдовы, Армении отсутствует указание на возможность проживания осужденной-матери с ребенком вне пределов учреждения после того, как он достигает 3-летнего возраста (однако в данном случае следует оценивать гуманность уголовно-исполнительного законодательства отдельно взятой страны в комплексе всех предписаний).

Регламентация вопроса относительно возможности проживания осужденной матери с ребенком вне учреждения в различных законодательных моделях имеет обусловленный, а не автоматический характер, что представляется верным решением, поскольку фактическое состояние материнства не во всех случаях автоматически обеспечивает интересы ребенка, а

в целом ряде случаев данные интересы, напротив, требуют дистанцирования его от матери. В частности, совершенно справедлива оценка осужденной с точки зрения ее отношения к порядку отбывания наказания (отношение к труду, к соблюдению правил внутреннего распорядка и т.д.). В частности, такие требования устанавливаются в уголовно-исполнительном законодательстве Азербайджана, Беларуси, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины. Причем для принятия соответствующего решения, как правило, требуется постановление начальника соответствующего учреждения, в том числе по согласованию с наблюдательной комиссией (в практике Украины, Беларуси), при наличии санкционирования со стороны прокурора (практика Узбекистана), одновременно обоими указанными субъектами (практика Туркменистана), а равно по согласованию с органом исполнительной власти (практика Азербайджана).

Сама идея проживания осужденной-матери с ребенком вне учреждения предполагает, что условия отбывания ею лишения свободы должны стать максимально приближенными к условиям жизни на свободе. В частности, находясь под контролем администрации, данные осужденные имеют право на ношение одежды гражданского образца (исключение составляет регламентация вопроса в Таджикистане), при этом они приобретают право иметь при себе деньги, ценные вещи и пользоваться ими без ограничения. Соответственно, снимаются ограничения и на отправление посылок, бандеролей, передач, телефонные переговоры; как правило, снимаются ограничения и в отношении свиданий с родственниками и иными лицами (в законодательстве Азербайджана, кроме того, определяется также и возможность свидания с врачом).

Важным регуляторным элементом в данном случае выступает законодательно установленная возможность отмены права на проживание вне пределов учреждения в случаях, когда осужденная мать допускает те или иные виды нарушений (в Украине данное решение обязательно согласовывается с наблюдательной комиссией, в Туркменистане – санкционируется прокурором, а в Азербайджане – с министром).

Теперь следует более детально рассмотреть отдельные аспекты законодательной и правоприменительной практики стран ближнего зарубежья. Так, в частности, согласно Закону Эстонской Республики «О тюремном заключении» от 14 июня 2000 г., обнаруживается практически полное отсутствие гендерно-обусловленных уголовно-исполнительных предписаний, которые были бы адресованы именно осужденным женщинам. То есть все нормы данного нормативного правового акта имеют унифицированный характер. Исключение составляет ст. 54 указанного нормативного правового акта, именуемая «Особые условия для заключенных женщин», которая имеет следующую редакцию:

«(1) В тюрьме оборудуются отдельные помещения для беременных женщин и организуется уход за детьми. По ходатайству матери и с согласия учреждения опеки матери и ее ребенку в возрасте до трех лет (включительно) предоставляются возможности для совместного проживания. (2) Тюремная служба обеспечивает матери сохранение связей с ребенком старше трех лет, если

это не мешает нормальному воспитанию ребенка и не оказывает на него вредного влияния» [87].

При этом следует отметить, что в Эстонии функционируют к настоящему времени 3 тюрьмы закрытого типа, в которых организуются участки тюрем открытого типа (самостоятельные учреждения для отбывания наказания женщинами отсутствуют, оно обеспечивается в рамках локальных изолированных участков) [88]. Индекс женского «тюремного населения» в Эстонии не превышает 4 %, причем страна вообще относится к странам с минимальным индексом «тюремного населения». Анализ доступных информационно-коммуникационных ресурсов свидетельствует о том, что эстонские тюрьмы по причине их слабой наполненности к настоящему времени уже начинают использоваться в порядке аутсорсинга другими зарубежными странами [89].

В уголовно-исполнительном законодательстве Латвии практически отсутствуют какие-либо адресные предписания для осужденных женщин. Так, ст. 77 Кодекса Латвии об исполнении наказаний «по просьбе осужденной матери и с согласия сиротского суда ребенок до четырехлетнего возраста может находиться вместе с матерью в учреждении лишения свободы на полном государственном обеспечении. ... Администрация учреждения лишения свободы не позднее чем за три месяца до достижения ребенком четырехлетнего возраста сообщает в сиротский суд по местожительству родителей ребенка об окончании срока, в течение которого ребенок может находиться вместе с матерью в месте заключения. Сиротский суд, предварительно проверив условия по местожительству отца ребенка, передает ребенка под заботу отца. Если передача ребенка отцу невозможна, сиротский суд обеспечивает внесемейную заботу о ребенке. При выборе дальнейшего местожительства ребенка сиротский суд учитывает мнение матери ребенка» [90]. Ст. 77_1 Кодекса Латвии об исполнении наказаний устанавливает правила относительно предоставления разового пособия в связи с рождением ребенка, а ст. 78-3 регламентирует вопросы регистрации факта рождения ребенка и согласования в данном вопросе деятельности администрации учреждения с органами ЗАГС.

Обращаясь к опыту Грузии по вопросам исполнения лишения свободы в отношении женщин, следует отметить, что в Тюремном кодексе Грузии имеется самостоятельная Глава XII, которая адресована именно осужденным женщинам, однако она включает только одну объемную статью (ст. 72). В частности отмечается, что осужденные женщины отбывают лишение свободы в отдельных учреждениях, которые относятся к учреждениям полуоткрытого типа. При этом также устанавливается, что женщины могут помещаться и в иные учреждения соответствующего типа режима, однако только при наличии соответствующих материально-технических условий (т.е. фактически при возможности организации локального участка).

В ч. 3 ст. 72 Тюремного кодекса Грузии также отмечается, что в учреждениях, где отбывают лишение свободы женщины, могут организовываться специальные отделения для беременных, а также для женщин

с детьми. Обращает на себя внимание такой аспект, что в течение года после убийства ребенка, который до этого находился с осужденной матерью в учреждении, у женщины имеется возможность покидать учреждение для общения с ним в праздничные и выходные дни. Еще одно обстоятельство, которое существенным образом отличает уголовно-исполнительное законодательство Грузии, заключается в том, что в нем особо акцентируется необходимость интенсивных контактов осужденных женщин с детьми (в частности, устанавливается право на такое свидание 1 раз в месяц. Кроме того, ст. 9 72 Тюремного кодекса Грузии устанавливает правило, что женщина-заключенная имеет право на 1 видеосвидание в течение 10 календарных дней, а также (в качестве поощрения) - на 1 дополнительное видеосвидание в месяц [91].

В теории к одному из наиболее успешных опытов регламентации исполнения лишения свободы в отношении женщин признается, в частности, опыт Армении [92; 93; 94], причем здесь также удельный вес осужденных женщин в общей структуре пенитенциарного социума является незначительным. В УИК РА сконструирована обособленная ст. 90, именуемая «Особенности отбывания наказания осужденными, находящимися в состоянии беременности, кормления грудью и имеющими ребенка» следующего содержания:

«При необходимости в исправительном учреждении создается детский дом, в котором создаются условия для проживания и развития детей. Осужденный вправе поместить в детский дом исправительного учреждения своего ребенка в возрасте до трех лет и общаться с ним без ограничения в свободное от отбывания наказания время. Осужденному может быть разрешено совместное проживание с ребенком.

2. С согласия осужденного его ребенок в возрасте до трех лет может быть передан на попечение родственника, а также иного лица по решению органа опеки и попечительства, а после достижения трехлетнего возраста по выбору осужденного может быть передан в государственное или иное учреждение либо родственнику.

3. По достижении ребенком, содержащимся в доме ребенка при исправительном учреждении, трехлетнего возраста начальник исправительного учреждения вправе продлить срок содержания ребенка в доме ребенка до окончания срока наказания родителя, если до окончания срока наказания остается не более трех лет.

4. В случае продления срока наказания, предусмотренного частью 3 настоящей статьи, осужденный до окончания срока наказания пользуется правами, предусмотренными для осужденного, имеющего ребенка в возрасте до трех лет» [95].

В процитированной нормативной конструкции УИК РА особо обращает на себя внимание возможность весьма длительного пребывания ребенка с осужденной матерью (фактически до 6-летнего возраста). При этом в исследованиях специально подчеркивается, что условия отбывания наказания в «женских» участках являются достаточно комфортными и приближенными к условиям жизни на свободе, что позволяет им сохранять обычные привычки

ухода за собой, организации своей повседневной жизни (в частности, иллюстрируется на примере участка «Абовян» [96]. Кроме того, в УИК Армении действует общее правило (ст. 80), согласно которому выезд за пределы учреждения может быть предоставлен и отрицательно характеризующейся осужденной, однако в сопровождении представителя администрации учреждения.

В Республике Беларусь, согласно уголовно-исполнительному законодательству страны, функционируют три типа учреждения для содержания женщин, осужденных к лишению свободы:

- 1) для впервые отбывающих лишение свободы;
- 2) для ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы;
- 3) колонии-поселения [97, с. 43].

При исправительной колонии общего режима функционирует дом ребенка, где содержится 30–50 детей в возрасте до 3-х лет, причем женщины проживают отдельно от своих детей. В соответствии с ч. 1 ст. 91 УИК РБ, именуемой «Проживание осужденных женщин вне исправительной колонии», указывается: «Осужденным женщинам, добросовестно относящимся к труду и соблюдающим требования режима, по мотивированному постановлению начальника исправительной колонии, согласованному с наблюдательной комиссией, может быть разрешено проживание вне исправительной колонии на время освобождения от работы по беременности и родам, а также на период до достижения ребенком трехлетнего возраста» [98].

Однако в теории отмечается, что имеет место проблема с исполнением данного предписания, то есть на практике оно фактически не реализуется [97, с. 44]. Также обращает на себя внимание то, что в Беларуси осужденные обязаны возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении [103] (сходная норма отсутствует в законодательстве других стран). Ст. 95 УИК Беларуси предусматривает возможность продления срока пребывания ребенка с осужденной-матерью, но только в случае, если до конца срока отбывания наказания ей осталось не более 1 года.

Уголовно-исполнительное законодательство Республики Молдовы имеет определенную отличительную особенность структурного характера, которая заключается в том, что в рамках УИК РМ сконструирована самостоятельная часть 8, именуемая «Пенитенциарные учреждения для женщин», которая включает 2 достаточно объемные статьи [99]. В частности, из редакции ч. 1 ст. 255 УИК РМ следует, что в системе УИС предполагается функционирование отдельных учреждений для осужденных женщин, однако при этом также отмечается, что осужденные женщины могут отбывать лишение свободы в учреждениях, предназначенных для осужденных в изолированных участках, в рамках которых должны обеспечиваться режим и условия, соответствующие «женскому» учреждению (ч. 2 ст. 255 УИК РМ). При этом специально оговаривается, что осужденные беременные женщины и женщины с детьми не могут содержаться в учреждениях закрытого типа (т.е. в целом уголовно-

исполнительное законодательство РМ достаточно строго относится к режиму отбывания лишения свободы женщинами, которые практически уравниваются с мужчинами, за исключением ситуаций, когда они находятся в состоянии беременности или имеют ребенка). Ст. 256 УИК РМ уже адресована осужденным беременным женщинам, а также осужденным-матерям, которые имеют при себе ребенка в учреждении.

Примечательно, что ч. 2 данной статьи прямо указывает, что факт рождения ребенка в учреждении не указывается в свидетельстве о рождении (что напрямую соответствует международным рекомендациям, которые были проанализированы в предыдущем подразделе). Следует отметить, что законодатель Молдовы предусмотрел возможность совместного проживания ребенка с матерью при наличии ходатайства с ее стороны, до 3 лет, при этом предусматривается возможность продления данного срока только на 6 месяцев. Особо обращает на себя внимание то обстоятельство, что в ст. 256 УИК РМ прямо акцентируется внимание на том, что в первую очередь оцениваются интересы ребенка. Так, в частности, в ч. 5 данной статьи отмечается, что контакт матери с ребенком после его передачи из пенитенциарного учреждения обеспечивается администрацией данного учреждения в том случае, если это не будет влечь отрицательных последствий для ребенка. В свою очередь, ч. 6 ст. 256 УИК РМ прямо указывает, что «для обеспечения нормального развития и безопасности ребенка по мотивированному решению начальника пенитенциарного учреждения и при наличии согласия органа опеки ребенок может быть передан на попечение лицу или специализированному детскому учреждению и до достижения возраста, указанного в части (5) настоящей статьи» [99]. Данное обстоятельство заслуживает внимания, поскольку, как покажет дальнейший теоретический анализ, в УИК РК практически отсутствуют механизмы к тому, чтобы применять те или иные репрессивные механизмы по отношению к женщинам, которые ненадлежащим образом относятся к своим материнским обязанностям (то есть фактически имеет место односторонний механизм гуманизации). Как указывается в доступных источниках, единственное пенитенциарное учреждение для женщин в Молдове функционирует в селе Руска, количество осужденных женщин ежегодно не превышает 400 человек (причем $\frac{3}{4}$ осужденных содержатся именно в указанном учреждении).

Уголовно-исполнительное законодательство Украины также характеризуется структурным обособлением норм, касающихся особенностей отбывания лишения свободы женщинами, однако они объединены со специальными нормами в отношении несовершеннолетних в Главе 21 УИК Украины «Особенности отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами и несовершеннолетними» [100]. Женщинам адресованы две объемные по своему содержанию статьи, в рамках которых сконцентрированы все основные нормы, касающиеся данной категории осужденных лиц. Так, из трактовки содержания ст. 141 УИК Украины следует, что украинский законодатель предусматривает альтернативные возможности для осужденных-матерей: с одной стороны, женщина может проживать совместно с

ребенком в доме ребенка учреждения; с другой стороны – при отсутствии соответствующего волеизъявления, она может посещать ребенка в свободное от иных обязанностей время (при этом фактически отсутствует отрицательная коннотация в отношении нежелания матери проживать с ребенком, поскольку это может быть вызвано причинами самого различного порядка).

Ч. 4 ст. 141 УИК Украины прямо указывает, что «осужденные женщины с беременностью свыше четырех месяцев или имеющие при себе детей в возрасте до трех лет в случаях, когда к ним не применяется освобождение от отбывания наказания в соответствии со статьей 83 Уголовного кодекса Украины, направляются администрацией исправительной колонии для дальнейшего отбывания наказания в исправительную колонию, при которой имеется дом ребенка» [100]. Особенно обращает на себя внимание то обстоятельство, что близким родственникам ребенка, согласно ч. 5 ст. 141 УИК Украины, возможность общения с ним в период пребывания в доме ребенка учреждения обеспечивается органами исполнительной власти в сфере исполнения уголовных наказаний. Данный аспект с точки зрения дальнейшего теоретического исследования в рамках данной работы представляет собой особый интерес (далее в диссертации будет поставлен вопрос о защите родительских прав отцов, чьи дети находятся с матерью в учреждении УИС). Что касается возможного продления срока пребывания ребенка с осужденной матерью, то украинский законодатель установил его в 1 год (то есть до достижения ребенком 4 лет) при условии, что неотбытая матерью часть наказания не превышает данного срока.

Ст. 142 УИК Украины полностью посвящена вопросам реализации права осужденной-матери на проживание с ребенком вне пределов учреждения (все основные аспекты регулирования данного обстоятельства схожи с теми, которые были проанализированы в начале данного подраздела), причем предусматривают и репрессивные механизмы отмены соответствующего права. Следует отметить, что в УИК Украины, как, к примеру, и в УИК Молдовы, выделение самостоятельно структурного элемента уголовно-исполнительного закона, адресованного осужденным женщинам, не исключает упоминания отдельных обстоятельств отбывания наказания данной категорией осужденных в рамках иных статей закона. В частности, обращает на себя внимание ч. 8 ст. 116 УИК Украины, которая имеет следующее содержание: «Осужденным к лишению свободы женщинам гарантируется право не предоставлять информацию и не проходить осмотр в связи с историей ее репродуктивного здоровья. По требованию женщины ей должно быть обеспечено проведение медицинского осмотра (обследования) врачом-женщиной. Во время медицинского осмотра может присутствовать только медицинский персонал, кроме случаев, когда врач считает, что существуют исключительные обстоятельства, или когда врач просит работников учреждения исполнения наказаний присутствовать из соображений безопасности, или когда осужденный просит об этом» [100].

В контексте процитированного положения следует отметить, что, во-первых, оно в полной мере отражает рекомендации международных стандартов, касающихся требований относительно учета половой принадлежности

осужденной при коммуникации с ней; во-вторых, примечателен акцент на вопросах репродуктивного здоровья, не характерный для иных законодательных практик. В данном случае будет уместным анонс относительно того, что в данной работе будут подняты отдельные новые вопросы, связанные с реализацией осужденной женщиной своих репродуктивных планов и функций в пенитенциарном периоде. В целом, вполне заслуженно, что многие решения украинского законодателя в вопросах исполнения лишения свободы в отношении женщин находят активную поддержку в специальных исследованиях [101, с. 255; 107]. Поскольку УИК Украины исключает возможность отбывания лишения свободы женщинами в условиях учреждений максимальной безопасности (в данном случае градация учреждений отлична от казахстанской), закономерно, что соответствующие правила, тем более, распространяются и на беременных женщин, кормящих матерей и женщин, имеющих детей в возрасте до 3 лет [102; 103].

Как указывается в публикациях, в Туркменистане недавно была построена новая современная женская колония, которая может вместить до 4000 человек [104]. Причем вплоть до 2011 г. в стране применялись три режима отбывания лишения свободы для осужденных женщин: общий, строгий и особый. В 2011–2012 гг. большинство женщин были освобождены, за исключением осужденных по статьям о тяжких преступлениях, при этом особый режим был законодательно изменен на усиленный - вместо особого режима ввели усиленный. Обращает на себя внимание то, что, согласно ч. 4 ст. 51 УИК Туркменистана, «в исправительных учреждениях, где содержатся осужденные женщины, надзор за ними возлагается на сотрудников женского пола, имеющих доступ ко всем помещениям данного учреждения. Однако это не должно препятствовать сотрудникам мужского пола в исполнении их служебных обязанностей» [105]. Также в ст. 68 УИК Туркменистана содержится обособленная статья, содержащая порядок регламентации представления осужденной матери права на проживание вне пределов учреждения с ребенком до достижения им 3 лет с установлением основания для отмены указанного права (механизм схож с теми, который был отмечен ранее). В ч. 1 ст. 78 УИК Туркменистана отмечается, что «беременные женщины, женщины во время родов и в послеродовой период имеют право на специализированную помощь. При условии надлежащей охраны и изоляции допускается, чтобы роды происходили не в колонии, а в родильном отделении органа здравоохранения по месту нахождения исправительного учреждения. Если же ребенок рождается в исправительной колонии, то об этом не указывается в свидетельстве о рождении» [105]. При этом срок пребывания ребенка с матерью, согласно ст. 73 УИК Туркменистана, может быть продлен максимум на 1 год, а, согласно ч. 6 этой же статьи, «осужденным женщинам, имеющим детей в возрасте до полутора лет, предоставляется время для кормления ребенка в соответствии с законодательством Туркменистана» [105].

Регламентация исполнения лишения свободы в отношении женщин в УИК Кыргызской Республики, в целом, является достаточно лаконичной (и во многом схожа с решением вопросов в УИК РК). При этом имеется самостоятельная ст.

100, которая регламентирует специфику материально-бытового обеспечения беременных, кормящих женщин, а также женщин, имеющих детей в доме ребенка учреждения. В целом, данная статья не устанавливает каких-либо правил, которые представляют особый интерес и отличаются от регулирования в рамках УИК РК. В частности, срок пребывания осужденной матери с ребенком может быть максимально продлен на 1 год, с учетом, что самой осужденной осталось не больше до освобождения из учреждения. Обращает на себя внимание указание на право получать специализированную медицинскую помощь в дородовой, родовой и послеродовой периоды [106]. Уголовно-исполнительное законодательство Кыргызстана в вопросах регламентации вопросов отбывания лишения свободы женщинами также нередко отмечается исследователями в позитивном ключе [107; 108], однако это в большей степени относится не к нормативным конструкциям, а к правоприменительной практике, которая отличается достаточно высоким уровнем гуманизма и сдержанной позицией в отношении назначения лишения свободы женщинам.

Уголовно-исполнительное законодательство Республики Узбекистан фактически примыкает к тем моделям нормативной регламентации, в рамках которых используется прием структурного обособления предписаний закона, адресованных именно категории осужденных женщин. Глава 23 УИК РУ именуется «Особенности отбывания наказания отдельными категориями осужденных», однако фактически ее адресация соотносима только с осужденными женщинами (исходя из содержания действующих на данный момент статей). При этом в специальной литературе отмечают отдельные положительные элементы пенитенциарной практики Узбекистана [109], что имеет некоторые вполне заметные причины.

Как указывается в ст. 130 УИК РУ, «осужденным женщинам предоставляются в течение года четыре длительных свидания с несовершеннолетними детьми продолжительностью до пяти суток, а содержащимся в колониях-поселениях длительные свидания предоставляются без ограничения, в свободное от работы время, с возможностью проживания за пределами территории учреждения... Свидания осужденных женщин с несовершеннолетними детьми не засчитываются в количество свиданий, установленных настоящим Кодексом. Свидания осужденных женщин с несовершеннолетними детьми, находящимися в детских домах за пределами учреждения по исполнению наказания, производятся по просьбе осужденных женщин» [110].

В свою очередь, ст. 131 УИК РУ регламентирует право проживания осужденной матери со своим ребенком вне пределов учреждения до достижения им 3 лет, причем, как и в ранее рассмотренных моделях – с установлением критериев отмены данной возможности в случае допущения осужденной отдельных видов нарушений. Ст. 132 УИК РУ регламентирует вопросы функционирования дома ребенка в учреждении, которые не имеют существенных отличий от ранее проанализированных моделей, причем срок пребывания ребенка с матерью может быть продлен максимум до 1 года (с учетом

оставшегося срока нахождения матери в учреждении).

Особо обращает на себя внимание ст. 133 УИК РУ, которая специфицирует вопросы регламентации выездов осужденных женщин за пределы учреждения (практически во всех иных практиках формулируются общие статьи, касающиеся выездов осужденных, а отдельные правила в отношении женщин устанавливаются в их рамках). Редакция указанной статьи выглядит следующим образом: «Осужденным женщинам, имеющим детей дошкольного возраста, может быть разрешен выезд на срок до пятнадцати суток, не считая времени проезда в оба конца (не свыше четырех суток), для устройства детей у родственников, опекунов либо в детских учреждениях. Женщинам, имеющим несовершеннолетних детей с инвалидностью, разрешается выезд один раз в год для свидания с ними на срок до семи суток, не считая времени проезда» [110].

Таким образом, законодатель Узбекистана в вопросах регламентации исполнения лишения свободы в отношении женщин особо акцентирует внимание на поддержании социально полезных связей осужденных женщин с детьми. Так, количество свиданий с несовершеннолетними детьми не засчитывается в общее количество свиданий (их продолжительность устанавливается до 5 суток), выезд для обустройства ребенка предусматривается до достижения им школьного возраста.

В Азербайджанской Республике численность «женского» пенитенциарного социума является очень небольшой и составляет не более 2 %, что является очень низким показателем даже в сравнении с процентом женщин, находящихся в местах лишения свободы в развитых европейских странах [111]. «Женская» колония № 4, являющаяся единственным учреждением в Азербайджане для отбывания наказания женщинами, объединяет в себе структурные элементы для отбывания наказания как взрослыми женщинами, так и несовершеннолетними. С учетом небольшой площади Азербайджана наличие только одного учреждения для женщин, в целом, не может расцениваться как существенная проблема с точки зрения поддержания социально полезных связей (в отличие от таких географически протяженных государств, как Казахстан). При этом статья 88 УИК АР представляет собой самостоятельную норму, касающуюся регламентации права на проживание осужденной матери со своим ребенком до достижения им 3-х лет вне учреждения, которое может быть отменено при допущении осужденной нарушений, указанных в заключительной части ст. 88 УИК АР [112]. Регулирование материально-бытового обустройства беременных осужденных и осужденных с малолетними детьми, в целом не имеет каких-либо специфических особенностей от ранее рассмотренных моделей (при этом срок пребывания ребенка с матерью может быть продлен максимум на 1 год).

Что касается уголовно-исполнительного законодательства Таджикистана, то оно содержит значительное количество положений, схожих с законодательными практиками других стран ближнего зарубежья. Так, ст. 101 УИК РТ (регулирующая вопросы специфики отбывания наказания лишения свободы беременными осужденными и осужденными с детьми), а также ст. 102 УИК РТ, в которой устанавливается право на проживание осужденной с ребенком

до 3 лет вне учреждения, практически полностью идентичны ранее рассмотренным практикам и особым образом не специфицируются [113]. Применительно к практике Таджикистана можно указать, что не так давно был увеличен срок отсрочки исполнения приговора осужденной матери с трех до восьми лет (исключение имеет только в отношении женщин, совершивших особо тяжкие преступления). Вместе с тем ч. 1 ст. 78 УК Таджикистана, по словам Уполномоченного по правам человека в Таджикистане, в последние годы применяется судами редко: судья может отсрочить приговор при условии, что «семья, и родственники осужденной дают свое согласие на совместное проживание с ней или имеют возможность предоставить условия для обеспечения самостоятельного воспитания ребенка» [114]. Крупнейшая в Таджикистане женская колония в Нуреке имеет дом ребенка, в котором содержится достаточно много детей осужденных (практически все осужденные, которые имеют детей, отбывающие лишение свободы в стране) [115; 116].

Уголовно-исполнительное законодательство России имеет значительное сходство с большинством изложенных ранее положений. В частности, как в подавляющем большинстве законодательных практик стран ближнего зарубежья, в УИК РФ отсутствует структурная часть, которая концентрировала бы специальные положения, адресованные осужденным женщинам. Единственной специально адресованной нормой является ст. 100 УИК РФ, которая устанавливает особенности материально-бытового обеспечения осужденных беременных, кормящих женщин, а также имеющих малолетних детей в учреждении; остальные же предписания, предусматривающие особые правила, связанные с исполнением лишения свободы в отношении женщин, диспергированы по иным статьям УИК РФ. При этом особенно обращают на себя внимание два обстоятельства. Так, несмотря на то что в ст. 100 УИК РФ предусматривается возможность продления срока пребывания ребенка с осужденной матерью только до 1 года, следует учитывать, что российский законодатель изначально установил 4-х годичный срок возможного пребывания ребенка с осужденной матерью, соответственно, он фактически может быть продлен до достижения им 5 лет.

Кроме того, внимания заслуживает ч. 2.2 ст. 97 УИК РФ, которая регламентирует выезды осужденных за пределы учреждения, которая имеет следующую редакцию: «Осужденным женщинам, имеющим вне исправительной колонии ребенка в возрасте до 14 лет, а также осужденным мужчинам, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет и являющимся единственным родителем, могут быть разрешены два выезда в год для свидания с ребенком на срок до 10 суток каждое, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно» [117]. В данном случае следует произвести оговорку, что при наличии соответствующего предписания правоприменительная практика может складываться различным образом. Аналогичная норма отсутствует во всех ранее рассмотренных моделях регламентации исполнения лишения свободы в отношении женщин, поскольку в большинстве из них (равно как и в Казахстане) возможность выезда осужденных к детям, как правило, связывается исключительно с наличием у них

инвалидности (за исключением выезда для обустройства малолетнего ребенка у родственников или в детские учреждения).

Кроме того, особенно примечательно, что соответствующая адресация имеет место и в отношении осужденных мужчин, являющихся единственным родителем, что следует признать совершенно верным решением (по ходу всего исследования будет иметь место своего рода гендерная научно-теоретическая экспертиза уголовно-исполнительного законодательства РК, которая позволит выявить некоторые необоснованные гендерные диспропорции, ущемляющие родительские права осужденных отцов). Автор данного исследования (в том числе и в соавторстве с другими исследователями) отмечала в своих публикациях необходимость применения метода позитивной дискриминации к осужденным женщинам в максимально сбалансированном, дозированном аспекте, который не должен приводить к дискриминации мужского пенитенциарного социума [118].

Анализ опыта стран дальнего зарубежья свидетельствует о том, что практика организации процесса исполнения лишения свободы в отношении женщин может быть весьма различной и не зависеть напрямую от общего уровня развития пенитенциарной системы того или иного государства. Так, согласно отчету международной организации «Материнство в тюрьмах Европы», во всех странах Европейского союза функционируют в той или иной форме специальные учреждения (дома) матери и ребенка. Условия содержания женщин и их малолетних детей в разных европейских государствах различаются достаточно заметно, причем в некоторых странах дети передаются близким родственникам либо отправляются в специальные приюты, в других и вообще установлены запреты на пребывание детей в тюрьмах (например, в Норвегии).

Практика исполнения лишения свободы в отношении женщин с детьми в США является существенно дифференцированной в различных штатах, варьируясь от достаточно гуманных моделей до запретительных методик. К примеру, в штате Джорджия признается в качестве наиболее оптимального варианта передача ребенка осужденной матери в приемную семью, поскольку существует мнение, что пребывание ребенка с матерью в тюрьме однозначно вредит его нормальному развитию. В тюрьме «Пуласки» штата Джорджия функционирует детский центр, куда осуществляется транспортная доставка детей, которые выразили желание пообщаться со своей осужденной матерью [119, с. 6]. В рамках других учреждений данного штата допускаются свидания детей с осужденными матерями (в некоторых к настоящему времени уже организуются и отделения для содержания детей), что характерно также и для тюрем штатов Мичиган и Калифорния.

Другие штаты демонстрируют более адресные подходы к вопросам содействия укрепления связей осужденной матери и ее ребенка (например, в штатах Нью-Йорк, Бедфорд, Миннесота). Здесь реализуются специальные программы, которые содержат различные практики для интенсификации общения осужденной матери и ребенка, в рамках которых осуществляется транспортная доставка детей для посещения матерей, когда они в отдельных, специально предназначенных для этих целей прицепах, могут совместно

провести время, например, во время выходных или праздничных дней; также действует практика разрешения записи осужденной женщиной видеофайла для отправки ее ребенку (однако это осуществляется не в рамках государственных программ, а исключительно по инициативе и при содействии благотворительных организаций, в том числе христианских общин).

Что касается европейских моделей, то, к примеру, в Финляндии не предусмотрено строительство отдельных учреждений для женщин, соответственно, они содержатся в отдельных камерах изолированно от мужчин. В тюрьме Хямеэнлинна организованы помещения для совместного содержания осужденных женщин с их детьми, однако только при том условии, что такое общение не причинит вреда ребенку. В тюрьмах закрытого типа дети могут находиться до достижения ими 2-летнего возраста, а в тюрьмах открытого типа - до трех лет. В то время, когда осужденная женщина работает, дети находятся под присмотром квалифицированных сотрудников тюрьмы, имеющих специальную подготовку для работы с детьми [120, с. 53]. Обращает на себя внимание такая практика, используемая в Финляндии, при которой осужденная женщина может на время оставить ребенка у его отца, находящегося на свободе, или в каком-либо учреждении, после чего вновь забрать его. Кроме того, в Финляндии женщины вправе посещать семью 1 раз в неделю, причем, эти посещения могут быть как контролируемые, так и неконтролируемые [121, с. 27].

В тюрьме открытого типа «Ваная» женщины могут содержаться с детьми до достижения ими 3-летнего возраста в пяти специальных помещениях (общее количество помещений в тюрьме – 55). На этих осужденных возлагается обязанность трудиться, однако они должны готовить еду для своих детей, самостоятельно заниматься их воспитанием и иным необходимым уходом. При этом для финляндских тюрем, как и для большинства учреждений, в которых отбывают наказание осужденные женщины, характерен достаточно высокий уровень предшествующей наркозависимости данной категории лиц, в связи с чем требования по надлежащему исполнению материнских обязанностей расцениваются как один из элементов ресоциализирующего воздействия на них. По достижении ребенком 3-летнего возраста мать принимает непосредственное участие в решении вопроса о передаче его родственникам, в приемную семью либо в детское социальное учреждение [122, с. 134].

В свою очередь, в Германии функционирует 10 учреждений для осужденных матерей с детьми [123, с. 57]. При этом осужденных матерей с детьми до 3 лет не разлучают, а переводят в специальные тюрьмы; целью такой «тюрьмы в тюрьме» является сохранение контакта между осужденной матерью и ее ребенком [124]. Причем если для осужденной устанавливается более свободный режим отбывания лишения свободы, то она даже имеет возможность проводить время с детьми дошкольного возраста вне учреждения. В целом, особенностью германского опыта является возможность оставления детей с осужденной матерью вплоть до школьного возраста, однако для принятия данного решения необходимо, чтобы было установлено, что данная практика не окажет негативного воздействия на ребенка, а пребывание с матерью

соответствует его интересам [49, с. 74]. Помещения для совместного содержания матери и ребенка в тюрьмах Германии являются достаточно просторными (20 кв.м.), при этом создается вся необходимая инфраструктура (ясли, лифты для детских колясок, детские площадки и т.д.). Несовершеннолетние осужденные женского пола содержатся в тех же учреждениях, что и несовершеннолетние мужского пола, однако в изолированных участках [125, с. 30]. В германский опыт включена также практика своего рода условно-добровольного формирования первоначального капитала у осужденной женщины, в рамках которой до 4/7 от дохода осужденной зачисляется на отдельный счет (в сумме с получаемыми ею алиментами), причем, распорядиться этим капиталом она может свободно только после освобождения.

В тюрьмах Греции и Дании разрешено совместное проживание матери и ребенка даже в случаях, когда женщина приговорена к одиночному заключению [126, с. 50]. В Греции имеет место прямой запрет на применение к осужденным матерям, имеющим ребенка в возрасте до 2 лет, различных видов дисциплинарного воздействия, которые были бы связаны с необходимостью ее дополнительного изолирования. В целом, в рамках ранее рассмотренной практики стран ближнего зарубежья существуют аналогичные запреты, что в полной мере соответствует международным рекомендациям [127, с. 97]. В указанных странах применяется также и практика отсрочки исполнения приговора (на два месяца до родов и на 1 месяц после родов), после чего осужденная помещается в тюрьму со своим ребенком.

В Нидерландах в настоящее время практика организации условий совместного проживания осужденной матери с ребенком заключается в том, что изначально конструируются специальные помещения с повышенной нормой площади и необходимыми атрибутами, требующимися для нормального содержания ребенка (пеленальные столы, манежи и т.д.). В целом, аналогичный подход имеет место и в тюрьмах Великобритании. В обоих указанных странах действует практика, согласно которой всю заботу о ребенке на постоянной основе осуществляет сама осужденная, за исключением времени, когда она занята работой (в этот период ребенок находится под присмотром персонала). В Ирландии, например, отсутствуют специализированные помещения в тюрьмах, которые были бы ориентированы на совместное проживание матери и ребенка, однако если женщина осуждается к лишению свободы, то она с ребенком все-таки не разлучается. В данном случае содержание ребенка с матерью в тюрьме расценивается как совершенно крайняя и нежелательная мера, в связи с чем широко применяются практики досрочного освобождения до достижения ребенком 9 месяцев [128].

Правовая база, регулирующая положение женщин с детьми в тюрьмах Австралии, варьируется в зависимости от штата или территории, поскольку пенитенциарная система децентрализована. «Стандартизированные руководящие принципы для исправительных учреждений Австралии» (Standard Guidelines for Corrections in Australia, 2012) прямо предусматривают необходимость разработки специальных программ для матерей и детей, а также

Бисенова Т.Е.

доступ к медицинской, психологической и социальной поддержке. В Австралии существуют программы, позволяющие матерям сохранять контакт с детьми и даже проживать с ними в тюрьме. Одним из наиболее известных примеров является «Программа матери и ребенка» (Mother and Children Program) в штатах Новый Южный Уэльс, Виктория, Западная Австралия и Южная Австралия. Вместе с тем в обзорных исследованиях австралийской пенитенциарной практики в отношении женщин часто указывается на то обстоятельство, что в стране, в целом, существует достаточно строгая уголовная ответственность в отношении женщин (особенно в отношении аборигенок), равно как и процесс отбывания лишения свободы также является достаточно жестким.

Бисенова Т.Е.

В данном случае следует особо отметить, что одним из значимых параметров уголовно-исполнительной практики в отношении осужденных женщин с детьми по ходу всего исследования в рамках данного подраздела работы отмечалась возможность более длительного пребывания ребенка в учреждении. В этом плане опыт стран как ближнего, так и дальнего зарубежья существенно разнится. Как правило, решение данного вопроса находится в ведении руководителей администрации учреждения, которые исходят из оставшегося срока наказания, подлежащего отбытию, а также от поведения самой осужденной матери. Допустимый срок пролонгации пребывания ребенка с матерью варьируется от 9 месяцев до 4 лет и даже более. Нередки случаи, когда в зарубежных странах сама администрация учреждения идет навстречу осужденной матери и оставляет с ней ребенка на дополнительный срок (например, такая практика имеет место в Дании) [126, с. 49].

Бисенова Т.Е.

Таким образом, изучив зарубежный опыт в области исполнения наказания и обращения с осужденными женщинами (в первую очередь – по факту наличия у них детей в учреждении или вне его), можно отметить ряд положительных моментов, которые целесообразно позаимствовать и внести в качестве корректировки действующего уголовно-исполнительного законодательства РК:

- нормы, касающиеся исполнения лишения свободы в отношении женщин, выделить в отдельную главу УИК (в отечественной науке уже высказывалось данное предложение), поскольку это позволит надлежащим образом обособить все нормативные конструкции, которые имеют адресацию осужденным женщинам, а не формулировать предписания по «исключительному» методу;

- рассмотреть вопрос о возможности введения института проживания осужденных женщин со своими детьми за пределами учреждения до достижения ребенком 3 лет (учитывая инфраструктурные затруднения, связанные с отсутствием домов ребенка в большинстве учреждений УИС, данное нововведение позволит более благополучно решить вопрос);

- решение о проживании осужденной матери совместно со своим ребенком принимать только в интересах ребенка (то есть исключить все факторы иных оценок поведения женщины, за исключением ее отношения к факту своего материнства);

- исключить необоснованные гендерные диспропорции в нормах УИК РК, которые приводят к ущемлению родительских прав осужденных мужчин. (в

частности, в вопросах выезда за пределы учреждения). При этом следует возможность выезда как для осужденных женщин, так и для осужденных мужчин, в одиночку воспитывающих малолетних детей, установить не только в случаях наличия инвалидности у ребенка, но и во всех случаях, когда ребенок осужденной (осужденного) является малолетним;

- принять решение о возможности продления срока нахождения ребенка в доме ребенка учреждения, если матери до окончания срока отбывания наказания осталось не более двух лет (это максимальный срок продления, который был установлен в нормах зарубежного уголовно-исполнительного законодательства). В данном случае следует учитывать, что ограничение по сроку продления пребывания ребенка обуславливается исключительно возрастными параметрами самого ребенка, поскольку после определенного возраста оставление в условиях дома ребенка учреждения может отрицательно сказаться на его развитии и социализации. При этом 2-х годичный срок продления является допустимым (безусловно, при сопутствующем улучшении состояния «детской» инфраструктуры в учреждениях УИС).

2 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРОЦЕССА ИСПОЛНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

2.1 Криминологические параметры характеристики преступности женщин, осужденных к лишению свободы

В рамках данного диссертационного исследования фактически исследуется только фрагментированный аспект женской преступности, поскольку он касается исключительно тех случаев, когда осужденные женщины в силу характера и степени общественной опасности совершенных преступлений, равно как и параметров характеристики их личности, осуждаются к самому строгому виду уголовного наказания, которым является лишение свободы. Безусловно, данный сегмент женской преступности имеет существенные отличительные параметры характеристики, однако в обязательном порядке обладает и признаками общей характеристики женской преступности в стране на современном этапе. В целом же, для криминологической науки уже давно стало традиционным выделение и самостоятельное исследование женской преступности, которая, исходя из сложившегося теоретического консенсуса, обладает существенными отличительными признаками, позволяющими оценивать ее в качестве самостоятельного криминологического феномена. Это в полной мере отражает потребности криминологии, которая хотя и является наукой, производной от уголовно-правовой отрасли, тем не менее, имеет собственные научные задачи, которые концентрируются на вопросах предупреждения того или иного вида преступности. В этом смысле понятие «женская преступность» включает в себя все основные аспекты характеристики преступности в целом, однако дифференцирует ее именно по признаку суммирования всех преступных посягательств, совершаемых лицами женского пола в стране за определенный период.

Вопросы формирования криминальной мотивации у женщин уже на протяжении столетий вызывают научный интерес, поскольку презюмируется, что женщина в силу специфики ее биологических (гормональный фон, антропометрические характеристики и т.д.) и социальных (функция материнства, особая роль в структуре семьи и т.д.) характеристик неизбежно является менее криминально активной, в особенности, если речь идет о преступлениях насильственного характера. Иными словами, для «гендерного кода» женщины явно нетипичен факт совершения преступлений вообще, а особенно тех их разновидностей, которые связаны с внешним проявлением физической или иной агрессии. Фактически традиционными являются указания на те обстоятельства, что у женщины криминальная мотивация имеет значительно более продолжительный период формирования, причем этот процесс в обязательном порядке зависит от влияния внешних, объективных факторов. Нередко в теории можно встретить прямые или опосредованные утверждения относительно своего рода «вынужденного» характера значительной части преступлений,

совершаемых женщинами.

Несмотря на то обстоятельство, что в последние годы имеют место существенные изменения в вопросах трактовки понятия гендера и его значения в формировании и развитии различных общественных процессов современного общества, следует признать, что в соответствующем направлении по-прежнему сохраняется значительное количество стереотипов, преодоление которых требует существенных усилий со стороны государства и общества. Условно позитивная функция данных стереотипов заключается в том, что женщина воспринимается как изначально неактивная в криминальном аспекте личность, что приводит к тому, что уголовное, уголовно-исполнительное законодательство содержит некоторое количество норм, регламентирующих особенности реализации уголовной ответственности и исполнения уголовного наказания в отношении осужденных женщин (что во многом и является предметом данного исследования). При этом однозначно негативная коннотация гендерных стереотипов связана с тем, что «среднестатистическая» женщина по-прежнему продолжает испытывать на себе различные варианты ущемления с точки зрения равного доступа к различным социальным возможностям, оценивается исключительно в рамках традиционных семейных и материнских функций.

Здесь следует отметить, что в социологии, к примеру, в достаточно широком обороте находится термин «гендерный дисплей», который введен в научную терминологию И. Гофманом [129, с. 306]. Данное понятие предполагает оценку всей палитры общественных отношений, складывающихся между людьми, с позиции оценочных участников в рамках тех или иных социальных ожиданий, связанных с половой принадлежностью человека. Эти социальные ожидания в обязательном порядке связаны с тем или иным восприятием «традиционных» паттернов поведения человека, которые напрямую связаны с его биологическим полом. Одно из этих социальных ожиданий уже было ранее упомянуто: женщина изначально оценивается как неактивная в криминальном аспекте личность именно в силу ее половой принадлежности (изначально) и социальной роли (производно). Вместе с тем понятие «гендерный дисплей» предполагает несколько иную оценку гендера, нежели только прямой проекции половой принадлежности на те или иные внешние социальные проявления (роли, функции, поведенческие особенности и т.д.). Фактически половая принадлежность хоть и остается производным аспектом, однако некоторым образом обособляется от понимания гендера в социальном плане, который с течением времени все больше имеет тенденцию к сближению параметров характеристики социального статуса мужчины и женщины. В данном ключе также имеют место как позитивные, так и негативные обстоятельства. В частности, первые связаны с возрастанием степени защищенности прав и свобод женщины в социуме, предоставлением им относительно равных возможностей для социальной реализации. Вторые же обстоятельства непосредственно приводят к тому, что женщина начинает демонстрировать отдельные проявления традиционно маскулинного поведения, к разновидности которого относится, в том числе, и совершение преступных посягательств.

По ходу всего исследования (в особенности применительно к уголовно-исполнительным аспектам наказания в виде лишения свободы) акцентируется преимущественно социальный аспект проявления женского гендера. В частности, подавляющий объем теоретического анализа в рамках данного исследования связывается с исключительными функциями женщины, обусловленными именно ее половой принадлежностью (состояние беременности, деторождение). Вместе с тем отдельные социальные стереотипы, относящиеся к оценке женского гендера, напротив, на регулярной основе подвергаются теоретической ревизии, сопровождающейся серьезной переоценкой отдельных консервативных предписаний законодательства (в первую очередь, уголовно-исполнительного). При этом, возвращаясь к оценке понятия «женская преступность», следует отметить, что она до настоящего времени продолжает оцениваться как своего рода антипод мужской преступности. Очевидно, данный методологический подход является практически неизбежным и непреодолимым, поскольку, как уже ранее отмечалось, женщины в структуре реализации криминального поведения представляют явное меньшинство (равно как они являются и еще более заметным меньшинством в рамках пенитенциарного социума).

Соответственно, специфика женской преступности неизбежно будет оцениваться через ее сравнение с мужскими формами криминального поведения в рамках их массовой характеристики. Хотя многие исследователи и выражают недовольство соответствующей методологией, поскольку, по их мнению, оценить, к примеру, криминальное насилие женщины исключительно через сопоставление с мужским криминальным насилием в достаточной мере невозможно [130, с. 5]. Отдельно взятый акт преступного поведения женщины может отличаться критической формой общественной опасности, однако в общей совокупности, конечно же, мужская преступность существенно превалирует по отношению к женской не только по объему, но и по степени и характеру общественной опасности (что, в частности, особенно проявляется в объеме агрессивного-насильственных форм криминального поведения). Отдельные аспекты отличительной характеристики женской преступности будут приведены в рамках данного параграфа работы на основе данных официальной уголовной статистики, а также на основе результатов проведенного социологического исследования среди осужденных женщин, содержащихся в учреждениях УИС Казахстана.

Следует учитывать, что женская преступность как сумма всех актов криминального поведения, совершаемого женщинами в стране за отдельно взятый календарный период времени, имеет элемент существенного упрощения, поскольку за соответствующим множеством преступлений скрывается значительный набор факторов, которые характеризуют анализируемый криминологический феномен. Так, практически все исследователи, уже начиная с Ч. Ломброзо, указывают, что на женскую преступность (очевидно, в отличие от мужской) влияние имеет значительный набор факторов. Иными словами, механизм формирования криминальной мотивации является более сложным и

многослойным. На него в гораздо большей степени, чем для мужчин, характерно детерминирующее воздействие социально-экономических факторов, то есть состояние личной жизненной необустроенности, недостаточный уровень доходов, зависимость от супруга или иных лиц, необходимость осуществлять заботу о детях, в том числе в одиночку, и т.д. Именно по этой причине, как покажет дальнейший анализ, для женской преступности характерно существенное преобладание преступлений, за которыми условно можно признать «экономический характер», то есть тех, которые так или иначе связаны с получением преступного дохода (мошенничества, кражи, незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ и др.). Таким образом, личная жизненная ситуация может стать существенным детерминантом и катализатором криминальной мотивации, когда преступление начинает расцениваться женщиной как единственный эффективный способ разрешения возникших социально-экономических затруднений (хотя применительно к отдельно взятым актам криминального поведения женщин не следует исключать и случаи явно выраженного криминального профессионализма, когда женщина начинает демонстрировать признаки социального паразитизма, приспособленчества и воспринимает доходы от преступной деятельности уже в качестве нормального и стабильного источника средств к существованию). Важную роль играют также и факторы нравственно-психологической характеристики женщины, поскольку во многих исследованиях отдельно подчеркивается, что состояние социальной «запущенности» женщины нередко является даже более трудно преодолимым, нежели у мужчин (в частности, применительно к случаям алкогольной зависимости).

Несмотря на то, что нормы уголовного законодательства весьма сдержанно (в отличие от уголовно-исполнительного) учитывают фактор половой принадлежности лица, совершившего преступление, полностью отказаться от данного учета все-таки не представляется возможным (в частности, вполне справедливо, что факт совершения преступления в состоянии беременности расценивается как обстоятельство, смягчающее уголовную ответственность и наказание). Однако подавляющее большинство отличий женской преступности все-таки базируется не на уголовно-правовых параметрах характеристики совершенного преступления, а именно на криминологических аспектах. Так, практически отсутствуют специфические составы преступлений, которые были бы адресованы исключительно лицам женского пола в качестве специального субъекта преступления (практически единственным является состав ст. 100 УК РК, предусматривающий ответственность за убийство новорожденного ребенка).

При этом практически любая мотивация у женщин, как правило, имеет существенные отличия от мужской мотивации при совершении той или иной формы преступного посягательства. В частности, корыстная мотивация чаще всего проявляется как реакция на отсутствие доступных способов к выходу из сложившейся трудной жизненной ситуации; в свою очередь, мотив ревности может иметь совершенно иную проекцию криминального поведения, нежели у мужчин (в частности, насильственное преступление может быть направлено не

столько на партнера, сколько на другую женщину, которая оценивается в качестве соперницы); экстремистская мотивация, которая может проявляться в поведении женщин, как правило, является производной от соответствующей мотивации ее партнера, поскольку в подобных преступлениях женщины, как правило, действуют по причине их вовлечения, а не на основе собственной оценки [131, с. 90]. Ряд соответствующих отличий можно продолжать практически к любому сегменту преступности, поскольку криминальная мотивация фактически является разновидностью мотивации вообще, а мотивационная сфера женщины неизбежно будет отличаться от мужской, исходя из всех ранее уже указанных факторов.

Кроме того, следует учитывать, что чем более ущемленным является статус женщины в соответствующем социуме, тем в большей степени будет проявляться и специфика женской преступности. Так, в частности, в обществе, где социальная позиция женщины практически уравнивается с социальной позицией мужчины, закономерно прогнозировать и сближение параметров мужской и женской преступности (в частности, в рамках коррупционной, экономической, «управленческой» и иных видов преступности). С другой стороны, в обществе, где женщина находится в явно униженном, подчиненном состоянии (в частности, в странах фундаментально-религиозного типа), при общем небольшом уровне женской преступности она может приобретать крайне радикальные формы, в том числе связанные с вовлечением в подготовку и совершение терактов. В данном случае, как указывают исследователи, женщина может быть вынужденно вовлеченной в преступление по факту предшествующего дискредитирования, опорочивания в глазах общественности, поскольку общество крайне требовательно и критично относится к чести и достоинству женщины [132, с. 166]. Вместе с тем презумпция относительно того, что более благополучный статус женщины в обязательном порядке приведет к снижению уровня женской преступности, является уместной, но не абсолютной, поскольку, как уже было отмечено, гендерное равенство может приводить и к повышению «маскулинности» женской преступности.

Как отмечал казахстанский исследователь вопросов женской преступности И.В. Корзун, в качестве факторов, продуцирующих ее, выступает значительный конгломерат причин внешнего и внутреннего порядка (причем, очевидно, что именно внешние причины изначально приводят к внутренним, субъективным деформациям). В частности, он указывал на особую чувствительность именно женщин к трансформации системы традиционных семейных устоев, лабильности института брака в современном обществе, когда женщины ставятся в условия необходимости выполнения традиционных мужских функций обеспечения социально-экономического благополучия своей семьи. Все это дополняется еще и тем, что в целом зависимое положение женщины делает ее уязвимой с точки зрения вовлечения в те сферы отношений, которые могут непосредственно детерминировать преступное поведение (вовлечение в занятие проституцией, в наркотрафик, в участие в различных мошеннических схемах и т.д.). В целом, автор весьма наглядно указывает на то обстоятельство, что

Бисенова Т.Е.

негативные социально-экономические и нравственно-культурные трансформации максимально ощутимо сказываются именно на положении женщины в обществе, что и становится источником формирования ее криминальной мотивации [133, с. 104]. Несмотря на то, что исследование И.В. Корзуна производилось в начале 2000-х годов, следует признать, что соответствующие факторы и тенденции сохраняются и до настоящего времени. Практически любой фактор, который может породить социально-деструктивное поведение (в том числе и совершение преступления), воздействуя на женщин, приобретает гораздо более выраженные и интенсивные формы. Женщина в обществе более уязвима в плане экономической и управленческой конкуренции, имеет повышенные риски оказаться безработной, часто вынуждена в одиночку воспитывать детей в случае распада брака и т.д. [134, с. 13].

Бисенова Т.Е.

Перечисленные обстоятельства не следует воспринимать как необходимость «извинительного» отношения к женской преступности, однако они должны учитываться в рамках общей стратегии противодействия преступности в стране, поскольку их игнорирование может приводить к тому, что женская преступность будет иметь тенденцию к росту, более выраженной дифференциации и более общественно опасным проявлениям. В частности, в исследованиях уже отмечается негативная тенденция омоложения женской преступности, что стало результатом действия ранее уже отмеченных факторов, по причине которых среди представительниц женского пола стали более распространенными случаи злоупотребления психоактивными веществами, вовлеченности в совершение тяжких и особо тяжких преступлений [135, с. 47]. Кроме того, в исследованиях отмечается, что «...среди особо опасных тенденций современного женского криминального поведения выделяются такие, как интенсивный рост тяжких деяний, устойчивый удельный вес рецидива преступлений, снижение возраста (омоложение) преступниц, и, вместе с тем, увеличение количества женщин пожилого и старческого возраста, а также инвалидов среди осужденных. Жестокость, насильственные способы разрешения конфликтных ситуаций, продуманность преступных актов стали характерными признаками многих преступлений, совершаемых женщинами» [136].

Бисенова Т.Е.

Несмотря на то, что отдельные из приведенных в процитированном источнике тенденций не получили явно выраженной верификации в рамках осуществленного социологического исследования среди осужденных к лишению свободы женщин, содержащихся в учреждениях УИС РК, тем не менее, следует признать, что соответствующая тревожность вполне обоснована. В данном случае следует принимать за основу то обстоятельство, что любые негативные процессы и явления имеют свойство кумуляции и перехода в более опасные формы. Соответственно, сохранение негативных тенденций в обществе способно привести к тому, что женская преступность может стать одной из основных криминологических проблем, поскольку ее эскалация (как по объему, так и по видовым параметрам характеристики) неизбежно самым негативным образом отразится на обществе в целом, в особенности на подрастающем поколении, учитывая сохраняющееся тотальное преобладание роли женщины в воспитании

детей. В этом смысле в Концепции семейной и гендерной политики Республики Казахстан до 2030 года совершенно справедливо отмечается негативный аспект сохраняющихся гендерных диспропорций, по причине которых женщины до настоящего времени имеют ограниченные возможности конкурировать практически во всех сферах жизни с мужчинами [137].

Как уже ранее отмечалось, криминальная активность женщин отличается целым рядом специфических характеристик, которые в самом общем виде можно обозначить в виде следующих аспектов: во-первых, она составляет явное меньшинство в общей структуре криминальной активности (в общем объеме преступности); во-вторых, для нее характерна гораздо менее выраженная видовая дифференциация, в рамках которой преимущественный объем криминальной активности женщин концентрируется в рамках отдельных, наиболее типичных для женщин преступных посягательств. Так, в частности, исходя из сводных статистических данных КПСиСУ Генпрокуратуры РК за 2020-2024 гг., общее количество лиц, совершивших уголовные правонарушения, составило 76459 человек, из них 9821 – женщины (12,8%); в 2021 г. – 64110 лиц, из них женщин – 8512 (13,3 %); в 2022 г. – 61583, женщины – 7864 (12,8%); 2023 – 57224, из них женщины – 7879 (13,8%); 2024 г. – 60559, из них женщины – 9098 (15%).

В данном случае обращает на себя внимание значимый фактор, что женская преступность в целом, то есть в совокупности всех ее вариативных проявлений в рамках конкретных преступных посягательств, имеет явную тенденцию к росту, что свидетельствует о формировании негативных криминальных тенденций в обществе. При этом до настоящего времени отсутствуют какие-либо исследования, которые обосновывали бы тот или иной предел допустимых пределов женской преступности, превышение которых следовало бы оценивать как критическое состояние, опасное для нормальной жизнедеятельности общества. В целом, в отношении понятия «социальная норма» (то есть допустимые пределы чего-либо) исследователи отмечают, что она «...выражает исторически сложившийся в конкретном обществе предел, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, социальных групп, социальных организаций» [138, с. 100-101]. Соответственно, антиподом понятия «социальная норма» является понятие «социальная патология».

В этом смысле следует отметить, что к настоящему времени сложилось представление относительно того, что определенный уровень преступности в стране является неизбежным и по этой причине допустимым. Однако какие-либо четкие критерии для определения того состояния преступности, когда она трансформируется в социальную патологию, до настоящего времени отсутствуют. Очевидно, что существуют некоторые пограничные, транзитные показатели динамики преступности, при выявлении которых требуется принятие мер к тому, чтобы более активным образом воздействовать на детерминирующие ее факторы. В частности, в рамках международных рейтингов общая оценка уровня преступности в Казахстане на начало 2020-х годов являлась более или

менее благополучной и составляла 53,4 балла (оценка производится преимущественно по результатам опроса населения) [139]. При этом к середине 2025 года соответствующие позиции были еще более улучшены и составили уже 45,6 баллов (соответственно, чем ниже баллы, тем уровень преступности признается более благополучным) [140].

Однако в данном случае возникает множество вопросов относительно верифицируемости соответствующих данных, поскольку, как уже было указано, они формируются на основе опросов населения. При этом виктимологическое просвещение населения в Казахстане до настоящего времени не организовано надлежащим образом, равно как и уровень сознательного отношения к значимости социальных исследований. Действительно, как показывает анализ статистических данных, имеются, по крайней мере, формальные основания к тому, чтобы констатировать ежегодное снижение уровня преступности в стране. Однако в обязательном порядке следует оценивать не только количественные, но и качественные показатели преступности, ее структуру. В этом смысле, возвращаясь к оценке женской преступности, следует отметить, что исследование допустимости ее пределов, граничащих с социальной патологией, заслуживает самостоятельного изучения. В частности, до недавнего времени в криминологических исследованиях отмечалось, что женская преступность составляет в среднем 10-11% от общего уровня преступности в стране. Возникает вопрос относительно того, можно ли признать показатели в 10% уже тем критическим пределом, после которого уже имеются риски формирования социальной патологии, однако четкие параметры данной оценки отсутствуют.

В таблице 1 приведены данные по числу отдельных, наиболее многочисленных или типичных для женской преступности уголовных правонарушений (исходя из их доли в общем объеме преступных посягательств соответствующего вида), совершенных женщинами в РК за период 2020-2024 гг. (данные в скобках отражают долю «женского» сегмента в соответствующем виде уголовного правонарушения). В контексте приведенных данных следует отметить, что они приведены в рамках статистических отчетов КПСиСУ Генпрокуратуры РК по лицам, совершившим уголовные правонарушения. При этом отдельные статистические данные, свидетельствующие об отдельных спорных вопросах современной правоприменительной практики в отношении привлечения к уголовной ответственности и осуждения женщин, будут дополнительно приведены далее.

Таблица 1- Виды уголовных правонарушений, совершенных женщинами в РК за 2020-2024 гг.

Виды уголовных правонарушений (статья УК РК), совершенных женщинами	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Убийство (ст. 99)	74	62	60	60	66

	(10,9%)	(10,1%)	(11,2%)	(11,6%)	(11,6%)
Причинение смерти по неосторожности (ст. 104)	10 (14,9%)	12 (16,2%)	5 (8,9%)	4 (7,27%)	10 (14,3%)
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 106)	272 (13,5%)	244 (13,6%)	237 (13%)	242 (13,3%)	214 (12,2%)
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 107)	69 (3,3%)	68 (3,43%)	62 (3,1%)	56 (2,71%)	63 (2,9%)
Истязания (ст. 110)	19 (73%))	1 (5,9%)	2 (28,6%)	5 (55,5%)	4 (28,6%)
Причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ст. 112)	24 (42,1%)	32 (45,7%)	19 (43,4%)	23 (30,3%)	11 (23,4%)
Неосторожное причинение вреда здоровью (ст. 114)	22 (18,8%)	21 (14,5%)	22 (14,4%)	19 (15,2%)	19 (14,3%)
Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 140)	15 (71,4%))	4 (100%)	11 (73,3%)	10 (52,6%)	35 (68,6%)
Мелкое хищение (ст. 187)	951 (16,3%)	958 (16,6%)	889 (14,9%)	762 (15,7%)	550 (15,9%)
Кража (ст. 188)	3875(16,33 %)	3006(13,88 %)	2666(13 %)	2584(14,3 %)	2353(16,4 %)
Присвоение или растрата вверенного чужого имущества (ст. 189)	438 (35,4%)	383 (31,3%)	293 (27,8%)	304 (32,3%)	451 (41,4%)
Мошенничество (ст. 190)	2184 (22,5%)	1915 (31,5%)	1812 (29,8%)	1946 (29,3%)	2186 (31,8%)
Создание и	26	72	50	125 (60%)	106

руководство финансовой (инвестиционной) пирамидой (ст. 217)	(92,8%)	(43,6%)	(42,4%)		(63,5%)
Незаконное обращение с наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами, прекурсорами без цели сбыта (ст. 296)	62 (1,5%)	81 (2,5%)	86 (2,83%)	109 (3,6%)	114 (3,4%)
Незаконные изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта, пересылка либо сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов (ст. 297)	90 (11%)	79 (8,62%)	72 (8,8%)	127 (13,6%)	135 (11,3%)
Организация или содержание притонов для занятия проституцией и сводничество (ст. 309)	32 (96,9%)	26 (74,3%)	18 (78,3%)	46 (95,8%)	68 (74,7%)

Приведенные в таблице 1 данные являются достаточно иллюстративными, однако требуют отдельных комментариев. Следует еще раз отметить, что выборка по статьям уголовного закона, в отношении которых произведено сравнение, осуществлена произвольно, отталкиваясь от критериев массовости (то есть, когда количество преступлений, совершенных женщинами, является достаточно высоким), а также существенной доли в общем количестве зарегистрированных деяний соответствующего вида. В приведенных данных обращает на себя внимание целый ряд обстоятельств.

Во-первых, несмотря на то что процент совершения женщинами умышленных убийств не превышает общего уровня женской преступности в стране, сам критически высокий уровень общественной опасности данного деяния вызывает тревогу в том плане, что практически каждое 10-е умышленное убийство совершается женщинами. Во-вторых, применительно к оценке уровня преступности, связанной с причинением той или иной степени вреда здоровью человека, обращает на себя внимание то обстоятельство, что процент умышленного причинения тяжкого вреда здоровью со стороны женщины (в среднем чуть более 13% от общего числа соответствующих случаев) существенно превышает количество случаев умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью (в среднем около 3%). Данное обстоятельство, с одной стороны, выглядит несколько парадоксально, учитывая, что женщина, исходя из ее физиологических особенностей и возможностей, скорее всего, не «тяготеет» к причинению более общественно опасных форм физического вреда другому человеку. К данному примечательному в криминологическом плане обстоятельству тесно примыкают и крайне высокий процент «женского» сегмента в случаях превышения пределов необходимой обороны (в таблице приведены только данные по ст. 112 УК РК, однако соответствующая тенденция имеет место и в контексте ст. 102 УК РК). Указанные особенности женской преступности могут иметь вполне определенные причины, которые будут проанализированы далее в данном параграфе работы.

В-третьих, следует обратить внимание, что количество отдельных уголовных правонарушений, включенных в структуру женской преступности за период с 2020 по 2024 гг., далеко не всегда отражает ее специфику, поскольку находится в рамках показателей, равных среднему уровню женской преступности, или чуть превышающих его. Так, в частности, применительно к мелкому хищению (ст. 187 УК РК) и краже (ст. 188 УК РК) следует отметить, что сотни и даже тысячи случаев ежегодного совершения данных деяний женщинами не позволяют достаточным образом специфицировать именно женскую преступность, поскольку данные деяния традиционно продолжают оставаться одними из самых массовых в общей криминологической картине преступности в стране. Учитывая то обстоятельство, что в рамках статистических данных КПСиСУ Генпрокуратуры РК отсутствуют уточнения относительно совершения женщинами соответствующих уголовных правонарушений в рамках конкретных частей указанных статей, отсутствует возможность оценить степень общественной опасности соответствующих посягательств в сравнении с «мужским» сегментом (это в полной мере относится и к иным уголовным правонарушениям). При этом, как далее продемонстрируют результаты социологического исследования, процент женщин, осужденных к лишению свободы за кражи (ст. 188 УК РК), является достаточно невысоким (по крайней мере, в количественном отношении к случаям регистрации данных уголовных правонарушений). При этом, например, в контексте такого состава преступления, как скотокрадство (фактически специфическая разновидность кражи), процент его совершения женщинами является крайне низким, что, очевидно, следует

объяснить непосредственным влиянием антропометрических факторов на структуру женской преступности.

В-четвертых, обращает на себя внимание то обстоятельство, что удельный вес отдельных видов уголовных правонарушений, совершенных женщинами за период с 2020 по 2024 гг., свидетельствует о том, что их можно с уверенностью отнести именно к специфическим составам женской преступности. В частности, к ним следует отнести ст.ст. 110, 140, 189, 190, 217, 309 УК РК. Основанием к такому решению является тот факт, что именно в рамках данных уголовных правонарушений выявляется наибольший удельный вес «женского» сегмента. Данное обстоятельство имеет вполне объяснимые причины. В частности, такие преступления, как присвоение или растрата вверенного чужого имущества (ст. 189 УК РК), мошенничество (ст. 190 УК РК), создание и руководство финансовой (инвестиционной) пирамидой (ст. 217 УК РК), а также организация и содержание притонов для занятия проституцией и сводничество (ст. 309 УК РК), относятся к таким деяниям, которые требуют не приложения физических усилий, а исключительно когнитивных, интеллектуальных ресурсов. Кроме того, в силу специфики женского типа коммуникативности, именно женщине нередко гораздо легче обеспечить криминальную эффективность механизма совершения преступления (в силу большего доверия, отсутствия ощущения опасности со стороны потерпевшего, располагающего, эмпатичного стиля общения и т.д.). Что касается ст. 140 УК РК (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего), то высокий процент «женского» сегмента является прямым отражением социальной действительности, когда ответственность за воспитание подрастающего поколения преимущественно возлагается на женщин, в том числе, и в форме одиночного родительства.

Наконец, в-пятых, следует отметить, что данные криминологической статистики не подтверждают существенность включенности женщин в сферу незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, поскольку объем совершения женщинами преступлений по ст.ст. 296, 297 УК РК («ключевые» составы наркопреступности) в среднем ниже или не превышает уровень женской преступности в целом. В этом смысле следует указать на то обстоятельство, что в местах лишения свободы, действительно, содержится заметный процент женщин, осужденных за наркопреступления (в первую очередь именно по ст.ст. 296, 297 УК РК), что преимущественно связано не с количеством ежегодно совершаемых преступлений данного вида, а со строгостью санкций соответствующих статей УК РК.

Одним из значимых факторов криминологической характеристики в рамках любого сегмента преступности является анализ возрастных параметров лиц, совершивших преступление. В данном случае целесообразно обратиться к данным проведенного социологического опроса, в рамках которого приняли участие тотальное большинство осужденных женщин, содержащихся в шести учреждениях УИС РК, предназначенных для отбывания лишения свободы данными лицами. Сводные данные по параметрам возрастной характеристики осужденных содержатся в таблице 2. В данном случае следует сделать оговорку,

что речь идет о возрасте осужденных, который констатируется на момент проведения опроса (а не на момент совершения преступления). Соответственно, данный параметр синтезирует криминологическую и уголовно-исполнительную характеристику исследуемой пенитенциарной группы.

Таблица 2 – Возрастные параметры осужденных женщин

Возраст осужденной	учр. № 23	учр. № 10	учр. № 79	учр. № 32	учр. № 50	учр. №78
до 18 лет		4 (0,7%) **	6 (2,8%) **		1 (0,3%) **	
19-24	7 (3,9%)	30 (5,5 %)	20 (9,4%)	14 (3,3%)	24 (8,1 %)	
25-29	20 (11,1%)	66 (12,1 %)	27 (12,7%)	28 (6,7 %)	40 (13,6 %)	10 (5,7%)
30-39	62 (34,6%)	153 (28,1 %)	83 (39,3 %)	71 (17 %)	86 (29,2 %)	28 (16 %)
40-49	58 (32,4 %)	156 (28,6%)	49 (23,2 %)	55 (13,1%)	76 (25,8 %)	50 (29 %)
50-60	26 (14,5 %)	95 (17,4%)	22 (10,4 %)	26 (6,2 %)	53 (18%)	34 (19 %)
свыше 60	6 (3,4 %)	21 (3,8%)	5 (2,3%)	5 (1,1%)	20 (6,8%)	12 (7%)
Примечание** - указание респондентами-осужденными на несовершеннолетний возраст, очевидно, следует расценить как ошибку в заполнении анкеты, поскольку учреждение № 10 предназначено для отбывания лишения свободы взрослыми осужденными. Очевидно, респонденты посчитали необходимым указать возраст, в котором было совершено преступление, либо, имело место умышленное искажение данных.						

Анализируя данные, приведенные в таблице 2, следует отметить, что с учетом пенитенциарного фактора (поскольку все опрошенные респонденты содержатся в местах лишения свободы) речь идет в большей степени не о возрасте совершения преступления, а непосредственно о возрастных параметрах исследуемой группы осужденных лиц. Так, в частности, анализ статистических данных КПСиСУ Генпрокуратуры РК за 2020-2024 гг. свидетельствует о том, что наиболее криминально активной возрастной группой в рамках относительно-количественных оценок является группа в возрасте 30-39 лет, на втором месте возрастная группа 21-29 лет, следом за ней следует возрастная группа 40-49 лет. В целом, полученные данные по возрастным параметрам женщин, осужденных к лишению свободы, свидетельствуют о том, что они находятся в корреляции со статистическими данными КПСиСУ. Тот факт, что вторую по численности группу составляют осужденные женщины в возрасте 40-49 лет, может объясняться тем, что они уже какое-то более или менее продолжительное время находятся в местах лишения свободы.

Данный вопрос в рамках проведенного опроса не формулировался, однако вопрос относительно срока назначенного наказания свидетельствует о том, что средний срок лишения свободы женщин превышает средние параметры, которые могут быть рассчитаны на основе статистических данных КПСиСУ. Это вовсе не является свидетельством того, что правоохранительная и судебная система РК отличается повышенной репрессивностью по отношению к женщинам, совершившим уголовные правонарушения. Напротив, если сопоставить уровень женской преступности (в период с 2020 по 2024 гг. от 13 до 15 %) с процентом женщин, включенных в пенитенциарный социум (как ранее отмечалось, он к настоящему времени не превышает 8 %), то закономерно следует вывод, что суды приговаривают женщин к сравнительно длительным срокам лишения свободы именно по причине того, что соответствующие преступления обладают существенной степенью общественной опасности. Так, в частности, исходя из опроса по всем учреждениям УИС, где отбывают наказание в виде лишения свободы женщины, наказание до 1 года лишения свободы назначено в среднем 3,8% осужденных; до 3-х лет – 14 %; до 5 лет – 16,8%; до 7 лет – 14,3 %; до 10 лет – 23 %; свыше 10 лет – 20%. Погрешности в приведенных цифрах (отсутствие суммированного показателя в 100 %) связаны с тем, что, во-первых, приведены усредненные данные по учреждениям, во-вторых, не во всех опросных листах содержался ответ на данный вопрос. Однако и приведенные данные позволяют сформулировать вывод о том, что в структуре назначенных сроков лишения свободы явно преобладают достаточно длительные сроки.

Таблица 3 - Данные по количеству женщин, осужденных за различные составы уголовных правонарушений и содержащихся в различных учреждениях УИС РК

Статья УК РК, по которой вынесен приговор**	учр. № 23	учр. № 10	учр. № 79	учр. № 32	учр. № 50	учр. №78
ст. 99 (также ст. 96 УК 1997 г.)	37	46	26	40	55	41
ст. 106	16	16	8	40	34	12
ст. 121		3		1		
ст. 188	15	15	12	27	26	25
ст. 189	10	50	11	14	8	
ст. 190	17	114	50	65	22	44
ст. 191		1	1	3	4	
ст. 192	2	1		14	2	
ст. 216	1	10	1	1	3	
ст. 217		2	3	2	2	1
ст. 259		6	1	2	2	
ст. 262		16	2	2	4	

ст. 296	2	9	1	4	7	
ст. 297	30	61	22	52	40	68
ст. 309		1		2		
ст. 362			2		2	
ст. 366		1	2		1	
ст. 367		6			4	
Примечание - ** - данные приведены со слов самих осужденных.						

В структуре таблицы 3 представлены наиболее иллюстративные данные по количеству женщин, осужденных за различные составы уголовных правонарушений и содержащихся в различных учреждениях УИС РК. Методология составления таблицы базировалась на выявлении наиболее репрезентативных данных, поскольку в опросных листах имелись указания на факт осуждения и по многим иным составам уголовным правонарушений, однако они часто имеют единичный характер и не имеют существенного влияния на общее состояние криминологической оценки «женского» пенитенциарного социума к моменту исследования. В контексте приведенных данных, в частности, обращает на себя внимание то обстоятельство, что количество женщин, осужденных за убийство, в целом коррелирует с данными уголовной статистики по количеству совершенных преступлений данного вида. Напротив, например, явное криминологическое большинство, которое образуют составы мошенничества, кражи, присвоения или растраты вверенного имущества, создание и руководство финансовой пирамидой и некоторые др. оказалось не связанным с количественными параметрами осужденных к лишению свободы женщин. Это со всей очевидностью свидетельствует о том, что имело место применение альтернативных санкций или иных мер уголовно-правового характера (отсрочки, условного осуждения). Как уже ранее отмечалось, особого внимания заслуживает количество женщин, осужденных на наркопреступления, в особенности по ст. 297 УК РК, которые составляют достаточно значимую часть соответствующего пенитенциарного социума. Несмотря на то, что уровень наркопреступности женщин ниже или равен среднему уровню женской преступности в стране, доля осуждения к лишению свободы в данном случае является достаточно высокой.

Таблица 4 - Обстоятельства, связанные с совершением преступления женщинами

Наиболее значимые обстоятельства, связанные с совершенным преступлением**	учр. № 23	учр. № 10	учр. № 79	учр. № 32	учр. № 50	учр. № 78
совершение в составе группы лиц	22,3%	19,8%	14,6%	4,5%	16,6%	12%
на почве семейно-бытовых	19,5%	9,5%	9,4 %	5,7%	20,4%	7%

отношений						
совершено в отношении родственника или знакомого	8,9%	4,9%	4,2 %	3,3%	5,7%	2%
связано с хищением	9,4%	15,4%	13,2%	12,4%	12,9%	13%
сопряжено с материальными затруднениями	17,3%	1,2%	16,5%	9,8%	14,9%	18%
совершено в состоянии алкогольного опьянения	19,5%	4%	5,2%	6,2 %	13,2%	5%
связано с наркотическими средствами или психотропными веществами	17,3%	11,2%	9,9%	6,4%	13,2%	21%
связано с трудовой или служебной деятельностью	2,2%	10,1%	9,9%	2,3%	2,3 %	3%
связано с причинением смерти другому лицу	11,1%	4,7%	5,2%	4%	6,8%	6%
связано с причинением вреда здоровью другому лицу	7,8%	2%	5,6%	2,6%	4,7%	2%
Примечание - ** - данные приведены со слов самих осужденных.						

Учитывая то обстоятельство, что в данной работ криминологический аспект исследования имеет преимущественно вспомогательный характер и включен с целью более полной социально-правовой оценки современного процесса исполнения лишения свободы в отношении женщин, структура и содержание криминологического анализа имеют несколько произвольный и сегментированный характер. Далее будет более подробно исследован феномен женской насильственной преступности, которая представляет собой весьма специфичное проявление криминального поведения, не характерного для женщин по причине комплекса факторов, формирующих феминность как частное проявление женского гендера (отчасти именно по этой причине изучение женской преступности нередко именуется криминальной феминологией). Однако исследование именно насильственного аспекта является не произвольным, а необходимым с той точки зрения, что отдельные формы женского криминального насилия требуют более пристального внимания. В частности, обращаясь к данным, приведенным в таблице 4, можно сделать выводы, что значительная часть опрошенных осужденных женщин (в среднем около 12 %) отмечают, что преступление, за которое они были осуждены, совершено на почве семейно-бытовых отношений. При этом около 5 % отметили, что посягательство имело место в отношении родственника или знакомого, что фактически также примыкает к проблеме насилия в семейно-бытовой сфере.

Анализируя данные, приведенные в таблице 4, равно как и некоторые иные данные, которые будут приведены в последующем анализе уголовно-исполнительного аспекта (следующий подраздел работы), следует принимать во внимание то обстоятельство, что при оценке ответов респондентов (в

особенности такой специфичной категории, как осужденные) всегда следует иметь в виду диапазон возможных погрешностей в полученных результатах. В ходе анализа результатов проведенного социологического исследования они также имели место и выражались в явно заметных фактах искажения информации в некоторых (нечастых) случаях, нежелании отвечать на вопросы искренне и т.д. К примеру, в качестве иллюстрации можно привести результаты опроса, представленные в таблице 4, в рамках которых заметны явно высокие проценты ответов по большинству выделенных в опроснике позиций со стороны осужденных женщин, содержащихся в учреждении № 50 (СКО) и в учреждении № 23 (Абайская область). Несмотря на то, что данный вывод является субъективным, отражающим исключительно личное умозаключение автора данной работы, тем не менее, при оценке всех результатов социологического исследования можно отметить явно более выраженную активность и откровенность респондентов именно данных двух учреждений. Данное суждение имеет место быть по той причине, что все учреждения, за исключением учреждения № 78, имеют идентичный режим (учреждение средней безопасности), а криминологическая картина по территории всего Казахстана в целом является однородной. Соответственно, выявление некоторых заметных диспропорций в ответах нередко может свидетельствовать о том, что имело место то или иное искажение (сокрытие) информации. Вместе с тем данное обстоятельство не снижает ценность опроса, поскольку он все-таки позволил получить значительный объем значимой для исследования информации.

В целом, все иные данные, представленные в таблице 4, в большей степени имеют иллюстративный характер (помимо того обстоятельства, которое было указано ранее, в отношении насильственной преступности женщин). Так, в частности, факт совершения деяния с причинением смерти или вреда здоровью человека, указанный осужденными, фактически сопряжен с тем составом преступления, за которые они были осуждены, и в большей степени связан с установлением искренности в ответах при перекрестной оценке результатов. В свою очередь, фактор алкогольного опьянения отмечен гораздо реже, нежели указание на сопряженность деяния с наркотическими средствами и психотропными веществами. Очевидно, в данном случае имела значение сама формулировка вопроса (в первом случае необходимо было признать факт употребления алкоголя, а во втором – просто факт сопряженности с наркопреступностью), хотя, в целом, допустим и вывод о меньшей степени влияния алкогольного фактора в сравнении с психоактивными веществами наркотической природы.

При этом, к примеру, заслуживает внимания фактор указания осужденными того обстоятельства, что преступление ими было совершено в группе (в среднем 15 %), причем данные, полученные по результатам опроса осужденных в учреждении № 32 (Карагандинская область), вызывают сомнения, поскольку 4,5 % групповой формы совершения преступления не отвечает криминологическим реалиям. В частности, анализ статистических данных КПСиСУ Генпрокуратуры РК свидетельствует о том, что за период 2020-2024 гг.

групповая форма совершения преступлений устанавливалась в отношении 11-11,5% случаев всех зарегистрированных преступлений. При этом практически криминологической аксиомой является то обстоятельство, что для женщин и несовершеннолетних групповая форма совершения преступления является еще более выраженной, чем в сегменте мужской взрослой преступности.

Ряд других данных криминологической части данных, полученных в ходе социологического опроса, приведены в приложениях к данному исследованию (аналогично, с обособленной выборкой по учреждениям УИС). В завершение обобщенной криминологической характеристики приведем некоторые из них. Так, в частности, подавляющая часть осужденных к лишению свободы женщин отбывает данное наказание впервые (не менее 66 %). Причем, соответствующие показатели, скорее всего, выше (не менее 80 %), поскольку, как уже ранее отмечалось, респонденты из учреждения № 32 крайне неактивно отвечали на вопросы (в частности, на вопрос о количестве осуждений к лишению свободы ответили 194 из 417 участвующих в опросе). Кроме того, в данном случае совершенно иные данные представлены в рамках осужденных, содержащихся в учреждении № 78 (максимальная безопасность): на факт первичного осуждения к лишению свободы указали только 5% опрошенных, что в полной мере соответствует специфике режима учреждения.

Традиционно к параметрам криминологической характеристики относятся такие обстоятельства, как уровень образования, семейное положение, наличие предшествующих судимостей и иные факторы. Так, помимо ранее приведенных обобщенных данных относительно первичного (повторного) осуждения к лишению свободы, большинство респондентов-осужденных также отметили, что ранее не осуждались и к иным видам уголовного наказания (около 62 %). Причем, в данном случае также имеют место факторы спорности полученных данных в контексте учреждения № 32 (исходя из ранее указанных обстоятельств), а также то, что среди осужденных женщин, содержащихся в учреждении № 78, только 28% вообще ранее не осуждались ни к каким видам уголовного наказания (согласно данным опроса).

На момент совершения преступления большинство осужденных имели среднее или среднее специальное образование (в рамках обобщенных полученных результатов – не менее 46 %, однако закономерно предположить более высокий процент в данном образовательном сегменте ввиду погрешностей в полученных данных по учреждению № 32). В 44,6 % случаев опрошенные осужденные указали на то, что воспитывались в полной семье, причем более 20% также выделили семью, в которой воспитывались, как благополучную. Среди опрошенных оказался достаточно невысоким процент женщин, которые на момент осуждения состояли в браке (19,7 %); при этом на факт развода на момент осуждения указали 36 % респондентов. Относительно факта наличия детей были получены следующие данные (приводятся в обобщенном варианте): 7,8 % респондентов указали, что имеют совершеннолетнего ребенка; более 13 % подтвердили факт наличия несовершеннолетнего ребенка; почти 9 % отметили факт наличия у них двух и более несовершеннолетних детей; у 4,4 % осужденных

Теперь обратимся к оценке вопроса, который неоднократно анонсировался в рамках данного подраздела исследования. Если в контексте таких форм криминальной активности женщин, как совершение преступлений экономического характера, а равно иных преступлений, которые так или иначе имеют выраженный характер экономической заинтересованности (в частности, в структуре незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ), купирование негативной детерминации должно быть связано с комплексным решением проблем социально-экономического порядка (в данном случае закономерна апелляция к традиционным социальным функциям женщины, которые сохраняют роль стабилизирующего фактора), то в отношении тенденции возрастания доли насильственных преступлений со стороны женщин следует выразить более серьезную озабоченность.

Причем в данном случае следует отметить, что в контексте уголовно-правовой оценки насильственного полового поведения казахстанский законодатель сохраняет гендерную диспропорцию, которая связана с тем, что традиционный состав изнасилования (ст. 120 УК РК) в качестве специального субъекта преступления предусматривает исключительно лицо мужского пола (женщина может выступать лишь в роли соисполнителя данного преступления). Подобный подход к настоящему времени является превалирующим, но уже не универсальным. В частности, если обратиться к уголовному законодательству

стран постсоветского пространства, то тенденция сохранения обособленного состава изнасилования остается характерной для законодательства этих стран. То же самое можно сказать и о законодательстве большого количества стран дальнего зарубежья (КНР, Болгария, Венгрия, Индия, Пакистан и многие другие) [143, с. 68]. В то же время законодательства многих стран, которые традиционно принято относить к группе наиболее развитых в политическом и социально-экономическом отношении (Англия, Испания, Нидерланды, Франция, Германия, США, Бельгия и др.), к настоящему времени идут по пути отказа от гендерной спецификации уголовно-правовых норм, касающихся ответственности за насильственные половые преступления.

Насколько данные тенденции следует учитывать в казахстанской законодательной практике? Очевидно, что к настоящему времени соответствующий вопрос едва ли обладает высокой степенью актуальности постановки, а сфере уголовно-правовой регламентации ответственность за насильственные половые посягательства едва ли должна оцениваться в качестве первоочередной в вопросах достижения гендерного равенства. Несмотря на неопровержимые изменения в сфере сексуальных отношений, которые случились в современном обществе, тем не менее, женщина в силу особенностей ее антропометрии (физиологических параметров) имеет существенно сниженные возможности по реализации насильственной половой мотивации (хотя соответствующие факты, безусловно, имеют место). Кроме того, в данном случае следует принимать во внимание то обстоятельство, что неблагоприятная ситуация в РК в рамках проблемы семейно-бытового насилия к настоящему времени не дает достаточных оснований к тому, чтобы ставить вопрос относительно отказа от обособления самостоятельного гендерно-дифференцированного состава изнасилования.

Как свидетельствует анализ статистических данных КПСиСУ Генпрокуратуры РК за период с 2015 по июнь 2025 года, случаи совершения женщинами насильственных действий сексуального характера в среднем не превышают 3,2-4,3% от общего количества зарегистрированных уголовных правонарушений данной группы; при этом случаи участия женщин в качестве соисполнителей изнасилований составляют менее 0,26 % [144]. Таким образом, относительно низкую степень криминальной активности женщин в структуре насильственной половой преступности следует признать не только доказанной, но и прогнозируемой в обозримом будущем. При этом сама насильственная половая преступность к настоящему времени продолжает оставаться одной из существенных проблем в рамках обеспечения необходимого уровня криминологической безопасности граждан в государстве. Однако женщины в данном случае тотально выступают в качестве жертв (потерпевших) соответствующих посягательств, в том числе и в структуре семейно-бытовых отношений.

Явно преобладающий сегмент женской насильственной преступности, как показало исследование данных официальной статистики, а также данных, полученных в ходе проведенного социологического исследования,

концентрируется в сфере семейно-бытовых отношений. При этом «инструментальное» насилие (то есть насилие, которое является преимущественно способом совершения преступления, а не фактором ключевой мотивации) является не особо характерным для женской преступности (в частности, в среднем за период с 2015 по июнь 2025 гг. процент участия женщин в грабежах и разбоях не превышает 7,7%, что заметно уступает общей доле женской преступности в стране) [144].

Таким образом, криминологическая характеристика «женского» насилия требует особого, пристального внимания. Забегая вперед, следует отметить, что нередко осуждение женщины за насильственное преступление в сфере семейно-бытовых отношений является следствием инверсивного взаимодействия с жертвой (чаще всего – с супругом или сожителем, партнером). Данный фактор нередко недооценивается в рамках оценки реальных фактов семейно-бытового насилия со стороны женщин, что может приводить к их необоснованному осуждению. При этом оценка теоретических исследований по вопросам физически-насильственной женской преступности свидетельствует о том, что преобладающей формой данного насилия является именно фактор защиты от агрессии, которая нередко имеет циклический характер (наиболее типично именно для сферы семейно-бытовых отношений). Кроме того, издержки при уголовно-правовой оценке насильственного поведения женщины могут быть связаны с тем, что оно может носить своего рода превентивный характер, то есть, когда женщина постоянно находится в состоянии риска быть подвергнутой насилию, по причине чего принимает решение действовать «на опережение»). К гораздо более редким формам относится «женское» насилие, которое применяется в целях разрешения той или иной не критичной ситуации, в частности, для устранения нежелательных препятствий (мотив ревности, совершение акта детоубийства и т.д.), а также по мотиву мести. Соответственно, специфика женской насильственной мотивации преимущественно связана с тем, что она практически тотально концентрируется в «оборонительном» сегменте, когда применение насилия расценивается женщиной как единственный способ самосохранения. Безусловно, в данном случае речь идет о типологии, не исключающей частные проявления и агрессивного-насильственного поведения (например, в отношении детей, престарелых родителей и т.д.).

Неизбежной спецификой обладает и женская пенитенциарная преступность, в том числе и ее насильственные формы. В данном случае следует учитывать ранее указанные обстоятельства относительно того, что гендер как социальный параметр характеристики, базирующийся на половой принадлежности, будет подвержен неизбежной трансформации в условиях пенитенциарного социума. Иными словами, если оценивать ранее упомянутый «гендерный дисплей» в функциональном аспекте, то он в обязательном порядке связан с теми объективными условиями, когда имеется возможность социального взаимодействия лиц противоположного пола. В контексте же пенитенциарного социума соответствующая половая дифференциация практически отсутствует, по причине чего у осужденной женщины могут культивироваться маскулинные

формы поведения.

В этом плане исследователи отмечают, что в условиях отбывания лишения свободы женщины склонны гораздо чаще демонстрировать насильственную форму поведения, нежели в условиях физической свободы, что связано с необходимостью «отстаивания» своего места в пенитенциарном социуме лиц идентичного пола. При этом преимущественное проявление насильственного поведения в данном случае исследователи в большей степени связывают с реализацией корыстной мотивации, а также, в силу повышенной эмоциональной лабильности женщин, - с факторами подстрекательства или провокации со стороны других осужденных [145, с. 192]. Здесь не следует вести речь о том, что женщина в местах лишения свободы приобретает более выраженную насильственную мотивацию, однако соответствующий фактор все-таки следует учитывать при осуществлении профилактической и воспитательной работы с осужденными женщинами. Вместе с тем практика внешнего общественного контроля за деятельностью учреждений УИС свидетельствует о том, что осужденные-женщины сами часто становятся жертвами применения насилия, в том числе со стороны сотрудников учреждения [146, с. 351]. К сожалению, до настоящего времени отсутствует возможность для нейтрализации негативного воздействия фактора скопления в учреждениях УИС лиц одного пола (в частности, по причине сохраняющегося преобладания «барачных» условий содержания), что требует необходимой коррекции с точки зрения правоприменительной практики (в частности, в последующих структурных частях данной работы будет акцентировано внимание на необходимости более тщательного учета фактора циклических изменений в организме женщины, поскольку с ними связаны проблемы как санитарно-гигиенического, так и эмоционального состояния).

Ч. Ломброзо был первым исследователем феномена женской преступности, который произвел типологию женщин-преступниц:

1) врожденные (несколько условный термин, однако обозначающий фактор наличия у женщины наиболее выраженных пороков и социальной запущенности);

2) случайные (в данном случае обособляются женщины, вовлекаемые в совершение преступления со стороны других лиц, а также те, кто совершил преступление по причине стечения тяжелых личных обстоятельств);

3) «преступницы по страсти» (то есть своего рода «аффектированные» преступницы, которые совершают преступления в молодом возрасте, связанном с существенным действием гормонального фактора);

4) самоубийцы (спорный тип, однако Ч. Ломброзо выделил данную группу по причине того, что установил существенное преобладание склонности к самоубийству у женщин, у которых риск социального неблагополучия является более высоким) [147, с. 111].

Несмотря на кажущуюся некую архаичность данной типологии, нельзя не признать, что в ней отражаются некоторые типичные факторы, которые относимы к характеристике женского криминального поведения. В частности,

как было отмечено при оценке статистических данных и данных социологического исследования, для женщин, действительно, весьма характерным является совершение преступления в составе группы лиц (что верифицирует такой признак, как склонность быть вовлеченной в преступление со стороны третьих лиц).

Как уже было отмечено, насильственное криминальное поведение со стороны женщин традиционно вызывает научный интерес, поскольку является фактором, наиболее диссонирующим с гендерным дисплеем женщины. В частности, исследователи, выделяя три основных типа насильственного поведения вообще (инструментальное насилие, враждебное насилие, защитное насилие), отмечают, что для женщин наиболее характерной является именно третья разновидность [148, с. 25]. При этом «враждебное» насилие, то есть своего рода «насилие ради насилия» практически не характерно для женщин, поскольку они выбирают стратегию подобного самоутверждения в единичных случаях, которые могут быть связаны с той или иной формой деформации гендерного дисплея.

Как уже ранее указывалось, уголовно-правовые параметры оценки преступных посягательств практически не имеют выраженного влияния на оценку женской преступности по причине того, что все уголовно-правовые запреты (предписания) являются унифицированными с точки зрения половой принадлежности виновного лица. Вместе с тем исследователи в качестве иллюстративного примера особенностей типологии женщины-преступницы обосновывают самостоятельную типологию женщин-детоубийц. В частности, в ее структуре выделяются следующие типы: асоциальный; легкомысленно-конформный; последовательно-злостный [149, с. 23]. Здесь наименования соответствующих типов говорят сами за себя. В контексте асоциального типа предполагаются те женщины-преступницы, которые совершают детоубийство по причине общей асоциальной установки на определенный стиль жизни, связанный с нежеланием брать на себя обязательства в связи с рождением ребенка, нередко сопровождающийся злоупотреблением алкоголем или наркотическими веществами.

Как уже ранее отмечалось, для женщин в гораздо большей степени, нежели для мужчин, характерно совершение преступления в группе. Очевидно, именно по этой причине исследователи также производят и типологическую оценку личности женщины, совершающей групповые насильственные преступления:

1) «женщина-лидер» (то есть преимущественно выполняет функции организатора, заказчика, подстрекателя к преступлению);

2) «женщина, зависимая от лидера» (чаще всего имеет место зависимость от мужчины, с которым женщина находится в браке или сожительствует, что вообще в целом соответствует преобладающей специфике эмоциональной сферы женщины);

3) «женщина-приманка» (использующая внешнюю привлекательность или повышенные коммуникативные способности для облегчения механизма совершения преступления) [150, с. 153].

Казахстанские исследователи справедливо акцентируют «семейные мотивы» в криминальном поведении женщин (в том числе и насильственном) [151]. Причем, в данном случае предполагается не только фактор реального наличия семейных отношений, но и иные формы эмоциональной и иной зависимости женщины (от партнера, сожителя). Практически во всех криминологических исследованиях воспроизводятся тезисы относительно того, что женщины в гораздо большей степени зависимы от близких, имеют заметно более выраженную эмоциональную привязанность, по причине чего нередко склонны к иррациональному, а также к криминальному поведению, детерминированному данными обстоятельствами.

Несмотря на то обстоятельство, что в рамках данного исследования фактически анализируются только вопросы, связанные с исполнением наказания в виде лишения свободы в отношении взрослых осужденных женщин, не должны оставаться без внимания также и вопросы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных женского пола, равно как и преступность данных лиц. Акценты данного исследования на взрослой женской преступности и вопросах исполнения лишения свободы в отношении взрослых женщин связаны с несколькими основными факторами. Во-первых, случаи назначения и исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних женского пола являются к настоящему времени единичными, что свидетельствует о том, что соответствующая постановка проблемы является более практико-ориентированной. Во-вторых, именно в контексте исполнения лишения свободы в отношении взрослых женщин актуализируются основные проблемные аспекты, связанные с фактором материнства в условиях физической несвободы. В-третьих, как с криминологической, так и с уголовно-исполнительной точки зрения преступность несовершеннолетних, равно как и процесс исполнения лишения свободы в отношении данных лиц в качестве ключевого фактора, выступает все-таки возрастной параметр как основание для учета специфических потребностей данной категории осужденных (конечно же, с дополнительным учетом тех потребностей, которые обусловлены женским гендером).

Что касается специфики преступности несовершеннолетних, то в данном случае она дифференцируется в большей степени не столько по половому признаку (точнее, она имеет некоторые проекции с «мужской» и «женской» преступностью, однако только частичные), сколько по фактору возрастного отличия, которое неизбежно отражается на социальном статусе несовершеннолетних, роде их занятий и т.д., а также неизбежно сопряжено с фактором зависимости от взрослых лиц, от качества семейного воспитания и т.д. Как указывают казахстанские исследователи, в детерминации преступности несовершеннолетних особую роль играют факторы резкого снижения роли семьи в воспитании подрастающего поколения, когда «система образования как институт воспитания детей и один из основных субъектов предупреждения преступности несовершеннолетних не выполняет в полном объеме свои функции и задачи» [152, с. 8]. Как указывает коллектив отечественных авторов,

«преступность несовершеннолетних, как и преступность вообще, является социальным фактором, зависящим от различных обстоятельств в жизни общества...» [153, с. 25-26]. Применительно же к насильственным формам криминального поведения несовершеннолетних лиц в специальных исследованиях часто отмечается его детерминация такими мотивами, свойственными подростковому возрасту, как социальный протест, самоутверждение, противопоставление себя сверстникам и т.п., поскольку именно насилие оценивается в качестве наиболее простого и эффективного способа достижения соответствующих целей [154, с. 35-36].

Таким образом, как показало теоретическое исследование, а также анализ отдельных результатов социологического исследования, каждая осужденная к лишению свободы женщина – это особая судьба, особый набор обстоятельств личного и, как правило, весьма неблагоприятного характера. В этом смысле описание личного опыта отдельно взятой женщины, осужденной к лишению свободы, нередко вызывает эмпатию и умозаключения относительно того, что места лишения свободы являются чрезмерно агрессивной средой для женского пола. При этом аксиомой права является то обстоятельство, что правовая норма фиксирует модель должного поведения, которая адресована неопределенному кругу лиц и рассчитана на многократное применение во всех аналогичных случаях [155; 156]. Криминология, в свою очередь, изучает понятие «личность преступника» в обобщенном варианте наиболее выраженных, типичных, воспроизводимых признаков. Соответственно, в рамках понятий «личность женщины-преступницы», «личность осужденной женщины» всегда будут существенным образом нивелированы какие-либо частные признаки. Вместе с тем обобщенные данные нередко могут дать вполне объективное и четкое представление относительно того, каковы наиболее значимые типологические характеристики и тенденции женской преступности в стране.

В контексте оценки анонсированного вопроса, касающегося специфики оценки насильственного поведения женщин, особое значение имеет именно криминологический аспект. В частности, обращает на себя внимание, что в деяниях, связанных с причинением смерти в особых условиях (состояние аффекта, превышение пределов необходимой обороны), процент их совершения женщинами несколько выше. В целом, регистрация соответствующих посягательств ежегодно носит характер единичных случаев. Вместе с тем процент женщин, совершивших убийство в состоянии аффекта (ст. 101 УК РК), составил в 2022 г. – 16,6 % (1 из 6 случаев), в 2023 г. – 22,2 % (2 из 9 случаев), в 2024 г. – 37,5 % (3 из 8 случаев). Что же касается убийства при превышении пределов необходимой обороны, то в 2022 году число совершивших данное посягательство женщин составило 25 % (3 из 12 случаев), в 2023 г. – 27,3 % (3 из 11 случаев), в 2024 г. – 50 % (8 из 16 случаев).

Обращают на себя внимание и некоторые другие показатели. Так, в 2022 году доля «женского» сегмента в совершении истязаний (ст. 110 УК РК) составила 28,6 % (2 из 7 случаев), в 2023 г. – 55,5 % (5 из 9 случаев), в 2024 г. – 28,6 % (4 из 14 случаев). Весьма критические пропорции имеют место и в рамках

такого состава преступления, как причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ст. 112 УК РК). В 2022 г. доля женщин, совершивших данное посягательство, составила 27,5 % (19 из 69 случаев), в 2023 г. – 43,4 % (23 из 53 случаев), в 2024 г. – 23,4 % (11 из 47 случаев). Причем, за весь анализируемый период потерпевших женщин по ст. 112 УК РК не было, т.е. каждое преступление, совершенное женщиной по ст. 112 УК РК, было направлено на лицо мужского пола. Как уже ранее отмечалось, особо обращает на себя внимание то обстоятельство, что доля «женского сегмента» в общем объеме совершения умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью (ст. 107 УК РК) существенно ниже общего уровня женской преступности. При этом доля совершения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 106 УК РК), напротив, равна или даже превышает средние показатели по всей совокупности преступных посягательств. При этом, например, в 2023 г. в общей совокупности преступлений данного вида 15,3 % были совершено в сфере семейно-бытовых отношений.

Как уже было указано, по большинству из указанных преступлений доля применения наказания в виде лишения свободы является достаточно высокой. Поскольку спецификация статистических данных в отношении осужденных женщин, за исключением общих количественных показателей, в данных КПСиСУ не приводится (КУИС МВД РК также не приводит соответствующих данных), то показатели характеристик состава осужденных можно привести только исходя из обобщенных данных. Более детальные данные относительно количественной численности осужденных женщин, содержащихся в учреждениях УИС РК, были получены при проведении социологического исследования, поскольку оно охватило все шесть учреждений УИС данного вида. Так, преобладающей среди осужденных является возрастная группа от 30 до 49 лет; сравнительно меньшая доля (около 22 %) относится к возрастной группе 25-29 лет. Осужденные в возрасте 50 лет и старше составляют около 14 % и 9 % - от 18 до 24 лет. Следует отметить, что сегмент женской преступности во многих аспектах, в том числе и в стадии исполнения приговора, недостаточно обособлен

в рамках статданных, хотя, безусловно, обладает существенными специфическими признаками.

Об особенностях переживания осужденными женщинами пенитенциарного периода и его последствий в правовых, психологических и иных исследованиях написано достаточно много. В частности, всегда отмечается то обстоятельство, что для женщин разлука с близкими, и в первую очередь с детьми, представляет собой более выраженную критическую ситуацию, нежели для большинства лиц мужского пола. Именно по этой причине в международных стандартах, посвященных вопросам исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин (Бангкокские правила 2010 г.) [68], особо фиксируются вопросы, связанные с материнством, необходимостью поддержания связей с детьми в течение всего срока пребывания в заключении. Называется и целый ряд иных факторов, которые существенно повышают деструктивность пребывания в местах лишения свободы для женщин: высокий процент разводов по причине осуждения; более сложная адаптация к условиям физической изоляции и более сильные переживания по поводу осуждения и др.

Нередко появляющиеся аргументы относительно необходимости смягчения уголовной ответственности и отбывания наказания осужденными женщинами преимущественно основаны на эмоциональной составляющей, что далеко не всегда соответствует целям уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. При этом часто не принимается во внимание то обстоятельство, что чрезмерный гуманизм в отношении женщин, обусловленный исключительно гендерным признаком, способен привести к ущемлению интересов потерпевших от преступлений, снижению степени реализации цели восстановления социальной справедливости.

Указанные доводы не означают, что гендерный аспект вовсе должен быть нивелирован. Однако следует признать, что УК РК и УИК РК к настоящему времени уже содержат значительный набор отдельных изъятий и преференций, адресованных именно женщинам, совершившим преступные посягательства и осужденным по данному факту. В частности, еще со времени функционирования УК РК 1997 года и вплоть до действующей редакции УК РК 2014 г. к женщинам не применяется пожизненное лишение свободы, не назначается отбывание наказания в колонии особого режима (с 2014 г. – учреждениях чрезвычайной безопасности). При этом отсрочка отбывания наказания по факту наличия малолетних детей изначально было адресована только женщинам и лишь в последующем была распространена на мужчин, в одиночку воспитывающих малолетних детей. УК РК 2014 г. еще несколько расширил данный перечень, в частности, путем предоставления привилегий в применении условно-досрочного освобождения для беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей. В свою очередь УИК 2014 г. установил полный запрет на перевод в учреждение полной безопасности (в УИК 1997 года – тюрьмы) беременных женщин и женщин, имеющих при себе малолетних детей (ч. 3-1 ст. 96).

Таким образом, утверждение относительно того, что законодатель не учитывает некоторые особые потребности (состояния) женщин, было бы

неверным. Не стоит отрицать, что законодательство до настоящего времени не лишено лакун, которые требуется восполнить с точки зрения учета гендерного признака, однако в большей степени это должно быть связано исключительно с фактором состояния беременности и рождения ребенка в период нахождения в местах лишения свободы. Периодически, в том числе и в зарубежных исследованиях [157; 158; 159], ставится вопрос о нецелесообразности применения лишения свободы к женщинам в случае совершения ненасильственных преступлений. Однако в любом случае аргументы относительно гуманизации должна приводиться с осторожностью.

Так, в рамках общественной дискуссии, продолжающейся последние 2-3 года и нашедшей свое отражение в доступных информационных ресурсах, сталкиваются различные позиции: от аргументов относительно необходимости полного пересмотра всей системы уголовного правосудия в отношении женщин, минимизации объема применения наказания в виде лишения свободы, реализации специальных «женских» амнистий и т.д. до отрицания более или менее убедительных причин к тому, чтобы имело место то или иное снисходительное отношение к женщинам, совершившим преступления и подвергнутым наказанию в виде лишения свободы. Первую позицию отстаивают, в частности, юрист Ж. Торекул, имеющая личный опыт пребывания в изоляции, а также доктор юридических наук, профессор, почетный юрист Казахстана М.Ч. Когамов; сдержанную позицию выражает правозащитник Е. Жувтис и социолог К. Ковязина.

В частности, Ж. Торекул настаивает на том, что в отношении осужденных женщин требуется издание специального акта об амнистии, формулировка норм, направленных на смягчение наказания, а также создание дополнительных условий для условно-досрочного освобождения. Ею даже был разработан авторский проект закона «Об амнистии женщин и несовершеннолетних», в котором помимо женской амнистии затронуты и условия ненадлежащего содержания женщин в местах заключения. Вместе с тем абсолютизация амнистии как гуманной меры не вполне соответствует действительности, поскольку, оказавшись на свободе, женщина сталкивается с огромным количеством проблем. Именно по этой причине во многих зарубежных практиках большей частью речь идет не о безусловном освобождении, а о реализации подготовительных программ [160; 161; 162].

Кроме того, правозащитница указывает на существенное снижение количества случаев предоставления осужденным женщинам условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким видом в последние годы (в 2015 г. УДО было предоставлено 518 женщинам, а в 2022 г. – 180; замена неотбытой части наказания более мягким видом в 2015 г. была применена в отношении 282 женщин, а в 2022 г. – в отношении 146). Однако в последнем случае снижение количественных показателей может объясняться вовсе не возрастанием репрессивности правоприменительной практики, а тем, что, во-первых, произошло общее снижение численности женщин, находящихся в местах лишения свободы; а во-вторых, соответствующие институты

применяются только при наличии набора необходимых формальных и материальных критериев и являются законным интересом, а не безусловным правом осужденных.

Вместе с тем, возвращаясь к ранее приведенным рассуждениям при оценке криминологических параметров женской преступности, следует признать, что отдельные элементы защиты прав женщин на этапе привлечения и реализации уголовной ответственности все же необходимы. Это позволит не только повысить гарантии назначения справедливого наказания (или даже его неприменения), но и, соответственно, предотвратит факты попадания женщин в места лишения свободы без достаточных к тому оснований. Одним из таких инструментов может стать использование суда присяжных для рассмотрения уголовных дел, совершенных в сфере бытового насилия. В действующем перечне статей УК РК, по которым возможно рассмотрение дела с участием присяжных заседателей (ст. 631 УПК РК), применение подобного механизма для значительного количества преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, не предусмотрено.

Так, обращаясь к ранее использованным статистическим отчетам КПСиСУ, касающимся итогов работы судов первой инстанции, можно установить, что в 2024 году по делам в сфере семейно-бытового насилия были осуждены 600 лиц, из них 132 женщины (22%). При этом с участием присяжных были рассмотрены только 10 уголовных дел данной категории, а оправдание имело место только в одном случае. В 2023 г. по делам в сфере семейно-бытового насилия были осуждены 345 лиц, из них 119 - женщины (34,5 %); с участием присяжных было рассмотрено только 6 уголовных дел и состоялся только 1 оправдательный приговор. В 2022 г. за подобную группу преступлений были осуждены 258 лиц, из них 89 женщин (34,5 %), с участием присяжных было рассмотрено только 1 уголовное дело, оправдательных приговоров не было. Учитывая то обстоятельство, что круг преступлений, по которым возможно рассмотрение уголовного дела с участием присяжных, является ограниченным, полное сопоставление пропорций относительно обвинительных и оправдательных приговоров затруднительно. Так, в 2024 году осуждение с участием присяжных заседателей имело место только в 1 % всех случаев, что касается оправдательных приговоров, то они имели место в 0,97 % случаев, 8 % из которых были постановлены с участием суда присяжных [163; 164]. Соответствующие данные оценивались автором данной работы в рамках более ранних временных периодов [165], однако дальнейшее исследование показало, что выявленные пропорции, в целом, остаются без существенных изменений.

Суд присяжных может быть более эффективным инструментом, в частности, в таких делах, когда рассматривается вопрос относительно превышения пределов необходимой обороны (ст.ст. 102, 112 УК РК), причем и в тех случаях, когда окончательное обвинение имеет место по ст. 99 или ст. 106 УК РК, но защита настаивает на том, что имело место состояние необходимой обороны. В науке периодически обращается внимание на необходимость отнесения подобных категорий уголовных дел к ведению суда присяжных. Так, в

частности, М.А. Малина указывает, что «присяжные заседатели, руководствуясь своими жизненными знаниями и опытом, решат, преступил ли гражданин эту тонкую грань, отделяющую необходимую защиту от преступного поведения, виновен ли он» [166, с. 123]. Примечательно, что практикующие адвокаты США отмечают, что в некоторых штатах при рассмотрении дел о необходимой обороне принимаются аргументы относительно того, что в прошлом лица являлись жертвами домашнего насилия, по причине чего и было совершено нападение на обидчика [167].

Таким образом, несмотря на выраженную гуманную составляющую аргументов о необходимости безоговорочного смягчения процесса назначения и исполнения лишения свободы в отношении женщин, данный вопрос должен иметь прочную методологическую базу, которая не нарушала бы принцип социальной справедливости. Все аргументы, касающиеся условий пребывания в местах лишения свободы, заслуживают внимания. Вместе с тем применение чрезмерных преференций на стадии назначения и исполнения лишения свободы исключительно по принципу гендера нежелательно. Действующие уголовное и уголовно-исполнительное законодательства к настоящему времени уже содержат достаточное количество оговорок и изъятий, которые учитывают особые потребности (состояния) женщин. Это не отрицает возможность поиска дополнительных обеспечительных и защитных механизмов, однако они должны иметь рациональную основу (состояние беременности, материнства и другие убедительные основания).

Однако на индивидуальном уровне возможно использование дополнительных механизмов, которые позволят снизить риски попадания в места лишения свободы женщин при совершении ряда преступлений, преимущественно в сфере семейно-бытовых отношений. Использование суда присяжных в делах о преступлениях, связанных с превышением пределов необходимой обороны (ст.ст. 102, 112 УК РК), равно как и в случаях, когда защита настаивает на наличии состояния необходимой обороны в иных составах (ст.ст. 99, 106 и др.) способно создать дополнительные гарантии от несправедливого осуждения, в том числе и от попадания в места лишения свободы.

Итак, подводя итоги теоретическому исследованию, проведенному в рамках первого подраздела второй главы данного исследования, можно сформулировать ряд основных выводов.

Во-первых, специфика криминологической характеристики преступности женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы, существенным образом отличается от общих параметров криминологической характеристики женской преступности и фактически представляет ее наиболее общественно опасный сегмент. Так, в частности, в структуре общей криминологической оценки структуры женской преступности преобладают уголовные правонарушения экономического характера (в первую очередь, хищения, а также деятельность по созданию и руководству финансовой пирамидой), равно как и уголовные правонарушения, совершение которых непосредственным образом связано с извлечением имущественной выгоды (наркопреступления, содержание

притонов для занятия проституцией и сводничество). При этом данные официальной статистики в общем объеме регистрируемых случаев совершения женщинами наркопреступлений (в первую очередь, по ст.ст. 296, 297 УК РК) не верифицируют утверждаемый высокий уровень «женского» сегмента в данном виде преступности, однако в рамках пенитенциарного женского социума осужденные по данным преступлениям представлены значительными количественными данными, что преимущественно связано со строгостью санкций соответствующих статей уголовного закона.

Во-вторых, к основным параметрам криминологической характеристики осужденных к лишению свободы женщин относятся:

- 1) преобладание возрастной группы в диапазоне 30-39 лет (в совокупности с возрастной группой 40-49 лет образует тотально преобладающее большинство);
- 2) максимальный процент осуждения к наказанию в виде лишения свободы выявлен за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, а также за насильственные преступления, в том числе с большой долей совершенных в отношении членов семьи;
- 3) имеет место умеренное превалирование длительных сроков назначенного наказания (от 7 до 10 лет и свыше 10 лет);
- 4) выраженным криминологически значимым фактором уголовно-правовой характеристики совершенных преступлений является групповой способ совершения деяния, а также наличие состояния алкогольного или наркотического опьянения;
- 5) подавляющее большинство осужденных отбывают лишение свободы впервые.

В-третьих, насильственная преступность женщин имеет существенные отличительные параметры криминологической характеристики и в подавляющем большинстве случаев связана с реализацией стратегии защиты, что в максимальной степени осуществляется в насильственных уголовных правонарушениях, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений. По результатам исследования обоснована презумпция относительно рисков ошибочного осуждения женщин к лишению свободы по причине игнорирования обстоятельств, свидетельствующих о возможной необходимой обороне, в связи с чем аргументировано предложение о включении в перечень уголовных дел, рассматриваемых с участием присяжных, всех случаев инкриминирования по ст.ст. 102, 112 УК РК, а также в случаях вменения ст.ст. 99, 106 УК РК, когда защита настаивает на факте действия в состоянии необходимой обороны.

2.2 Уголовно-исполнительный статус и уголовно-исполнительная характеристика женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы

Роль законодательства криминального цикла состоит в том, чтобы максимально упорядочить как процесс назначения уголовного наказания женщинам, совершившим уголовные правонарушения (УК РК), так и регламентировать весь процесс исполнения уголовного наказания (УИК РК,

постановления Правительства РК, ведомственные документы МВД РК). За период политической независимости РК уголовно-исполнительное законодательство дважды изменило редакцию (не считая текущих изменений, которые имели место в течение действия соответствующего УИК).

В исследованиях автора данной диссертации отмечалось, что казахстанское уголовно-исполнительное законодательство восприняло метод формулировки адресных предписаний осужденным к лишению свободы женщинам, применявшийся со времени ИТК КазССР 1971 г. и заключающийся в диспергировании соответствующих норм по различным статьям закона [168]. В УИК 1997 года содержались следующие нормы, касающиеся особого уголовно-исполнительного статуса осужденных женщин:

- 1) приобретение беременными и женщинами, имеющими при себе детей, продуктов и предметов первой необходимости без ограничения (п. 4 ст. 83);
- 2) получение дополнительных посылок и передач в количестве и ассортименте, определенных медицинским заключением (п. 2 ст. 85);
- 3) предоставление краткосрочного выезда (до 7 суток) для устройства детей у родственников либо в детском доме, а также для свидания с несовершеннолетними детьми-инвалидами (п. 2 ст. 93);
- 4) право на выплату пособия по беременности и родам, независимо от исполнения трудовых обязанностей (п. 1 ст. 94);
- 5) повышенная норма жилой площади - не менее 3 кв. м. (п. 1 ст. 95);
- 6) улучшенные жилищно-бытовые условия и повышенные нормы питания для беременных и кормящих женщин (п. 5 ст. 95);
- 7) возможность организации домов ребенка в исправительных учреждениях, где отбывают наказание в виде лишения свободы осужденные женщины (п. 1 ст. 96);
- 8) возможность получения беременными и кормящими женщинами дополнительных продовольственных посылок и передач в ассортименте, определенном медицинским заключением, а также получения специализированной медицинской помощи в период беременности, во время родов и в послеродовом периоде (п. 4 ст. 96);
- 9) запрет на перевод осужденных женщин и женщин, имеющих грудных детей в доме ребенка колонии, освобожденных от работы по беременности и родам, в штрафной изолятор и помещение камерного типа (п. 6 ст. 113 УИК РК);
- 10) запрет на содержание в строгих условиях в тюрьме беременных женщин и женщин, имеющих при себе малолетних детей (п. 4 ст. 126);
- 11) обязанность администрации учреждения об уведомлении родственников и иных лиц о факте освобождения из места лишения свободы беременных и женщин с малолетними детьми (п. 4 ст. 177) [11].

При этом следует отметить, что за период функционирования УИК РК 1997 года произошли некоторые гендерные «подвижки» в сторону уравнивания уголовно-исполнительного статуса осужденных мужчин и женщин (в частности, в контексте реализации института отсрочки отбывания наказания).

В целом, следует признать, что преимущественный акцент в вопросах

оформления специального уголовно-исполнительного статуса осужденных женщин формируется преимущественно не по «половому признаку», а по признаку особой роли или функции, которая непосредственно связана с принадлежностью к женскому полу (состояние беременности, грудное вскармливание, уход за ребенком). Соответствующие положения преимущественно были восприняты и в новой редакции УИК РК 2014 года [11]. По этой причине отметим только те изменения, которые в УИК РК 2014 года можно причислить к наиболее заметным в контексте определения уголовно-исполнительного статуса осужденных женщин. В частности, к таковым можно отнести полный запрет на перевод в учреждение полной безопасности (в УИК 1997 года – тюрьмы) беременных женщин и женщин, имеющих при себе малолетних детей (ч. 3-1 ст. 96).

Вместе с тем УИК РК 2014 года изначально утратил отдельные элементы гуманизма, относимые к осужденным женщинам, имеющим при себе малолетних детей, которые были реконструированы только в 2023 году. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 96 УИК РК 1997 года предусматривалось, что «если ребенку, содержащемуся в доме ребенка исправительного учреждения, исполнилось три года, а матери до окончания срока отбывания наказания осталось не более года, администрация исправительного учреждения может продлить время пребывания ребенка в доме ребенка до дня окончания срока отбывания наказания матерью» [163]. В первоначальной редакции УИК РК 2014 года соответствующее положение отсутствовало. Реверсное изменение законодательство было осуществлено только в 2023 году, в результате чего ч. 2 ст. 116 УИК РК 2014 г. была дополнена положением: «по ходатайству осужденной женщины к администрации учреждения ребенок (дети) может (могут) остаться с осужденной до достижения ими четырехлетнего возраста в случаях, если осталось менее одного года до: освобождения по отбытию срока наказания; наступления у осужденной права на подачу ходатайства об условно-досрочном освобождении, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания» [169].

Примечательно, что комментирование соответствующего изменения (а фактически возвращения к ранее действовавшему положению) со стороны должностных лиц уголовно-исполнительной системы осуществлялось с акцентом на поддержание социально полезных связей и анонсировалось как нововведение [170]. При этом факт того, что данное положение ранее уже имело место в УИК РК 1997 года, не упоминался. Вместе с тем при осуществлении логического и текстуального сопоставления прежней (УИК РК 1997 года) и действующей редакции ст. 116 УИК РК 2014 г. можно установить, что «новое» положение фактически полностью воспроизводит прежнюю редакцию, поскольку и в контексте ч. 3 ст. 96 УИК РК 1997 года предполагалась возможность оставления ребенка с осужденной до достижения 4-х летнего возраста. Разница заключается только в детализации расчета соответствующего срока продления пребывания ребенка в учреждении: в действующей редакции ч. 2 ст. 116 УИК РК указывается, что в качестве расчета принимается также

предполагаемый срок УДО или замены наказания более мягким видом.

При сравнении норм, оформляющих уголовно-исполнительный статус осужденных женщин в УИК 1997 г. и УИК 2014 г., обращает на себя внимание и то обстоятельство, что осужденным женщинам изначально (с момента принятия УИК 1997 года) не назначалось отбывание наказания в виде лишения свободы в учреждениях особого режима (в действующем УИК – учреждении чрезвычайной безопасности). При этом примечательно, что согласно ч. 2 ст. 75 УИК 1997 года, в отношении раздельного содержания женщин, впервые и повторно осужденных к лишению свободы, устанавливалось диспозитивное правило в отличие от осужденных мужского пола. Соответствующее положение сохранено и в действующем УИК РК 2014 г. (ч. 2 ст. 94). В данном случае возникает закономерный вопрос относительно соответствующего законодательного решения: имеет место учет инфраструктурных сложностей, связанных с отбыванием наказания осужденными женщинами, или в данном случае следует вести речь о законодательной презумпции относительно того, что криминальное «заражение» женщин имеет иные механизмы, нежели в мужских моделях пенитенциарной коммуникации.

Полагаем, что преимущественно следует вести речь именно об инфраструктурных моментах, что следует признать решением, не в полной мере отвечающим требованиям пенитенциарной профилактики рецидивной преступности. В качестве подтверждения данного предположения можно указать нормативное предписание, которое было включено в ч. 3 ст. 94 УИК РК 2014 года: «в случае невозможности отдельного содержания осужденных женщин - бывших работников судов, правоохранительных и специальных государственных органов, лиц, уполномоченных на осуществление контроля и надзора за поведением осужденных, они могут содержаться в учреждениях раздельно от других осужденных» [11]. Что касается данной специальной категории осужденных женщин, то соответствующее законодательное допущение можно признать более компромиссным, нежели в отношении общего контингента осужденных (в силу особой специфики криминализации). Необходимость данной оговорки следует связать с возрастанием количества осужденных женщин среди данной категории лиц, что, в целом, отражает как гендерные изменения в структуре кадрового состава сотрудников правоохранительных органов, судов, специальных государственных органов, а также среди лиц, уполномоченных на осуществление контроля и надзора за поведением осужденных. Также это может расцениваться и как косвенный показатель возрастания преступности среди лиц женского пола в данном сегменте преступности (ее специальном, должностном виде).

Уже начиная с регламентации в УИК 1997 года, имелась диспропорция в отношении репрессивности мер дисциплинарного взыскания в отношении мужчин и женщин. В частности, согласно ст. 111 УИК 1997 года, в отношении осужденных мужчин, признанных злостными нарушителями режима, применялось наказание в виде перевода в помещение камерного типа сроком на 6 месяцев, а в отношении женщин – на срок до 3-х месяцев. Действующий УИК

РК 2014 года решил данный вопрос иначе. Во-первых, в качестве мест дополнительной (дисциплинарной) изоляции (ст. 131) стали применяться только дисциплинарный изолятор (до 15 суток) и одиночная камера (до 4-х месяцев). Во-вторых, в отношении осужденных женщин законодатель отказался от установления сокращенных сроков пребывания в одиночной камере, в отличие от УИК РК 1997 года, при сохранении запрета на помещение в дисциплинарный изолятор и одиночную камеру женщин, имеющих при себе малолетних детей, а также освобожденных от работы по беременности и родам (ч. 8 ст. 132 УИК РК 2014 г.). В данном контексте следует признать, что действующий УИК РК устранил имеющий место гендерный диспаритет в отношении осужденных мужчин и женщин, что следует признать обоснованным. Как уже отмечалось ранее, диспропорция уголовно-исполнительного статуса осужденных женщин должна иметь характер серьезного обоснования, поскольку сама половая принадлежность не является основанием для нивелирования как степени общественной опасности совершенного преступления, так и допущенных дисциплинарных нарушений в период отбывания наказания.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в УИК РК 1997 года (ч. 4 ст. 68), равно как и в действующем УИК РК 2014 года, содержалось указание, что женщины, осужденные к лишению свободы, направляются для отбывания наказания по месту нахождения соответствующих учреждений. В данном аспекте следует признать, что уголовно-исполнительное законодательство изначально содержит определенный дискриминационный аспект в отношении осужденных женщин, обусловленный инфраструктурным фактором отсутствия учреждений соответствующего вида во всех регионах страны (здесь следует отметить, что соответствующее дискриминационное начало имеет место и в отношении иных категорий, например несовершеннолетних осужденных).

Таким образом, следует признать, что нормы уголовно-исполнительного законодательства РК, оформляющие уголовно-исполнительный статус осужденных женщин, начиная с 1997 года и по настоящее время, являются достаточно статичными, а производимые изменения преимущественно касаются не столько концептуальных решений, сколько технических доработок и устранения допущенных упущений (в частности, как в ранее указанном случае первоначального изъятия из УИК 2014 г. нормы, позволяющей оставить ребенка с матерью на дополнительный год).

При этом в качестве двух самостоятельных акцентов, в отношении которых идет развитие уголовно-исполнительного законодательства, можно выделить следующие. Во-первых, имеет место поэтапное снижение гендерного диспаритета в уголовно-исполнительном статусе осужденных мужчин и женщин за счет изъятия норм, которые содержали исключительно «половой» контекст, не обусловленный спецификой выполняемой биологической или социальной функции женщины (беременность, грудное вскармливание, уход за ребенком). В данном контексте, в частности, особо следует отметить факт распространения возможности применения отсрочки отбывания наказания не только на женщин,

но и на мужчин, в одиночку воспитывающих малолетних детей, а также отказ от гендерного диспаритета при применении меры взыскания, связанной с дополнительной (дисциплинарной) изоляцией осужденного, признанного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Во-вторых, имеют место незначительные законодательные уточнения, которые направлены на повышение уголовно-исполнительных гарантий в отношении беременных женщин и женщин, имеющих при себе малолетних детей (в частности, прямой запрет на их перевод в учреждение полной безопасности).

На сегодняшний день проблема содержания в пенитенциарных учреждениях осужденных женщин, особенно беременных или имеющих малолетних детей, исключительно актуальна. Для понимания сущности данного вопроса и выделения специфики условий содержания женщин в местах лишения свободы Международным центром тюремных исследований (МЦТИ), расположенным в Англии, под руководством Эндрю Койла, обладающим многолетним опытом руководства тюрьмами, издано детальное пособие, целью которого являлось перевести широко распространенные международные стандарты тюремной реформы на язык практического руководства для тюремного персонала [171, с. 36].

В частности, в указанном пособии Эндрю Койла отмечается ряд закономерностей, которые были выявлены в отношении современного состояния пенитенциарной практики в отношении женщин. К ним можно отнести:

1) процент содержания женщин в тюрьмах во всем мире колеблется от 2% до 8 % от общего количества ежегодного «пенитенциарного контингента» (в Казахстане в последнее десятилетие данная цифра колеблется от 6 до 6,8 %);

2) тюремная инфраструктура во всем мире преимущественно ориентирована на осужденных мужчин (в целом, инфраструктура, специфика режимных требований и атрибуты и т.д.), причем во многих странах «женские» блоки являются своего рода пристройками к мужским учреждениям (не относится к РК);

3) рост количества женщин в тюрьмах в течение последних десятилетий был обусловлен повышением репрессивности законодательства многих стран в вопросах ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков;

4) женщины преимущественно осуждаются за ненасильственные преступления (связанные с наркотиками, а также имущественного характера), а насильственные преступления, как правило, направлены против близких и нередко спровоцированы ими;

5) выраженное социальное неблагополучие женщин, к которым применяется тюремное заключение: от 1/3 до 2/3 из них подвергались физическому, сексуальному и иному насилию, многие имеют проблемы со здоровьем, в одиночку воспитывают детей и т.д.

При этом особо отмечается то обстоятельство, что принятие судом решения о необходимости изоляции женщины от общества, как правило, гораздо болезненней отражается на семье (особенно, на детях), поскольку при осуждении

мужчины его функции чаще всего на себя принимает женщина, а в противоположной ситуации (особенно при наличии детей) обстоятельства являются гораздо более неблагоприятными, особенно, если нет возможности рассчитывать на помощь родственников [171, с. 131].

До настоящего времени, несмотря на активные рекомендации в рамках разработанных к настоящему времени международных стандартов, пенитенциарные учреждения в рамках их инфраструктурных аспектов, равно как и специфика организации деятельности персонала данных учреждений, тотально ориентированы на потребности (как правило, минимальные) осужденных мужского пола. Что касается осужденных женщин, то, как правило, в нормативные акты включаются отдельные оговорки (дополнения или, напротив, изъятия), которых до настоящего времени явно недостаточно. В исследованиях, как правило, особо подчеркивается, что инфраструктура пенитенциарных учреждений для женщин, равно как и функции персонала данных учреждений, должны быть организованы с максимальным учетом как особых санитарно-гигиенических, так и психологических потребностей женщин, причем с особым акцентом на факторе материнства и детства. Именно перечисленные обстоятельства особым образом акцентируются в международно-правовых правилах обращения с осужденными женщинами, что расценивается большинством исследователей как необходимый ориентир для дальнейшего развития уголовно-исполнительной политики государства в данном направлении [172].

В первом подразделе данного исследования был обоснован специфический метод позитивной дискриминации, который является наиболее созвучным с необходимостью обеспечения фактического равенства осужденных к лишению свободы женщин (пенитенциарного меньшинства) с осужденными к лишению свободы мужчинами (пенитенциарным большинством). Максимальная концентрация выводов и рекомендаций в плане наиболее благополучной реализации данного подхода будет представлена в заключительном разделе данного исследования. Биосоциальные отличия между мужчинами и женщинами являются по своему характеру объективными, в силу чего адресация отдельных законодательных предписаний отдельно для женщин является вполне обоснованной и не нарушает основополагающие принципы равенства. В данном случае нет оснований говорить о нарушении равенства, тех или иных необоснованных «преференциях», в том числе в уголовном и уголовно-исполнительном аспектах [3, с. 5].

Достаточно указать на специфику текстуальной фиксации половых признаков лиц в законодательстве (в частности, при регламентации вида учреждения для отбывания наказания в виде лишения свободы): в отношении мужчин используется термин «лицо», а в отношении женщин используются специальное указание (то есть оговорка, что соответствующее предписание адресовано именно осужденным женщинам). Фактически все варианты исследования и фиксации «женского сегмента» производятся через сопоставление (или даже противопоставление) «мужскому сегменту», что далеко

не всегда является удачным, поскольку может приводить к нежелательным упущениям и относительно сформулированным выводам. В этом смысле в казахстанской науке высказывалось предположение о целесообразности выделения в уголовно-исполнительном законодательстве специального раздела, касающегося вопросов отбывания наказания женщинами [173, с. 50].

Следует учитывать, что вопросы дифференциации отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами изначально заложены даже не в УИК РК, а в УК РК, в рамках которого формулируются отдельные механизмы, связанные со специфическими вопросами назначения и отбывания наказания. Количество тех или иных «изъятий», касающихся женщин, в УК РК является сравнительно меньшим, чем в нормах уголовно-исполнительного законодательства.

Так, с момента действия УК РК 1997 года были сформулированы следующие изъятия в отношении женщин, совершивших преступления:

- 1) к женщинам не применяется пожизненное лишение свободы (ч. 4 ст. 48 УК РК 1997 г.);
- 2) женщинам в редакции УК РК 1997 года не назначалось отбывание наказания в виде лишения свободы в колониях особого режима (в действующей трактовке – в учреждениях чрезвычайной безопасности);
- 3) изначально была исключена возможность назначения смертной казни в отношении женщин (ч. 2 ст. 49 УК РК 1997 г.);
- 4) ст. 72 УК РК, регламентирующая вопросы отсрочки отбывания наказания, неоднократно подвергалась изменениям.

Большинство из указанных положений было воспринято и в редакции УК РК 2014 года. В качестве дополнения можно указать следующие обстоятельства:

- 1) указание на невозможность назначения ареста беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, а также женщинам в возрасте 58 лет и старше (ч. 3 ст. 45 УК РК 2014 г.). В отношении данного обстоятельства следует отметить следующее. Во-первых, в первоначальной редакции УК РК 1997 года имелись аналогичные указания вплоть до отмены данного вида уголовного наказания (после чего оно вновь было включено в редакцию УК РК 2014 года). Во-вторых, в контексте приведенного «изъятия» постепенно происходила «гендерная нейтрализация», поскольку в действующем варианте аналогичное правило распространяется и на мужчин, в одиночку воспитывающих малолетних детей;
- 2) установление дополнительной возможности освобождения от уголовной ответственности беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, а также женщин старше 58 лет (наряду с другими категориями лиц) в случае примирения с потерпевшим (ч. 2 ст. 68 УК РК 2014 г.);
- 3) включение «льготных оговорок» относительно возможности условно-досрочного освобождения беременных женщин, женщин, имеющих малолетних детей, женщин в возрасте 58 лет и старше (наряду с некоторыми другими категориями лиц) (ч. 1, ч. 4 и ч. 7 ст. 72 УК РК 2014 г.).

Таким образом, в контексте вопросов, связанных с непосредственной

реализацией уголовной ответственности в отношении женщин, совершивших уголовные правонарушения, можно сформулировать следующие основные аспекты. Во-первых, исключительно принадлежность к женскому полу (чисто биологическая принадлежность) учитывается только в контексте применения к осужденным наиболее строгих видов изоляции от общества. Во-вторых, в наиболее широком формате имеет место учет и социального фактора уголовно-правовой характеристики осужденной (констатация факта беременности и наличие малолетних детей). Причем, относительно второго фактора наличествует явная тенденция к нейтрализации гендерных отличий за счет включения в контекст соответствующих «льготных изъятий» также и мужчин, в одиночку воспитывающих малолетних детей.

Институт отсрочки отбывания наказания является одним из значимых инструментов в вопросах, касающихся уголовно-исполнительного статуса осужденных женщин, в том числе и тех, кому было назначено наказание в виде лишения свободы. Как указал автор данной работы в публикации по вопросу, «Институт отсрочки отбывания наказания является, во-первых, одним из наиболее функциональных и достаточно часто применимых, а во-вторых, содержит потенциальные возможности для временного или полного освобождения от отбывания даже такого строгого наказания, как лишение свободы» [174, с. 162].

Как показали результаты социологического исследования 16,1% респондентов среди осужденных женщин указали, что к ним применялась отсрочка или иные меры уголовно-правового характера (в частности, условное осуждение). При этом, как показывают данные статистики КПСиСУ по осужденным, совершившим повторные уголовные правонарушения в период неотбытого наказания или иных мер уголовно-правового характера, при применении отсрочки повторная преступность крайне незначительная (42 случая из 3951, то есть чуть более 1 %). Пожалуй, именно нормы об отсрочке отбывания наказания с момента самостоятельного развития уголовного законодательства РК в максимальной степени подвергались изменениям, которые отражены в следующих основных этапах:

- первоначальная редакция ст. 72 УК РК 1997 года содержала указание на возможность применения отсрочки при следующих материальных основаниях: 1) беременность осужденной (возможность отсрочки до 1 года); 2) наличие малолетнего ребенка (до 8-ми лет) – до достижения ребенком 8-летнего возраста; 3) исключение для случаев совершения тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, за которое женщина осуждена к лишению свободы на срок свыше 5 лет);

- изменение возрастных критериев в трактовке понятия «малолетний» с 8 до 14 лет (внесены Законом РК от 21 декабря 2002 года № 363-III) [175];

- техническая коррекция редакции статьи, необходимость которой возникла в связи с тем, что ранее внесенные изменения были отражены в тексте со смысловыми погрешностями (измененный возрастной параметр малолетнего возраста был учтен только в ч. 1 ст. 72 УК РК, но не был учтен в ее последующих

частях). Соответственно, на протяжении 2-х лет просуществовала неоднозначная редакция ст. 72 УК РК, приводящая к спорным трактовкам в судебной практике и риску применения уголовного закона по аналогии (изменения были внесены Законом РК от 9 декабря 2004 г. № 10-III) [176];

- изменения, связанные с коррекцией максимально допустимой продолжительности отсрочки, необходимость которых возникла по причине определения понятия «малолетний» в возрастных параметрах до 14-летнего возраста. Соответственно, было внесено ограничение данной отсрочки на срок до 5-ти лет, но не более чем до достижения 14-летнего возраста (изменения внесены Законом РК от 26 марта 2007 года № 240-III) [177]. При этом в новой редакции произошел отказ от детализации срока отсрочки для беременных женщин, который ранее был равен 1 году;

- была реконструирована ранее действовавшая дифференциация сроков отсрочки для беременных женщин (до 1 года) и для женщин, имеющих малолетних детей (до достижения ребенком 14-летнего возраста). Данная реконструкция была обоснованной в связи с тем, что факт беременности не может служить достаточным основанием для того, чтобы предполагать рождение живого ребенка, при наличии которого в последующем имеет место дальнейшее основание применения отсрочки. Кроме того, обращает на себя внимание отказ от ранее установленной максимальной продолжительности отсрочки до 5 лет, что вновь давало возможность применять гораздо более длительные сроки отсрочки (изменения внесены Законом от 10 декабря 2009 года № 227-IV) [178];

- круг адресатов отсрочки по основаниям ст. 72 УК РК был расширен на мужчин, в одиночку воспитывающих малолетних детей, что явилось концептуальным нововведением, по-прежнему подлежащем учету при внесении изменений и дополнений в действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство РК (внесены Законом РК от 18 января 2011 года № 393-IV) [179];

- произошел возврат к ограничению максимального срока предоставляемой отсрочки до 5 лет (после отказа от данного ограничения в декабре 2009 года). Соответственно, повышение потенциального срока предоставляемой отсрочки сохранялось на протяжении почти 2-х лет (изменения были внесены Законом РК от 9 ноября 2011 г. № 490-IV) [180];

- следующие изменения были произведены уже в связи с принятием нового УК РК 2014 года. При этом фактически сохранились материальные основания применения отсрочки, которые существовали на момент отмены УК РК 1997 года. То есть за основу были приняты следующие основания:

- 1) распространение отсрочки на беременных женщин, женщин, имеющих малолетних детей и мужчин, в одиночку воспитывающих малолетних детей;

- 2) дифференциация сроков отсрочки в отношении беременных женщин (до 1 года) и других адресатов (до 5-ти лет, но не более, чем до достижения ребенком 14-летнего возраста).

В ст. 74 УК РК редакции 2014 года заметно было расширено ограничение на применение отсрочки ко всем адресатам данного института. Помимо запрета

на применение в случаях осуждения на срок свыше 5 лет лишения свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений против личности, согласно действующей редакции ч. 1 ст. 74 УК РК, данный запрет также касается и случаев совершения террористических и экстремистских преступлений; преступлений в составе преступной группы; преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Таким образом, подводя итог проведенному историческому экскурсу относительно законодательной регламентации применения отсрочки отбывания наказания, можно сформулировать ряд выводов. Во-первых, к наиболее значимым изменениям в институте отсрочки следует причислить увеличение возрастных параметров оценки понятия «малолетний возраст» с 8 до 14 лет (2002 г.), а также расширение адресатов применения отсрочки с исключительно лиц женского пола до мужчин, в одиночку воспитывающих малолетних детей (2011 г.). В свете последнего обстоятельства следует признать, что законодательство существенно (и обоснованно) снизило гендерную асимметрию, подвергнув учету, в том числе, и роль отца в воспитании детей.

До настоящего времени гендерное уравнивание мужчин и женщин в вопросах отношения к воспитанию детей не получил полного учета (в частности, в нормах уголовно-исполнительного законодательства), однако данное обстоятельство заслуживает самостоятельного анализа. При этом следует также учитывать, что «нейтрализация гендерной асимметрии» имеет не полный, относительный характер, поскольку отсрочка применяется к мужчинам по «остаточному принципу», то есть в тех ситуациях, когда отец является единственным родителем ребенка. По данному вопросу в науке высказываются определенные возражения, аргументируемые несоблюдением принципа равенства при реализации уголовной ответственности и назначении наказания на основе полового признака.

Соответственно, в целом, акцент на материнстве как одном из ключевых биосоциальных параметров характеристики женщин сохраняется до сих пор. Кроме того, в исследованиях нередко вполне обоснованно подчеркивается то обстоятельство, что в редакциях норм УК и УИК, касающихся отсрочки отбывания наказания, презюмируется наличие биологического родительства, что ставит вопрос о специфике применения данного института по отношению к случаям суррогатного материнства, к случаям ограничения родительских прав (но не лишения данных прав), к случаям, когда речь идет об усыновленных, приемных детях [181, с. 161]. Здесь решение вопроса представляет четко практический интерес, поскольку подобные ситуации (за исключением случаев суррогатного материнства, до настоящего времени не получившего распространения в условиях учреждений уголовно-исполнительной системы) не являются редкостью.

Очевидно, следует исходить из законодательного уравнивания в правах биологических и усыновленных детей, что, по мнению исследователей, следует распространять и на случаи опекунов, попечителей и приемных родителей [182, с. 74-75]. При этом если за основу применения отсрочки принимать не

фактор социального родства, а исключительно биологический факт наличия состояния беременности (что прямо следует из текста уголовного и уголовно-исполнительного закона), то, в целом, применение отсрочки сопоставимо и со случаями суррогатного материнства.

Во-вторых, дискретные изменения в редакции ст. 72 УК РК 1997 года наглядно демонстрируют, что институт отсрочки от отбывания наказания является крайне востребованным на практике, в силу чего и выявляются потребности к его периодической коррекции. Вместе с тем содержание изменений, в ряде случаев приводящее к функционированию спорных редакций на протяжении достаточно продолжительного периода времени, свидетельствует об их очевидной непоследовательности (в особенности это заметно на примере постоянного изменения законодательной фиксации максимальной продолжительности предоставляемой отсрочки). Наконец, в-третьих, наиболее стабильный элемент материального основания применения отсрочки – запрет на ее применение к случаям осуждения на срок свыше 5 лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности (который был неизменен на протяжении всего периода действия УК РК 1997 года), был подвергнут расширению в редакции ч. 1 ст. 74 УК РК редакции 2014 года.

Соответственно, последнее изменение заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку оно также актуализируется и при переводе вопроса в плоскость уголовно-исполнительных отношений. Здесь отметим, что в науке уже неоднократно высказывались мнения о необходимости расширения перечня ограничений в отношении отсрочки отбывания наказания [163; 184]. То расширение запрета, которое было включено в первоначальную редакцию ст. 74 УК РК (распространение на случаи совершения террористических и экстремистских преступлений; преступлений в составе преступной группы; преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних) преимущественно связано с гармонизацией данной нормы с другими ограничительными конструкциями в Общей части УК.

Вместе с тем данное изменение вызывает несколько вопросов. Во-первых, весь приведенный перечень (за исключением указания на совершение преступлений против половой неприкосновенности, перечень которых установлен п. 42) ч. 3 ст. 3 УК РК) указывает на общественную опасность совершенного преступления универсального характера, но не дифференцирует ее именно в контексте применения к институту отсрочки. В какой-то мере традиционное указание на совершение тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, за которое назначено наказание свыше 5 лет лишения свободы, также свидетельствует об особых характеристиках осужденной (осужденного), поскольку отражает пренебрежение наиболее значимыми благами личности (жизнь, здоровье, личная свобода и т.д.).

Правовой аксиомой в контексте института отсрочки является то обстоятельство, что она применяется исключительно для соблюдения баланса между необходимостью реализации ответственности за совершенное преступление и интересами малолетних детей. Соответственно, критическим

показателем при решении вопроса о применении (неприменении отсрочки) будут являться те преступные посягательства, которые связаны с пренебрежением интересами детей.

В этом смысле логично было бы в перечень обстоятельств, исключающих право на применение отсрочки, включить и целый ряд посягательств, включенных в Главу 2 УК РК «Уголовные правонарушения против семьи и несовершеннолетних» (как минимум с указанием на совершение тяжкого или особо тяжкого преступления из данной группы). Полагаем, что факты вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, торговли несовершеннолетними и ряд других деяний данной группы свидетельствуют о существенной социально-нравственной деформации осужденной (осужденного), препятствующей возможности применения отсрочки. Кроме того, в обзорах судебной практики встречаются утверждения, что исключительный запрет на применение отсрочки имеет место в том случае, когда деяние совершено непосредственно против ребенка, в интересах которого ставится вопрос о применении данного института [185]. Однако такое указание в тексте УК РК отсутствует, что следует признать пробелом, требующим восполнения. Причем случаи совершения посягательства на интересы собственного ребенка, полагаем, не должно ставиться в зависимость от категории совершенного деяния [186, с. 250].

Во-вторых, обращает на себя внимание законодательный дисбаланс ч. 1 ст. 174 УК РК и ч. 2 ст. 163 УИК РК. Так, в ч. 2 ст. 163 УИК РК указывается, что «отсрочка исполнения наказания не применяется к лицам, осужденным на срок более пяти лет за совершение тяжких и особо тяжких преступлений против личности» [11]. Таким образом, редакция ч. 2 ст. 163 УИК РК воспроизводит предшествующую редакцию УК РК 1997 года, действовавшую на момент принятия УК РК 2014 года. В данном случае следует признать наличие явно выраженного законодательного дефекта (функционирующего уже на протяжении 8 лет), требующего коррекции. Безусловно, нормы УИК РК не могут вступать в противоречие с нормами материального права, содержащимися в УК РК.

Анализ норм, оформляющих институт отсрочки, свидетельствует о том, что она может быть применена как при постановлении обвинительного приговора, так и в ходе отбывания наказания. При этом редакция ст. 74 УК РК сформулирована таким образом, что она применима исключительно к случаям, когда вопрос об отсрочке ставится при постановлении приговора. Что касается случаев применения отсрочки к лицам, уже отбывающим наказание в виде лишения свободы, то вопросы ее применения детализируются в ст. 163 УИК РК. При этом, в отличие от ч. 1 ст. 174 УК РК, в ч. 4 ст. 163 УИК РК имеются указания на специальные условия ее предоставления. Данное обстоятельство приводит исследователей к мысли о наличии неравенства различных категорий осужденных, что существенным образом отражается именно на тех, кто отбывает наказание в местах лишения свободы [187, с. 67]. Скорее всего, речи об ущемлении интересов осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, идти не должно, поскольку применение данного института, в целом, не

является безусловным. При постановлении приговора суд, несмотря на наличие всех формальных оснований и отсутствии законодательных ограничений, может как применить, так и не применить отсрочку в зависимости от характеристики личности осужденного (осужденной) и иных обстоятельств личного характера. Соответственно, в ходе уголовно-исполнительного воздействия данные обстоятельства также могут меняться и, соответственно, требуют учета судом. Вместе с тем, как мы уже указали ранее, недопустимо, чтобы в УИК РК имелись дополнительные материальные основания для применения отсрочки, поскольку они должны содержаться исключительно в УК РК (ст. 74).

С другой стороны, именно тот факт, что обстоятельства могут меняться в период отбывания наказания (особенно это относится к отбыванию наказания в виде лишения свободы), свидетельствует о том, что было бы целесообразно предусмотреть возможность повторного ходатайства об отсрочке при наличии тех же материальных оснований. Например, у осужденной (осужденного) улучшились взаимоотношения с родственниками, появились источники дохода, в положительную сторону изменились параметры уголовно-исполнительной характеристики и т.д. В подобных случаях (при сохраняющихся материальных основаниях отсрочки отбывания наказания) возможность повторного ходатайства нам представляется гуманной и не противоречащей замыслу законодателя. Кроме того, такая возможность может существенно улучшить динамику уголовно-исполнительной коррекции, т.к. будет формировать дополнительные стимулы для позитивных изменений у осужденной (осужденного).

В рамках действующего уголовно-исполнительного регулирования вопросов отбывания лишения свободы женщинами до настоящего времени сохраняется весьма существенная социально-правовая дилемма: с одной стороны, в теории практически единодушно признается, что для женщины «семейный» фактор имеет гораздо более выраженное значение, нежели для мужчин; с другой стороны, имеющаяся до настоящего времени геолокация учреждений УИС для отбывания лишения свободы женщинами в значительном числе случаев приводит к тому, что осужденные отбывают наказание в существенном отдалении от места своего постоянного проживания до осуждения (а значит и от места проживания членов семьи). В теории же постоянно акцентируется, что именно наличие семейных связей является сдерживающим криминальную и иную деструктивную мотивацию женщин фактором [188, с. 270]. Как отмечают исследователи, доля замужних женщин среди осужденных значительно ниже, чем среди всего женского населения страны [189, с. 12]. Это обстоятельство верифицировано и в рамках проведенного социологического исследования (результаты по семейному статусу осужденных женщин были приведены в предыдущем подразделе работы). Соответственно, совершенно правы те исследователи, кто среди негативных тенденций отмечают именно рост числа преступлений, совершаемых женщинами, не состоящими в браке, равно как и высокий процент разводов именно по причине пенитенциарного фактора [190, с. 10].

Бангкокские правила прямо рекомендуют, что по возможности женщины должны отбывать наказание недалеко от места их проживания (Правило 4), чему корреспондируют и предписания УИК РК. Злободневность этой проблемы подтверждается тем, что лишь небольшое число учреждений может обеспечить содержание осужденных женщин в пределах отдельно взятого региона (в РК, как уже отмечалось, всего 6 «женских» учреждений, причем применительно к максимальному уровню безопасности функционирует только одно учреждение), в котором они проживали и были осуждены, что существенно нарушает их права [191, с. 98-99]. Как результат отбывания наказания вдали от места постоянного проживания членов семьи – разрыв социальных связей, которые, как уже было ранее отмечено, крайне отрицательно сказываются на психологическом состоянии женщины в пенитенциарном периоде. Именно по этой причине авторы специальных исследований нередко отмечают потребность в специальных исправительных программах, которые должны применяться к осужденным женщинам. Отдельные вопросы соответствующего характера будут подвергнуты специальному исследованию в заключительном разделе диссертации.

При этом в Концепции правовой политики РК до 2030 года, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 отмечается: «Важно рассмотреть возможность поэтапной оптимизации видов учреждений УИС, поскольку в условиях гуманизации существенно изменилась структура заключенных (более 90% осужденных к лишению свободы отбывают наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления). Представляется, что оптимизация видов позволит сэкономить значительные финансовые средства, выделяемые из бюджета для этапирования осужденных, а также сохранить социально полезные связи осужденных путем обеспечения доступности для родственников к местам отбывания наказания» [79]. Как отмечает В.А. Уткин, «если исходить не из внешних атрибутов лишения свободы, а из необходимости реформирования концептуальных основ его исполнения, то дальнейшей легитимизации гибридных исправительных учреждений как учреждений основного (типового) вида должно предшествовать конструктивное изучение целого ряда важных аспектов деятельности и атрибутов учреждений нового типа. Это, во всяком случае, подразумевает: организационно-архитектурные типы построения пенитенциарных учреждений в мире (с максимальным приближением к существующим типам и возможностям)» [192, с. 10].

Научная проработка вопроса о создании комплексных («гибридных», «мультирежимных») пенитенциарных учреждений не нова, первые публикации по данной тематике были представлены советскими и российскими исследователями (А.И. Зубков, В.А. Уткин и др.). На современном этапе развития пенитенциарной системы данная тематика также заметно актуализируется и обсуждается в научных трудах и публикациях [193]. В данном случае следует отметить, что Казахстан как страна, имеющая значительную географическую протяженность, особо нуждается в благополучном разрешении соответствующего вопроса, несмотря на то что его решение неизбежно потребует заметных финансовых и организационных затрат. В рамках проведенного

социологического исследования 33,3% респондентов-осужденных указали, что фактор географической отделенности учреждения УИС, где они отбывают наказание, от места постоянного проживания членов семьи является одним из самых тревожных для них факторов в период пребывания в учреждении (самый массовый ответ в рамках соответствующего вопроса). Причем самый высокий процент ответов (60,3%), а данном случае имеет место применительно к результатам опроса в учреждении № 23 (Абайская область), что свидетельствует о практически критическом состоянии проблемы.

В рамках теоретических исследований «объединенные» учреждения разделяются на два вида: гибридные учреждения, которые сочетают в себе различные виды учреждений; мультирежимные - включающие несколько различных видов режима [194]. По мнению Е.А. Саламатова, оптимизация видов безопасности учреждений УИС (а именно - объединение средней и максимальной степеней безопасности) позволит уменьшить государственные расходы в вопросе этапирования осужденных, равно как и станет выраженным элементом гуманизации процесса исполнения наказания в виде лишения свободы, поскольку позволит осужденным гораздо эффективней реализовывать свое право на поддержание контакта с семьей [195].

В соответствии с Правилom 11 Минимальных стандартных правил в отношении обращения с заключенными 2015 года (Правила Нельсона Манделлы), «различные категории заключенных содержатся в отдельных учреждениях или в разных частях одного и того же учреждения, с учетом их пола, возраста, предшествующей судимости, юридических причин их заключения и предписанного вида режима» [82]. В свою очередь, в Правиле 104 Европейских пенитенциарных правил (2006) указывается, что «насколько это возможно, и с соблюдением требований Правила 17, для лучшего управления различными режимами для конкретных категорий заключенных, должны использоваться отдельные пенитенциарные учреждения или отдельные отделения пенитенциарных учреждений» [196]. При этом указанное Правило 17 содержит значимую рекомендацию относительно того, что «по возможности заключенные должны направляться для отбывания наказания в пенитенциарные учреждения, расположенные вблизи от дома или мест социальной реабилитации» [196]. То есть метод объединения учреждений (режимов) не имеет значение абсолютного правила (рекомендации), однако предполагается в качестве наиболее благополучного. По результатам проведенного в ходе исследования опроса среди сотрудников «женских» учреждений УИС наиболее массовым ответом на вопрос относительно необходимых изменений для улучшения правового положения осужденных женщин стало указание на необходимость организации учреждений УИС для женщин в каждом регионе или построение учреждений объединенного (мультирежимного) типа (23,73 %).

Период пребывания осужденной в местах лишения свободы неизбежно отражается на ее социальном статусе, состоянии физического и ментального здоровья, на доступности реализации тех или иных жизненных планов, в том числе и планов по созданию семьи, обучения той или иной профессии, рождению

ребенка и т.д. В частности, в рамках проведенного социологического исследования были сформулированы корреспондирующие вопросы, которые позволили проанализировать обстоятельства, связанные со временем совершения преступления, и сопоставить их с теми изменениями, которые сами осужденные констатируют в своей жизненной ситуации по факту пребывания в местах лишения свободы.

Таблица 5 - Факторы жизненной ситуации осужденных женщин на момент совершения преступления

Факторы жизненной ситуации осужденных женщин на момент совершения преступления**	учр. № 23	учр. № 10	учр. № 79	учр. № 32	учр. № 50	учр. №78
отсутствие постоянного источника дохода	12,2%	18,3%	15,6%	5,7%	17%	17%
уход за ребенком в возрасте до 3 лет	6,7 %	7,3%	9,9%	3,5%	4,7%	3%
ведение домашнего хозяйства	9,4%	5,5%	9,9%	4,7%	4,7%	6%
наличие материальных затруднений	15,6%	14,5;	12,3%	12,7%	20,4%	17%
подвергалась фактам семейно-бытового насилия	13,9%	7,9%	7,1%	5,5%	15,3%	3%
состояла в разводе	6,7%	3,3%	6,6%	2,8%	2,8%	4%
в одиночку воспитывала детей	13,4%	10,6%	10,9%	4,7%	5,7%	11%
часто употребляла алкоголь	3,9%	1,6%	1,4%	3,3%	8,1%	4%
употребляла наркотические средства или психотропные вещества	8,9%	4,2%	3,3%	9,5%	25,1%	15%
Примечание - ** - данные приведены со слов самих осужденных.						

Как видно из данных, приведенных в таблице 5, жизненные обстоятельства, в рамках которых респондентам-осужденным было предложено произвести соответствующие отметки, были сгруппированы достаточно произвольным образом, поскольку задача состояла в том, чтобы выделить все наиболее значимые обстоятельства, типичные именно для женщин, которые так или иначе могли повлиять на формирование и реализацию криминальной мотивации. В данном случае следует особо обратить внимание на то, что опрошенные женщины подтверждают достаточно высокий процент случаев семейно-бытового насилия в их адрес (что подтверждает обоснованность выводов, сформулированных в предыдущем подраздел работы). Следует отметить, что казахстанские авторы также часто указывают на фактор насилия в семье как на обстоятельство, существенно влияющее и на защиту их прав в пенитенциарном периоде [197]. Международные обзоры относительно структуры и характеристики «жесткого» пенитенциарного социума в РК

выявили, что до 20 % осужденных женщин указали на факты бытового насилия, а 10 % отметили, что оно имело место на систематической основе [198, с. 18].

Значимый процент употребления наркотических средств и психотропных веществ полностью коррелирует с количеством осужденных, отбывающих наказание за наркопреступления (хотя данная корреляция и не может быть признана безусловной). Также подтверждается криминологическая аксиома относительно решающего влияния социально-экономических факторов, поскольку значительная часть осужденных указывают на наличие материальных затруднений (в том числе и по причине отсутствия самостоятельных источников дохода). При этом в среднем четверть опрошенных (25-26%) указали, что ни одно из указанных обстоятельств не имело отношение к их личной жизненной ситуации.

Таблица 6 - Позитивные изменения жизненной ситуации осужденных в пенитенциарном периоде

Позитивные изменения жизненной ситуации осужденных в пенитенциарном периоде**	учр. № 23	учр. № 10	учр. № 79	учр. №32	учр. № 50	учр. №78
заключение брака	3,3%	3,4%	4,7%	4,5%	4,4%	2%
рождение ребенка	0,5%	7,7%	5,6%	5,2%	1,7%	4%
получение образования	8,9%	10,1%	18,4%	5,7%	15,3%	16%
получение профподготовки	6,1%	11,2%	14,6%	5,5%	21,7%	11%
улучшилось состояние здоровья	3,3%	2,9%	5,6%	2,6%	5,1%	4%
избавление от алкогольной зависимости	6,1%	1,6%	1,8%	2,3%	10,8%	4%
избавление от наркотической зависимости	10%	4,2%	3,7%	3,6%	5,7%	14%
улучшение психологического состояния	5,5%	4,2%	5,2%	2,3%	2%	3%
восстановление связи с членами семьи	10,6%	4,2%	3,7%	1,6%	5,1%	3%
Примечание - ** - данные приведены со слов самих осужденных.						

Вопрос в рамках социологического исследования, результаты которого представлены в таблице 6, был сформулирован по той причине, что практически всегда в исследованиях отмечаются только негативные факторы, связанные с отбыванием лишения свободы. Вместе с тем, как показывают представленные в таблице 6 данные, в целом ряде случаев в рамках индивидуальной жизненной ситуации осужденной женщины имеют место заметные улучшения, в том числе и в тех аспектах, которые традиционно связываются со снижением криминальной активности (получение образования, профподготовки, избавление

от зависимостей). Следует отметить, что в рамках интервьюирования, результаты которого были отражены в публикациях автора данной работы, были выявлены случаи, когда осужденные выражали явную удовлетворенность своим пребыванием в учреждении, указывая, что в условиях свободы у них имели место значительные крайне неблагоприятные факторы [199]. Конечно же, количество случаев рождения ребенка в условиях пенитенциарного учреждения (равно как и заключения брака) являются незначительными, учитывая то обстоятельство, что подавляющая часть осужденных женщин относится к репродуктивному возрасту (согласно мировым стандартам, он определяется в диапазоне 15-49 лет). Особо обращает на себя внимание то обстоятельство, что часть осужденных указала на восстановление связей с семьей, что следует оценивать как выраженное позитивное изменение, поскольку обычно процессы являются диаметрально противоположными. Следует обратить особое внимание, что респонденты, которые указали на улучшение психологического состояния, практически тотально коррелируют с теми, кто в другом вопросе отметил факты семейно-бытового насилия. При этом почти 35 % опрошенных указали, что ни одно из указанных позитивных изменений не имеет отношения к их личной жизненной ситуации.

Таблица 7 - Негативные изменения в жизненной ситуации осужденных в пенитенциарном периоде

Негативные изменения в жизненной ситуации осужденных в пенитенциарном периоде**	учр. № 23	учр. № 10	учр. № 79	учр. № 32	учр. № 50	учр. № 78
состоялся развод	3,3%	5,7%	9,9%	3,1%	6,9%	7%
утрачены связи с детьми	12,2%	8,5%	13,2%	7,6%	11,7%	7%
утрачены связи с родителями или другими близкими родственниками	13,9%	9,8%	5,6%	8,1%	13,2%	8%
утрачены планы на будущее	21,2%	21%	15,1%	11,7%	17,4%	13%
осуждение, порицание со стороны родственников	17,8%	11,2%	12,3%	7,67%	18%	13%
ухудшилось состояние здоровья	49,7%	45,5%	37,4%	14,8%	55,5%	37%
ухудшилось психологическое состояние	40,7%	25,8%	25,1%	12,4%	31,2%	21%
отсутствуют возможности для удовлетворения необходимых потребностей	22,3%	11,2%	11%	7,1%	18%	15%
Примечание - ** - данные приведены со слов самих осужденных.						

Вполне закономерно, что процент утвердительных ответов по вопросу о том или ином ухудшении жизненной ситуации в пенитенциарном периоде

является гораздо более высоким, чем в ранее представленных результатах, касающихся положительных изменений. Особенно обращает на себя внимание указание респондентов-осужденных на факт ухудшения состояния здоровья, а также психологического состояния, равно как и высокий процент демонстрации признаков депрессивных оценок своего будущего. Примечательно, что среди пожеланий респондентов-сотрудников УИС относительно направления улучшений условий содержания осужденных женщин также самым массовым стало указание на необходимость повышения качества медико-санитарного сопровождения – 21,71 %.

При этом в рамках другого вопроса соответствующие признаки пессимистичного отношения к будущему после освобождения из мест лишения свободы нашли свое подтверждение. Так, в среднем 23% опрошенных осужденных по всем шести учреждениям УИС отметили, что опасаются, что не смогут после освобождения благополучно решить вопросы трудоустройства, жилья, состояния здоровья и т.д. В своих публикациях автор данного исследования специально акцентировала специфику переживания осужденными женщинами пребывания в пенитенциарном периоде, которая максимально связана именно с отрицательными проекциями на будущее [200; 201]. Кроме того, одним из самых массовых ответов респондентов-сотрудников учреждений УИС по вопросу о типичных характеристиках осужденных к лишению свободы женщин стало указание, что они более сильно переживают утрату связей с семьей и детьми (17,42%). Процент утраты социально полезных связей существенно превышает ранее выявленные случаи, когда данные связи, напротив были восстановлены в период пребывания в пенитенциарном учреждении. Случаи прекращения брака, в целом, тоже являются многочисленными, поскольку, как было ранее представлено в данных криминологической характеристики (предыдущий подраздел), количество осужденных, которые на момент совершения преступления состояли в браке, и без того было незначительным (что, в целом, полностью подтверждает выявляемые большинством исследователей тенденции).

Одним из наиболее значимых элементов уголовно-исполнительной характеристики является оценка осужденных с точки зрения дисциплинарной практики учреждения. В данном случае следует отметить, что поведение осужденных в местах лишения свободы (фактически соблюдение Правил внутреннего распорядка учреждения) оценивается самостоятельно от факта совершенного преступления, его характера и степени общественной опасности. Дисциплинарная практика ориентирована уже не на оценку совершенного преступного посягательства, а на реализацию необходимого исправительного воздействия, то есть дисциплинарные взыскания в период пребывания в местах лишения свободы не должны обладать кумулятивным эффектом по отношению к назначенному наказанию и применяться исключительно как реакция на поведение осужденной в период отбывания лишения свободы.

Таблица 8 - Анализ основных аспектов дисциплинарной практики

учреждений УИС в отношении осужденных женщин

Степень поведения на момент опроса**	учр. № 23	учр. № 10	учр. № 79	учр. № 32	учр. № 50	учр. № 78
третья положительная	32,9%	31%	21,3%	7,4%	20%	29%
вторая положительная	13,4%	23,5%	13,7%	11,7%	11,5%	18%
первая положительная	17,3%	17%	26,5%	8,6%	15,3%	15%
Отсутствует	23,4%	13,7%	17%	13,1%	39,1%	8%
первая отрицательная	0,1%	0,5%	1,8%	1,6%	0,6%	4%
вторая отрицательная	0%	0,1%	0,9%	0,7%	3,7%	1%
третья отрицательная	0%	0,3%	0,9%	0,4%	0,6%	0%
Дисциплинарные поощрения**						
имеет одно поощрение	16,7%	20,7%	24,6%	8,8%	23,8%	15%
имеет два и более поощрений	29%	39,1%	28,9%	12,4%	21%	27%
имеет более пяти поощрений	16,7%	24,8%	16,1%	13,9%	28,8%	25%
Дисциплинарные взыскания**						
Замечание	29,4%	5,1%	9,4%	0,9%	7,4%	12%
два и более замечания	18,4%	1,8%	1,8%	3,1%	11,5%	3%
Выговор	6,7%	1,6%	6,1%	2,3%	3,7%	5%
два и более выговора	0,1%	0,5%	1,4%	2,3%	1,7%	2%
водворение в ДИЗО	2,7%	2,2%	6,1%	0,9%	1,3%	3%
водворение в ДИЗО два и более раза	0%	0,5%	0,4%	2,3%	4,7%	0%
перевод в одиночную камеру	0%	0	0,4%	0,9%	0,3%	1%
перевод в одиночную камеру два и более раз	0%	0,1%	0%	0,4%	0,6%	0%
ни разу не подвергалась взысканию	40,2%	76,4%	59,2%	29,7%	59,1%	50%
Примечание - ** - данные приведены со слов самих осужденных.						

Данные, приведенные в таблице 8, обобщают все вопросы, касающиеся дисциплинарной практики в отношении осужденных женщин, содержащихся в учреждениях УИС РК (необходимо учитывать, что они приведены на основе данных, которые указаны самими осужденными). При этом следует указать также, что около 4 % в общей массе опрошенных осужденных отметили, что затрудняются дать ответ относительно имеющейся у них степени поведения, равно как и факта наличия (отсутствия) дисциплинарных поощрений и взысканий, что следует отнести к недочетам в вопросах информирования осужденных относительно деталей их текущего уголовно-исполнительного статуса. Категория «степень поведения» имеет существенное значение для

решения различных вопросов, непосредственно связанных с улучшением (ухудшением) условий отбывания наказания, переводом в другое учреждение и др.

Следует признать, что дисциплинарная практика в отношении осужденных женщин в учреждениях УИС РК выглядит достаточно благополучной, поскольку в общей сложности почти 57 % респондентов указали, что вообще за период отбывания наказания не подвергались дисциплинарным взысканиям (данная цифра приводится без учета данных по учреждению № 32, поскольку, как ранее было указано, в опросных листах осужденных данного учреждения имели место значительные погрешности). Значительное количество опрошенных сотрудников учреждений УИС (14,14%) также указали, что осужденные женщины, в целом, хорошо поддаются воспитательному воздействию (третий по массовости ответ по уголовно-исполнительной характеристике осужденных женщин). Тотальное большинство опрошенных респондентов-осужденных имеют ту или иную положительную степень поведения; что касается «отрицательного сегмента», то в данном случае, напротив, данные представлены единичными случаями. Полученные результаты подтверждают часто высказываемые в теории уголовно-исполнительного права утверждения и презумпции относительно того, что осужденные женщины гораздо более подвержены исправительному воздействию и крайне редко демонстрируют более или менее существенные нарушения порядка отбывания наказания в виде лишения свободы. Вместе с тем практика применения дисциплинарных взысканий имеет место, однако она практически не связана с применением таких мер, как водворение в ДИЗО и перевод в одиночную камеру, что свидетельствует также и о том, что сам характер дисциплинарных нарушений не является существенным. В заключительном разделе работы будет обоснована необходимость более тщательного учета «женского фактора» в системе применяемых к осужденным дисциплинарных поощрений и взысканий.

Одним из наиболее значимых вопросов, которые определяют уголовно-исполнительный статус и уголовно-исполнительную характеристику женщин, осужденных к лишению свободы, является вопрос материнства в местах лишения свободы (соответственно, и состояние беременности). В учреждении УИС, согласно УИК РК, могут организовываться дома ребенка, которые фактически являются специфической формой яслей и детских садов с той разницей, что они находятся внутри учреждения УИС. Особенности их функционирования и организационно-правовой статус в законе до настоящего времени не определены, равно как и в Правилах внутреннего распорядка учреждений УИС. Недавно принятый приказ Министра здравоохранения от 15 февраля 2024 года, утвердивший Положение о деятельности организаций здравоохранения для детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, детей с нарушениями психического и физического развития, не может быть принят за основу, так как он ориентирован на другую адресную группу детей. Ребенок в условиях пенитенциарного социума – это однозначно особо уязвимая социальная категория (равно как и его мать), поскольку нуждается в

специализированном уходе и создании таких условий, которые могли бы нейтрализовать негативное влияние физической изоляции (в данном случае следует признать, что именно данный фактор и является решающим при решении вопроса относительно возраста, до которого допустимо пребывание ребенка с матерью в учреждении).

Как уже ранее указывалось, в Казахстане женщины за совершение преступлений разного характера отбывают наказание в шести пенитенциарных учреждениях. В доступных информационно-коммуникационных ресурсах отмечается, что в учреждениях УИС РК в 2022 и 2023 годах родилось по 11 детей, а в 2024 году – 13. Вопрос пребывания ребенка с матерью в учреждении УИС является достаточно проблематичным, поскольку инфраструктура соответствующих учреждений на территории РК является не в полной мере развитой (в совокупности с ранее неоднократно указанным фактором существенной географической удаленности учреждения от места постоянного проживания осужденных и членов их семьи). В частности, в рамках проведенного социологического исследования только 26 респондентов-осужденных в 3-х учреждениях УИС (№ 10, № 23, № 32) указали, что ребенок содержится с ними в учреждении, причем максимальное количество (22 респондента) – это осужденные в учреждении № 10 (Алматинская область). Конечно же, открытие и обеспечение деятельности домов ребенка в учреждении УИС требует заметных финансовых затрат, а также сопряжено с трудностями организационно-правового характера, так как должно обеспечиваться их изолирование от жилой зоны. Предполагается, что необходима определенная инфраструктура, которая является обязательной для нормального содержания детей (в частности, отдельные помещения, прогулочные площадки и т.д.), в особенности с учетом того фактора, что дети все время пребывают в учреждении.

В соответствии со ст. 9 Конвенции ООН о правах ребенка государства должны обеспечивать, чтобы ребенок не разлучался со своими родителями, кроме случаев, когда это необходимо в интересах ребенка. Фактически это предполагает и необходимость обеспечения пребывания ребенка с матерью-осужденной, если отсутствуют основания полагать, что это может навредить его нормальному физическому и (или) психическому развитию, однако данное право практически неизбежно существенно ограничивается или вовсе исключается [54, с. 75]. Совместное проживание детей с матерями-осужденными также прямо корреспондирует со ст. 7 Конвенции ООН о правах ребенка, закрепляющей право ребенка на заботу со стороны своих родителей, равно как и с положениями КоБС РК, которые акцентируют тот аспект, что право родителей осуществлять воспитание и заботу о своих детях прямо корреспондирует с правом детей воспитываться своими родителями.

В современном векторе явной гуманизации уголовно-исполнительной политики практически во всех странах мирового сообщества особенно обостряется постановка вопроса относительно того, чтобы наиболее оптимальным образом обеспечить возможность пребывания детей в максимально тесном контакте с осужденными матерями (при отсутствии

возможности пребывания в учреждении должна иметься возможность для достаточно тесной коммуникации). В частности, в декабре 2003 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция по правам человека в управлении правосудием [202]. Общепринято, что при оценке положительного опыта, как правило, имеет место обращение к странам Европы и США как наиболее передовым зарубежным пенитенциарным практикам (хотя в отношении пенитенциарной системы США это может иметь место только с определенными оговорками). Однако, к примеру, в настоящее время в странах Латинской Америки ситуация по пребыванию детей в тюрьмах достигает выраженных благополучных результатов, которые заслуживают внимания с точки зрения имплементации в национальные законодательства других стран [203]. Так, в тюрьмах Боливии используется практика совместного пребывания детей с осужденными отцами, что до настоящего времени является достаточно редкой практикой (в национальном законодательстве, равно как и в теории, данный вопрос вообще не поднимается). Кроме того, пенитенциарные системы Эквадора, Боливии, Перу, Гватемалы предполагают пребывание детей с осужденными матерями до достижения возраста 6 лет, причем предполагается даже возможность продления данного срока.

Соответственно, вопрос родительства остается одним из ключевых при организации пребывания в пенитенциарном периоде, причем не только женщин, но и мужчин (особенно в ситуациях, когда мужчина остался единственным родителем, а ребенку не исполнилось 3 года). К настоящему времени в научных публикациях и специальных исследованиях уже начала обозначаться постановка вопроса относительно того, что следует внедрять практику пребывания детей, в том числе, и с осужденными отцами. Так, С.М. Савушкин отмечает, что «в свете расширения диспозитивных начал уголовно-исполнительного правового регулирования в будущем возможна дискуссия о необходимости создания исправительных учреждений с домами ребенка для мужчин, имеющих детей в возрасте до трех лет, являющихся единственным родителем (по аналогии с осужденными женщинами)» [204, с. 745]. Аналогичное мнение в своем диссертационном исследовании 2024 г. высказывает и Н.Е. Курдюкова [205, с. 12]. Очевидно, что решение данного вопроса относится к значимым ближайшим резервам не только гуманизации процесса исполнения наказания в виде лишения свободы, но и дальнейшего выравнивания гендерных диспропорций в сфере уголовно-исполнительных отношений.

В данном случае не следует исключать из внимания те обстоятельства, что факт пребывания ребенка с осужденной матерью в учреждении не лишен целого ряда проблем, которые преимущественно концентрируются в психологических переживаниях и деструкциях самих осужденных женщин. Так, в частности, исследователи отмечают, что весьма часто имеют место проявления эмоциональной холодности, дистанцирования и даже пренебрежения интересами ребенка со стороны осужденных матерей, что может быть обусловлено собственным подавленным состоянием [206, с. 528] (ранее был специально отмечен тот факт, что осужденные женщины демонстрируют

пессимистичные ожидания относительно своего будущего, что может проецироваться и на оценку будущего своего ребенка). В заключительном разделе работы данный вопрос будет дополнительно затронут с формулировкой решений в целях повышения материнской «компетентности» осужденных женщин, поскольку если пребывание ребенка с матерью в учреждении не будет сопровождаться необходимым уровнем эмоциональной и физической близости (для чего, собственно, он и остается в учреждении), то неизбежно будут отмечаться негативные факторы в его развитии, в уровне познавательной и иной активности [207, с. 528].

Соответственно, к настоящему времени вопрос преодоления организационно-правового дистанцирования матери и ребенка (а в перспективе, очевидно, также осужденного отца и ребенка) требует принятия целого ряда решений. Во-первых, требуется создание условий во всех регионах РК для совместного проживания матери и ребенка на территории учреждения УИС; во-вторых, необходимо увеличить количество свиданий для женщин, имеющих несовершеннолетних детей, проживающих вне территории учреждения; в-третьих, необходима выработка комплекса мер для осужденных матерей, спекулирующих своим материнским статусом исключительно для получения предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством льгот и преференций на фоне пренебрежения интересами ребенка. Заключительное обстоятельство требует особого внимания, поскольку следует признать, что в данном направлении уголовно-исполнительное законодательство и правоприменительная практика до настоящего времени имеют только один исключительный вектор – в сторону формулировки гарантий осужденным-матерям. Вместе с тем следует учитывать, что соответствующий элемент позитивной дискриминации существенным образом базируется одновременно и на необходимости соблюдать интересы ребенка, а не только матери.

При этом именно женщины, имеющие малолетних детей (причем как в доме ребенка учреждения, так вне его пределов), должны стать первичным адресатом применения льготных условий отбывания наказания в виде лишения свободы. В данном случае интересы ребенка имеют приоритетное значение, по причине чего соответствующие условия целесообразно применять независимо от срока отбытого наказания, если у осужденной не имеется тех или иных отрицательных характеристик, связанных с отбыванием наказания (при этом установлено положительное отношение к материнству, а также стремление к исполнению соответствующих обязанностей). С учетом ранее изложенной аргументации, соответствующие положения следует в будущем распространять и на осужденных отцов, которые, исходя из установленного законодательством равноправия в контексте родительства, должны иметь равные возможности по реализации данного права.

Льготные условия отбывания наказания представляют собой ярко выраженный прогрессивный элемент в механизме отбывания лишения свободы, по причине чего данный вопрос становился предметом исследования в работах многих ученых-пенитенциаристов [208; 209; 210; 211]. В.А. Уткин отмечает, что

эффективность функционирования системы УИС на различных этапах ее развития должна оцениваться, в том числе и с точки зрения достаточности и реализуемости прогрессивных элементов в механизме исполнения уголовного наказания [212]

З.А. Астемиров усматривает в прогрессивной системе отбывания наказания в виде лишения свободы исключительно позитивные элементы, поскольку инициатива улучшения условий содержания осужденных в местах лишения свободы предоставлена им самим [213, с. 92]. В свою очередь В.Е. Южанин полагает, что те элементы, которые традиционно расцениваются в качестве структурных частей прогрессивной системы отбывания наказания, как правило, не вполне согласованы между собой, равно как отсутствует сбалансированный механизм их применения [214, с. 32]. Ранее прогрессивную систему отбывания наказания критиковал А.Е. Наташев [215], однако в тот период постановка вопроса о подобных механизмах находилась только на начальном этапе, а к настоящему времени уже расценивается как необходимый фактор благополучного ресоциализирующего воздействия на осужденных.

Значимым элементом фиксации элементов прогрессивной системы является формулировка законодательных положений относительно условий отбывания наказания, в том числе проживания осужденных за пределами исправительного учреждения (ч. 3 ст. 136, ч. 3 ст. 138 УИК РК). При этом, несмотря на наличие соответствующего законодательного дозволения, соответствующая мера к настоящему времени не реализуется. Причем в отношении осужденных женщин, имеющих малолетних детей (как в доме ребенка учреждения, так и за его пределами), данная мера может быть применена исходя из безусловной комбинации таких значимых факторов, как обеспечение интересов малолетнего ребенка (в том числе его более конструктивное и сбалансированное развитие); возможность не прерывать контакт матери и ребенка (в случае достижения им 4-летнего возраста), а также безусловного исправительного и воспитательного воздействия на осужденную.

Исследователи совершенно справедливо отмечают, что заложенный в законодательстве исправительный и ресоциализирующий потенциал прогрессивной системы отбывания наказания до настоящего времени не реализуется достаточным образом [216]. В качестве неизбежного негативного последствия данное обстоятельство приводит к снижению у осужденных возможности иметь доступ к тому, чтобы заметным образом улучшить условия своего пребывания в учреждении, но и нивелируются необходимые социально-психологические навыки, связанные с принятием решений, планированием своей жизни, решением вопросов, относящихся к личной жизненной ситуации.

К настоящему времени одним из наиболее существенных направлений дифференциации и индивидуализации условий отбывания наказания осужденным к лишению свободы является проживание за пределами учреждений. Как уже было ранее отмечено, именно осужденные женщины, имеющие малолетних детей (причем как в доме ребенка учреждения, так и за его пределами), должны стать первоочередными адресатами применения

соответствующих правил. В частности, О.Н. Зверева оценивает проживание за пределами учреждения как четвертую ступень прогрессивной системы отбывания наказания, своего рода «режим полусвободы» [217, с. 17]. Ю.М. Ткачевский, который фактически является основоположником понятия «прогрессивная система отбывания наказания», формулировал аналогичную позицию [218, с. 101]. Данный этап признается весьма значимым в достижении целей благополучного возвращения в общество осужденных лиц после пенитенциарного периода, поскольку в период пребывания под надзором, однако уже вне учреждения, формирует (реабилитирует) навыки жизнедеятельности в условиях физической свободы [219].

Отдельно, применительно именно к осужденным женщинам, категорию «льготные условия» УИК РК не определяет. Закономерно будет предположить, что именно применительно к случаям, когда необходимо ставить под защиту материнство и детство, льготный режим следует признать наиболее соответствующим как задачам гуманизации, так и реализации прогрессивной системы отбывания наказания в РК (в последнем случае ставится вопрос уже не столько о гуманизации, сколько и о потребностях общества в том, чтобы каждый осужденный к лишению свободы благополучно проходил этап ресоциализации и подготовки к освобождению). Причем в контексте требований, которые целесообразно устанавливать в отношении осужденных женщин при применении льготных условий отбывания наказания (с проживанием на территории, прилегающей к учреждению), должна расцениваться следующая комбинация обстоятельств.

- 1) отсутствие существенных нарушений установленного порядка отбывания наказания;
- 2) ответственное отношение к материнству.

В рамках последнего критерия потребуется установление более или менее четких ориентиров для принятия решения (в частности, по каким критериям следует оценивать ответственное и добросовестное отношение к материнству; какую оценку давать в случаях, если в отношении других детей у осужденной имело место лишение родительских прав и т.д.).

В силу постоянно воспроизводимых в рамках работы акцентов следует отметить, что практически все исследование заметно обособляет исключительно ту часть «женского» фактора в вопросах исполнения наказания в виде лишения свободы, которая касается исключительно гендерно-обусловленных функций (беременность, рождение ребенка). В данном случае следует особо учитывать то обстоятельство, что критический показатель разрыва социально полезных связей в случаях осуждения женщин к отбыванию лишения свободы неизбежно ставит вопрос о том, что значительная их часть может не иметь возможности не только к обеспечению семейного статуса, но и к реализации функции материнства. Помимо иных негативных последствий осуждения к лишению свободы, для женщин весьма остро стоит вопрос реализации репродуктивных планов. Как показали обобщенные данные социологического исследования среди осужденных женщин, содержащихся в соответствующих учреждениях УИС,

более 12 % опрошенных в качестве одного из наиболее тревожащих их факторов отметили риск не успеть реализовать свои репродуктивные планы по причине пребывания в местах лишения свободы.

Особенно критично состояние проблемы в отношении одиноких женщин, не находящихся в браке, не имеющих детей на момент осуждения и находящихся в возрасте, близком к завершению периода фертильности. Женщины, осужденные к наказанию в виде лишения свободы, являются особой релевантной группой, являющейся адресатом целого ряда норм, позволяющих говорить о наличии фиксированной гендерной асимметрии в действующем уголовно-исполнительном законодательстве РК. В Казахстане к настоящему времени отсутствует документ программного типа в системе уголовно-исполнительных отношений, который содержал бы как унифицированные направления, так и частные инфраструктурные и социально-ориентированные аспекты исполнения наказания в отношении отдельных категорий осужденных, в том числе женщин. Единственный недавний документ подобного характера – Комплексная стратегия социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017-2019 гг. – не учитывала особые потребности женщин-осужденных, упоминая только осужденных несовершеннолетнего возраста.

В целом, в Казахстане до настоящего времени отсутствуют документы концептуального или стратегического характера, которые были бы адресованы исключительно вопросам деятельности уголовно-исполнительной системы. Это не значит, что соответствующие вопросы обделены вниманием со стороны органов государственной власти. В частности, вопросам развития уголовно-исполнительного законодательства и практики традиционно посвящается отдельный блок в концептуальных документах, определяющих правовую политику государства (начиная с Концепции правовой политики РК на период с 2010 до 2020 года и заканчивая действующей Концепцией правовой политики РК до 2030 года). Данные документы ориентированы исключительно на обозначение основного вектора развития, определение наиболее масштабных ориентиров предстоящих изменений. Так, в первом документе отмечалась необходимость повышения индивидуализации исполнения наказания в виде лишения свободы, снижения карательного потенциала наказания, необходимость способствования успешной ресоциализации осужденных и др. В Концепции правовой политики РК до 2030 года акценты поставлены на совершенствование отдельных организационных аспектов (элементы цифровизации, оптимизация учреждений уголовно-исполнительной системы, повышение эффективности пенитенциарной пробации и т.д.). Вместе с тем отсутствуют те или иные положения, которые бы касались индивидуальных потребностей отдельных категорий осужденных, в частности женщин.

С учетом имеющихся достижений медицины и реализации государственных программ по обеспечению репродуктивных прав, к настоящему времени актуализируется вопрос о пересмотре отдельных норм и правил, в том числе и в отношении осужденных женщин. В данном случае следует принимать

за основу специфику репродуктивных ожиданий и текущего репродуктивного статуса осужденных женщин (ограниченный возрастной диапазон для реализации соответствующих прав; предшествующий социальный опыт; наличие заболеваний, требующих вспомогательных репродуктивных технологий, и т.д.). За основу должен приниматься тот факт, что материнство для осужденных женщин, находящихся в местах лишения свободы, имеет значение и как стабилизирующий фактор в процессе отбывания наказания, и как стимулирующий фактор в ходе ресоциализации.

Женщина, независимо от факта пребывания в условиях физической изоляции, выполняет в обществе функции и реализует те свои потребности, которые предопределены физиологическими аспектами ее гендера. Следует в этом ключе отметить, что реализация репродуктивных планов у женщин существенно лимитирована в рамках временных границ так называемого детородного возраста. При этом в Казахстане в рамках официальной статистики фертильный возраст женщины и количество женщин, находящихся в данном возрасте, рассчитывается на основе международных стандартов – в периоде от 15 до 49 лет. В данном случае следует учитывать, что этот диапазон в реальности является более сокращенным, поскольку подавляющее большинство деторождений приходится на более сжатые временные рамки. Пребывание в местах лишения свободы существенно снижает или вовсе лишает женщину возможностей реализации своих репродуктивных планов, причем, независимо от того, имеет ли она уже детей на момент осуждения или нет. В особенности же остро вопрос стоит для женщин, которые на момент осуждения детей не имеют, у которых имеются проблемы в области репродуктивного здоровья, а также для тех, у кого отсутствуют или прервались брачные отношения. Именно по этой причине исследователи в последние годы совершенно справедливо ставят вопрос о необходимости отдельного выделения «права на беременность» осужденной женщины [220, с. 96].

В соответствии с действующим законодательством РК в области применения вспомогательных репродуктивных технологий, основными их адресатами являются пары (мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке). Однако предполагается и возможность для женщин, не состоящих в браке, кроме использования формы суррогатного материнства. В Правилах оказания медицинской помощи лицам, содержащимся в следственных изоляторах и учреждениях уголовно-исполнительной системы, от 30 июня 2022 года вопросы «женского здоровья» дифференцированы исключительно в рамках регламентации медицинской помощи по ведению беременности и родовспоможению [221]. Согласно официальным источникам, в Казахстане право на проведение процедур вспомогательных репродуктивных технологий имеют «все граждане Казахстана, в том числе лица с ограниченными возможностями, при наличии показаний и отсутствии наркотической и алкогольной зависимости, соматических и психических заболеваний, являющихся противопоказаниями для вынашивания беременности и родов» [222; 223]. В данном случае решающим фактором является констатация

необходимых медицинских параметров, которые могут свидетельствовать о возможности применения репродуктивных технологий.

Таким образом, фактически нормативных препятствий для решения вопроса реализации репродуктивных планов осужденной женщиной с точки зрения современных возможностей медицины нет. Вместе с тем, например, здоровая женщина-осужденная (у которой не диагностировано бесплодие), но не имеющая брачных отношений, даже исходя из действующих нормативных правил общего характера, лишена возможности к использованию соответствующих вспомогательных технологий. То есть факт того, что осужденная пребывает в физической изоляции и не может даже при наличии удовлетворительного состояния здоровья реализовать свое право на беременность и материнство, не является основанием для положительного решения вопроса. Иными словами, возникает своего рода социальный тупик: в случае пребывания в критическом состоянии с точки зрения репродуктивных возможностей женщина-осужденная практически лишается какой-либо перспективы к реализации своей потребности.

«Репродуктивная» дилемма, имеющая место применительно к женщинам в пенитенциарном периоде, была специально освещена автором данной диссертации в рамках отдельной научной публикации [224]. Безусловно, данный вопрос сопряжен со многими проблемными аспектами, как непосредственно связанными с процессом отбывания наказания, так и с оценками нравственно-этического характера. Так, длительность и сложность оказания вспомогательных репродуктивных процедур затрудняет решение данного вопроса с точки зрения соблюдения режима отбывания наказания (хотя это является лишь формальным препятствием в случае стремления к решению вопроса). С другой стороны, возникает множество вопросов, связанных с социальным обоснованием и последствиями, которые могут иметь место, если осужденным женщинам будет предоставлена такая возможность. В частности, она может получить оценку как чрезмерный гуманизм в отношении осужденной, которая совершила преступление; возникают также вопросы относительно судьбы самого ребенка, который родится в условиях несвободы, реальной социальной компетентности матери в вопросах его воспитания и т.д. Вместе с тем, как указывают исследователи, «родив ребенка, осужденная женщина обретает новую цель в жизни, у нее появляется сильнейшая мотивация изменить судьбу, снижается количество дисциплинарных нарушений, сохраняются и укрепляются социальные связи, появляется уверенность в себе и своем будущем» [225, с. 96].

Однако все вопросы влияния беременности и материнства оцениваются исключительно в отношении случаев, когда у женщины имеются дети уже до момента осуждения, или беременность и рождение ребенка состоялись в период отбывания наказания, что имеет место только в случае сохранения осужденной брачных отношений и их поддержания в период изоляции. В частности, в специальных исследованиях казахстанских авторов отмечаются многие проблемы медицинского характера, связанные с пребыванием беременной женщины в условиях пенитенциарного учреждения, равно как и травматичность

разлуки с новорожденным ребенком [226]. Либо же оцениваются имеющие место проблемы отбывания лишения свободы женщинами в сопоставлении с международными правилами и рекомендациями [227].

В отношении одиноких осужденных женщин, желающих реализовать свое право на беременность и материнство, прогнозы в настоящее время весьма неутешительны. Вместе с тем, учитывая существенное влияние данного фактора, а также безвозвратность утраты репродуктивной возможности по достижении определенного возраста и состояния здоровья осужденной женщины, следует оценить возможности современной УИС Казахстана в плане взвешенной и гуманной помощи данным лицам в вопросах доступа к вспомогательным репродуктивным технологиям. Учитывая то обстоятельство, что постановка соответствующей проблемы в рамках данного исследования изначально предполагалась, данный вопрос был адресован осужденным женщинам в рамках общего мнения относительно их пожеланий по возможному улучшению условий отбывания наказания. При этом закономерно, что большинство пожеланий были сконцентрированы в рамках вопросов улучшения материально-бытовых условий отбывания наказания, однако более 6 % опрошенных отметили, в том числе, и пожелание относительно доступности вспомогательных репродуктивных технологий, что следует признать достаточно высоким процентом.

Таким образом, подводя итог исследованному в данном подразделе вопросам, можно сформулировать ряд основных выводов.

Во-первых, развитие уголовного и уголовно-исполнительного законодательства РК за период политической независимости в вопросах, касающихся назначения и отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами, характеризуется рядом основных параметров, которые можно свести к следующему:

1) и в уголовном, и в уголовно-исполнительном законодательстве существуют нормативные конструкции, которые содержат элементы гуманизма, адресованные женщинам, совершившим уголовные правонарушения и осужденным к лишению свободы, исключительно по половому признаку (запрет на назначение пожизненного лишения свободы, на содержание в учреждениях чрезвычайной безопасности; повышенные нормы жилой площади). При этом существует и дискриминационный аспект, обусловленный инфраструктурными факторами: в отношении осужденных к лишению свободы женщин не всегда возможна реализация правила относительно отбывания наказания в регионе проживания осужденной;

2) в течение развития уголовно-исполнительного законодательства РК за период с 1997 по 2025 год имели место факты необоснованных и ущемляющих права осужденных женщин, имеющих при себе детей, решений законодателя. Так, если в соответствии с ч. 3 ст. 96 УИК РК 1997 года предусматривалась возможность оставления ребенка с матерью на дополнительный год в случаях, если оставшийся срок отбывания наказания не превышал данного периода, то в первоначальной редакции УИК РК 2014 года данная гуманная конструкция была утрачена. Реверсное изменение законодательства, состоявшееся в 2023 году и

анонсируемое как дополнительный ресурс гуманизации исполнения наказания в отношении осужденных женщин, фактически представляло собой устранение ранее допущенного дефекта и возврат к ранее существовавшему положению. При этом следует признать, что на протяжении более 8 лет осужденные женщины, имеющие при себе детей в учреждениях УИС, были фактически лишены возможности оставить при себе ребенка на дополнительный год;

3) уголовно-исполнительное законодательство РК, в целом, идет по правильному пути отказа от чрезмерного гендерного диспаритета в случаях, когда учет «женского» фактора осуществляется исключительно по биологическому признаку. Так, в УИК РК 2014 года в отношении осужденных женщин законодатель отказался от установления сокращенных сроков пребывания в одиночной камере, в отличие от УИК РК 1997 года, при сохранении запрета на помещение в дисциплинарный изолятор и одиночную камеру женщин, имеющих при себе малолетних детей, а также освобожденных от работы по беременности и родам (ч. 8 ст. 132 УИК РК 2014 г.).

Во-вторых, одним из самых гендерно-ориентированных аспектов законодательного регулирования вопросов назначения и отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами долгое время оставался и остается институт отсрочки исполнения приговора. Несмотря на включение изменений, выравнивающих гендерный диспаритет (распространение на мужчин, в одиночку воспитывающих малолетних детей), он по-прежнему преимущественно адресован женщинам. Неоднозначная динамика законодательных изменений за весь период развития уголовного и уголовно-исполнительного законодательства РК, тем не менее, не привела к формулировке оптимальных условий функционирования института отсрочки, по причине чего обоснованы следующие изменения:

1) в ч. 1 ст. 74 УК РК следует внести изменения в следующей редакции: «Беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, мужчинам, воспитывающим в одиночку малолетних детей, осужденным к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие или особо тяжкие преступления против личности, *против интересов семьи и несовершеннолетних*, террористические преступления, экстремистские преступления, преступления, совершенные в составе преступной группы, преступления против половой неприкосновенности малолетних, отсрочка отбывания наказания не предоставляется. *Отсрочка не применяется во всех случаях совершения преступления против интересов собственных малолетних детей осужденного (осужденной), независимо от категории преступления*»;

2) дублирующее изменение следует включить и в ч. 2 ст. 163 УИК РК для исключения существующего дисбаланса в нормативном регулировании. В данном случае следует учитывать, что факт уголовно-исполнительных отношений не меняет (и не может менять) материальные основания для применения отсрочки отбывания наказания;

3) все материальные основания для применения отсрочки должны быть детализированы исключительно в ст. 74 УК РК; любые дополнительные

материальные основания, включаемые в УИК РК, являются недопустимыми. Соответственно, положения ст. 163 УИК РК, касающиеся дополнительных условий предоставления отсрочки осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы (ч. 4 ст. 163 УИК РК), должны быть включены в ст. 74 УК РК;

4) в целях стимулирования дальнейших положительных изменений у осужденных следует предусмотреть возможность повторного обращения с ходатайством об отсрочке по тем же материальным основаниям при изменении личной жизненной ситуации. Соответственно, ст. 74 УК РК следует дополнить новой частью в следующей редакции: *«Осужденный (осужденная) в процессе отбывания уголовного наказания имеет право повторно ходатайствовать о предоставлении отсрочки при сохранении оснований, указанных в части 1 настоящей статьи, и отсутствии запретов, установленной той же частью настоящей статьи».*

В-третьих, основные элементы характеристики уголовно-исполнительного статуса осужденных женщин, отбывающих в настоящее время наказание в виде лишения свободы в учреждениях УИС РК, связаны со следующими выявленными параметрами:

1) значительный процент фактора социального неблагополучия к начальному моменту пенитенциарного периода (низкий уровень дохода или отсутствие самостоятельного дохода; фактор одиночного родительства; наличие травматичного опыта по факту семейно-бытового насилия; различные виды зависимостей);

2) подавляющее большинство имеет одну из положительных или не имеют степени поведения, а также два и более поощрения от администрации учреждения;

3) относительное большинство осужденных хотя бы раз подвергались дисциплинарным взысканиям, однако случаи применения водворения в ДИЗО и перевода в одиночную камеру являются единичными;

4) большинство осужденных на момент осуждения имеют среднее специальное образование, не состоят в браке, имеют, как минимум, одного несовершеннолетнего ребенка;

5) значительная часть осужденных субъективно не выявляют каких-либо позитивных изменений в своей жизненной ситуации за исключением получения образования и профессиональной подготовки и избавления от зависимостей;

6) среди факторов, в рамках которых произошли наиболее существенные негативные изменения, выявлены ухудшение состояния физического здоровья и психологического благополучия, отсутствие позитивных ожиданий и целей.

В-четвертых, в качестве максимального учета «детского» фактора применительно к отбыванию лишения свободы женщинами предполагается:

- определение женщин, имеющих малолетних детей (как в доме ребенка учреждения, так и за его пределами), в качестве первоочередных адресатов льготных условий отбывания наказания. При этом за основу принятия решения о применении режима льготных условий достаточно принимать во внимание комбинацию двух обстоятельств:

1) отсутствие существенных нарушений порядка отбывания наказания осужденными женщинами;

2) факт добросовестного и сознательного отношения к материнству;

- продление возможного срока пребывания малолетнего ребенка в доме ребенка учреждения, как минимум, еще на один год, то есть до достижения 5-летнего возраста (в том числе, исходя из международных стандартов и зарубежной практики);

- нейтрализация дискриминационного фактора в отношении осужденных к лишению свободы мужчин, оставшихся единственным родителем ребенка в возрасте до 3-х лет (с учетом предусмотренной УИК РК возможности продления – до 4-х лет) путем решения в ближайшей перспективе вопроса о создании при «мужских» учреждениях УИС (как минимум, в нескольких) домов ребенка по типу учреждений УИС, предназначенных для исполнения лишения свободы в отношении женщин, а также распространения на них обоснованных правил о первоочередном применении льготных условий отбывания наказания;

- с учетом современного развития медицины в совокупности с выраженным ресоциализирующим потенциалом материнства для осужденных женщин, учитывая ограниченный репродуктивный период, обосновано особое «право на беременность», которое в настоящее время может быть реализовано с помощью ВРТ в случаях, когда у осужденной отсутствуют брачные отношения.

3 СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ИСПОЛНЕНИЮ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

3.1 Дополнительный законодательный учет особых потребностей женщин при исполнении лишения свободы

По ходу всего исследования неоднократно акцентировалось внимание на том обстоятельстве, что нормы уголовно-исполнительного законодательства, включая и содержание ведомственных нормативных правовых актов, в качестве основных адресатов имеют осужденных мужского пола. Данное утверждение в равной степени справедливо по отношению ко всем видам уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, но наиболее явно отдельные последствия данной гендерной унификации проявляются в нормах, регламентирующих порядок исполнения наказания в виде лишения свободы. Следует отметить, что гендерная унификация, которой сопутствуют только отдельные фрагментарные изъятия, является объяснимым законодательным приемом (осужденные к лишению свободы мужчины составляют явное пенитенциарное большинство). Вместе с тем применение метода исключения в ряде случаев приводит к тому, что особые потребности женщин, которые не могут быть проигнорированы в рамках функционирования пенитенциарного учреждения, не подвергаются специальному учету.

Ранее уже приводился сопоставительный анализ норм УИК РК через призму гендерного фактора. Однако следует учитывать то обстоятельство, что режим отбывания наказания в рамках УИК регламентируется только на уровне основных аспектов, которые в последующем детализируются в нормативных правовых актах ведомственного характера. Для иллюстрации отдельных явно заметных гендерных диспропорций в ведомственных актах, касающихся функционирования учреждений УИС, остановимся на центральном документе – Правилах внутреннего распорядка учреждений уголовно-исполнительной системы [228].

В контексте данного документа, как и применительно к УИК РК, обнаруживаются три разновидности норм:

1) гендерно-нейтральные, которые не адресуются и не должны быть адресованы осужденным, исходя из их гендерной принадлежности (это преимущественно нормы-регламенты общего порядка, которые не предполагают в структуре регулируемых общественных отношений те или иные формы учета половой принадлежности);

2) гендерно-дифференцированные нормы, в рамках которых используется метод исключения из общего правила, адресованный осужденным женского пола;

3) ошибочно не дифференцированные по гендерному критерию нормы, которые могут стать причиной детерминации дискриминирующего отношения и даже приводить к отдельным формам жестокого, унижающего человеческое

достоинство обращения.

Примечательно, что опрошенные в ходе исследования сотрудники учреждений УИС достаточно массово указали, что действующее законодательство является уже достаточно гуманизированным в отношении женщин (46,21%), при этом более четверти опрошенных (25,25 %) выразили мнение, что гендерные признаки не могут быть первичным основанием гуманизации.

Закономерно, что первая группа (гендерно-нейтральных) норм составляет подавляющее большинство предписаний, включенных в Правила внутреннего распорядка учреждений УИС. Ко второй группе (гендерно-дифференцированных норм), в частности, следует отнести следующие:

1) в п. 8 ПВР содержится оговорка, согласно которой при осуществлении видеонаблюдения за осужденными в учреждениях УИС (за исключением прямо запрещенных мест), «в учреждениях и помещениях для содержания женщин операторами назначаются сотрудники женского пола» [228]. В данном случае следует признать, что соответствующая норма является логичной и обусловлена той спецификой кадрового укомплектования системы УИС РК, при которой сотрудники мужского пола явно преобладают в структуре персонала учреждений УИС (в том числе и в учреждениях, предназначенных для отбывания наказания осужденными женщинами). Очевидно, что более верной редакцией процитированного положения ПВР было бы указание на то обстоятельство, что операторами в учреждениях УИС назначаются сотрудники того же пола, что и осужденные, поскольку наблюдение сотрудницами-женщинами в отношении осужденных мужчин также может быть расценено как нарушение их права на неприкосновенность частной жизни. Однако именно с учетом фактора явного преобладания сотрудников мужского пола соответствующее положение сформулировано подобным образом;

2) в соответствии с п. 10 ПВР, «осужденные имеют опрятный внешний вид, предусматривающий короткую стрижку волосистых частей головы до полутора сантиметров (за исключением осужденных женщин), аккуратно подстриженные усы, а также сбритую бороду» [228]. Использование в данном случае метода исключения применительно к оценке внешнего вида осужденной женщины является закономерным решением, которое базируется на устоявшемся социальном консенсусе относительно восприятия внешнего облика мужчины и женщины. Если для мужчины короткая стрижка волос является общепринятой нормой, не связанной с тем или иным ущемлением личных прав (хотя стилизация внешнего мужского облика в последние годы также подверглась определенным трансформациям), то для женщины принуждение к короткой стрижке может быть расценено как разновидность жестокого обращения. При этом логично, что осужденная женщина может также отдавать предпочтение короткой стрижке, однако это должно иметь характер ее собственного волеизъявления;

3) в соответствии с п. 15 ПВР, «сотрудники учреждения обращаются к осужденным на «Вы» и называют их «гражданин осужденный», «осужденная», по фамилии или имени и отчеству (при его наличии). В учреждениях средней

безопасности для содержания несовершеннолетних сотрудники могут обращаться к осужденным также на «Ты» и называть их «воспитанник», «воспитанница», а также по имени» [228]. Подобные акценты, причем, дифференцированные как по гендерному, так и по возрастному признаку, являются весьма значимыми, поскольку формируют здоровую коммуникативную среду в структуре пенитенциарного социума. В целом, в данном случае речь идет даже не о методе исключения, а о методе перечисления всех допустимых форм обращения, однако с учетом гендерных и возрастных параметров.

Третья группа норм ПВР, которая должна вызвать нарекания с точки зрения учета гендерных потребностей женщин, также не является многочисленной. В данном случае следует дополнительно оговорку относительно того, что за основу принимаются те специфические потребности, обусловленные половой принадлежностью, игнорирование которых недопустимо. К таковым нормам, ошибочно не включающим элементы дифференциации по гендерному признаку, следует отнести следующие:

1) в соответствии с п. 18 ПВР, «предусматривается помывка осужденных по отрядам в бане, не реже одного раза в неделю. День и время помывки отрядов в бане определяется графиком, утвержденным начальником учреждения либо лицом, исполняющим его обязанности, при этом, продолжительность помывки одного осужденного составляет не менее 1 часа» [228]. Приведенное положение ПВР относится к тому сегменту пенитенциарной «рутины», которое неизбежно отражается на качестве повседневной жизни осужденных, причем, как женщин, так и мужчин. Акцент в отношении осужденных женщин в данном случае справедлив только по той причине, что биологические особенности женского организма связаны с циклическими процессами в течение репродуктивного периода (менструацией), которые не могут не подлежать учету при регламентации вопросов поддержания личной гигиены осужденных. При этом еще раз следует оговориться относительно того, что и помывка осужденных мужчин «не реже одного раза в неделю» не может обеспечить надлежащую гигиену, которая в условиях преобладания «барачного» содержания осужденных в РК имеет значение с точки зрения комфортности жизнедеятельности всех осужденных (равно как и персонала учреждения). Конечно же, нормами ПВР предусматриваются и ежедневные процедуры, связанные с поддержанием личной гигиены, однако доступ к нормальным водно-гигиеническим процедурам все-таки является чрезмерно дозированным. В частности, логично предположить, что в различные сезоны потребность в водных процедурах существенно меняется, и ограничение в доступе к нормальной помывке может существенно снизить возможности соблюдения личной гигиены осужденными;

2) согласно п. 124 ПВР, «осужденным, переведенным в одиночные камеры или водворенным в дисциплинарный изолятор, помещение временной изоляции в порядке взыскания, не допускается брать с собой имеющиеся у них продукты питания, личные вещи, кроме чая, полотенца, мыла, зубного порошка, пасты, зубной щетки, изданий периодической печати и книг» [228]. Согласно ст. 131 и ст. 132 УИК РК, дисциплинарное взыскание в виде водворения в ДИЗО и

перевода в одиночную камеру, применяется к осужденным женщинам наряду с осужденными мужчинами, за исключением случаев, когда женщины имеют при себе грудных детей в доме ребенка учреждения либо освобождены от работы по беременности и родам. Соответственно, процитированная норма ПВР явно относится к третьей группе в рамках ранее приведенной классификации норм, поскольку не учитывает те гендерные факторы, нивелирование которых способно привести не только к дискриминации, но и к разновидности жестокого обращения. Учитывая тот факт, что осужденная женщина в течение периода пребывания в ДИЗО и, особенно, нахождения в одиночной камере столкнется с необходимостью принятия дополнительных гигиенических мер в рамках циклических периодов организма (менструаций), закономерно, что в п. 124 ПВР должно быть также указано на то обстоятельство, что осужденные женщины имеют право брать с собой дополнительные средства личной гигиены;

3) согласно п. 45 ПВР, «для осужденных, содержащихся в одиночных камерах, безопасном месте, на строгих условиях отбывания наказания, осужденных к ПЛС и СКЗЛС продукты питания, в том числе чай, и предметы первой необходимости приобретаются по их заявкам сотрудниками учреждения соответствующей службы. Купленный товар вручается осужденному под роспись на основании заявки по форме согласно приложению 9 к настоящим Правилам» [228].

Прочитированное предписание также явно относится к нормам, в рамках которых недопустимым образом нивелируется значимый фактор, обусловленный половой принадлежностью осужденной. В частности, в совокупности с ранее процитированным правилом 124 данное правило предполагает, что, во-первых, осужденная женщина не имеет возможности при применении к ней дисциплинарного взыскания, связанного с дополнительной изоляцией внутри учреждения (ДИЗО, одиночная камера), взять с собой соответствующие средства личной гигиены; во-вторых, данную потребность возможно реализовать только в атрибутивной форме (обращение к сотруднику с учреждения с перечнем предметов первой необходимости), что может сопровождаться как негативными психологическими переживаниями самой осужденной, так и фактором различной степени дискреционного поведения со стороны сотрудника учреждения.

Даже если соответствующую обязанность выполняет сотрудница женского пола (что прямо рекомендуется международными стандартами обращения с заключенными), не следует исключать того обстоятельства, что женский персонал учреждений также обладает различными параметрами психологической характеристики, которые не всегда могут исключить те или иные формы внешней проявления мизогинии (частота которых в структуре женских взаимодействий не является редкостью).

Несмотря на то, что ни в ст. 11 УИК РК, ни в анализируемых нормах ПВР не содержится упоминание относительно обязанности осужденных соблюдать нормы гигиены и санитарии (в отличие, например, от ч. 1 ст. 11 УИК РФ), предполагается, что соответствующее требование непосредственно связано с

необходимостью соблюдения норм общежития и воспринимается большинством представителей пенитенциарного социума как необходимое. При этом, исходя из положений УИК РК (ч. 1 ст. 115), «норма жилой площади в расчете на одного осужденного в учреждениях не может быть менее двух с половиной квадратных метров, в учреждениях, предназначенных для содержания женщин, - трех квадратных метров, несовершеннолетних - трех с половиной квадратных метров» [11]. Несмотря на то, что законодатель использует конструкцию «не менее», следует признать, что соответствующие нормы являются мизерными и едва ли соответствуют минимальным представлениям о комфортном существовании.

Как указывается в дополнительном руководстве МККК, «В отсутствие универсальных стандартов многими странами были разработаны национальные стандарты, которые, однако, существенно отличаются друг от друга. Например, принятые в Европе стандарты варьируют в пределах от 4 м² в Албании до 12 м² на заключенного в Швейцарии. В некоторых странах предписывается выделение площадей большего размера лицам, содержащимся под стражей до суда, в других оговаривается площадь большего размера для женщин (например, в Исландии, Польше и Словении), в иных же предусмотрены различия в условиях содержания взрослых и несовершеннолетних заключенных (например, в Венгрии и Латвии)» [229, с. 31].

Казахстан относится к числу стран, в которых на законодательном уровне варьируется норма жилой площади на одного осужденного (осужденную) исходя из гендерных и возрастных критериев. Однако данные нормы существенно уступают тем национальным стандартам, которые к настоящему времени фиксируются на уровне национальных юрисдикций даже в странах, пенитенциарные практики которых традиционно не расцениваются в качестве успешных (Южная Америка, Африка и др.). В данном случае, конечно же, следует учитывать то обстоятельство, что «барачное» содержание, преобладающее в учреждениях УИС Казахстана, является наследием советской лагерной системы, что уже давно расценивается как пережиток, подлежащий поэтапному устранению. В данном случае справедливо указать, что отдельное помещение площадью 2,5 квадратных метра с учетом размещения на данной площади минимально необходимых предметов (кровать, тумба, санузел и др.) достаточно сложно сконструировать в техническом отношении, а в суммированном варианте распределение жилой площади на осужденных, содержащихся в барачных условиях, в целом не исключает условное выделение соответствующего пространства.

Примечательно, что в Комментариях к ЕПП содержится ссылка на резолюцию ЕКПП, который указал, что «абсолютно минимальная потребность в жилой площади составляет 4 квадратных метра на человека в помещениях на нескольких заключенных и 6 квадратных метров на человека в одиночной камере» [230]. При этом также отмечалось, что минимальная площадь должна оцениваться в сторону увеличения в случаях, когда заключенному приходится значительное время проводить в соответствующем помещении, исходя из чего

желательная площадь, к примеру, одиночной камеры должна составлять от 9 до 10 квадратных метров.

Данные параметры оценки условий отбывания наказания осужденными к лишению свободы нередко не получают должной оценки или даже игнорируются, а установленный законодателем минимум практически снимает вопрос относительно того, что имеют место соответствующие нарушения прав осужденных. Вместе с тем исследователи совершенно справедливо связывают вопросы доступного жилого пространства с реализацией принципа гуманизма в структуре уголовно-исполнительных отношений. Аналогично указывается и на то обстоятельство, что имеющиеся ограничения в вопросах доступности необходимых гигиенических и санитарных процедур также относится к факторам, граничащим с ненадлежащим и даже жестоким обращением с осужденными [231, с. 20]. При этом следует также упомянуть, что в научных публикациях достаточно часто отмечается явное устаревание перечня предметов, которые разрешается иметь при себе осужденным, особенно в той части, которая касается вопросов личной гигиены и другого ухода за собой.

Так, Е.В. Губенкова в своем диссертационном исследовании обосновывает тезис о том, что минимальная норма жилой площади на одного осужденного мужского пола должна составлять не менее 6 квадратных метров, а на осужденную женщину – не менее 7 квадратных метров (для несовершеннолетних осужденных – 7,5 квадратных метров). При этом автор устанавливает корреспондирующий характер обязанности осужденного соблюдать требования гигиены и санитарии с обязанностью администрации учреждения создать условия для выполнения соответствующей обязанности [232, с. 12]. В свою очередь В.В. Бочкарев относит вопросы соблюдения личной гигиены осужденными (наряду с другими требованиями режима отбывания наказания) к средствам дисциплинирующего воздействия на осужденных [233, с. 9]. В целом непротиворечивая позиция, однако следует учитывать, что дисциплинирующее воздействие может иметь место только в том случае, когда у осужденных имеется реальная возможность к тому, чтобы соблюдать соответствующие правила гигиены и санитарии.

Следует отметить, что в настоящее время вопросы уголовно-исполнительной политики находятся в одном из наиболее заметных сегментов сближения различных национальных практик за счет максимального их соразмерения с международными стандартами. Это вполне объяснимо с той точки зрения, что пенитенциарные отношения являются сферой, которая максимально коррелирует с вопросами соблюдения прав и свобод человека в рамках такого современного международного универсума, как человекоцентризм. В частности, О.В. Третьякова, исследуя в своей докторской диссертации вопросы юридической конвергенции, особо выделяет именно сферу уголовно-исполнительных отношений и отмечает существенные сложности в том, чтобы формальная конвергенция правовых предписаний трансформировалась в реальные изменения в практической деятельности УИС [234, с. 14].

При этом следует учитывать, что и сами международные стандарты со временем претерпевают изменения, что при отсутствии регулярного соразмерения национального законодательства и практики способно приводить к отставанию, которое непосредственно отражается на качестве исполнения наказания в виде лишения свободы. Вопросы гигиены и санитарии в настоящее время должны восприниматься в качестве имманентного элемента жизни современного человека, независимо от факта пребывания в условиях физической изоляции по приговору суда.

Возвращаясь к вопросу игнорирования значимого гендерного фактора, обусловленного непосредственно физиологической спецификой женского организма, следует признать, что отсутствие учета фактора циклических изменений в организме женщины репродуктивного возраста (и отчасти пост-репродуктивного периода) следует отнести к существенным пробелам в регулировании вопроса. Данное исследование не предполагает включения в теоретические дискуссии и наблюдения медицинского характера, однако в подавляющем большинстве рекомендаций относительно особенностей гигиенического ухода в течение периода менструальных кровотечений указывается на нежелательность использования процедур с высокими термическими показателями (ванна, баня, сауна и т.п.). Несмотря на то, что реакция организма может быть индивидуальной и далеко не всегда приводит к вредным последствиям, подобные процедуры все-таки признаются нежелательными.

Таким образом, ситуация, исходя из ранее процитированного п. 18 ПВР, складывается таким образом, что осужденная женщина в соответствующей фазе жизнедеятельности организма может не воспользоваться значимой с точки зрения личной гигиены возможностью. Помимо возможного нежелательного воздействия на организм фактора высоких температур, в данном случае также следует учитывать и неизбежный дискомфорт, связанный с пребыванием в обществе других осужденных, исключая возможность осуществления соответствующих гигиенических процедур в условиях необходимой приватности. Здесь в качестве иллюстрации можно привести положение п. 459 ПВР РФ, согласно которому «осужденным к лишению свободы беременным женщинам и женщинам, имеющим при себе детей, обеспечивается возможность ежедневной помывки. Смена постельных принадлежностей (простыни, наволочка, полотенца) осуществляется еженедельно после помывки» [235]. В данном случае следует отметить, что российский законодатель вообще пошел по пути выделения самостоятельного раздела относительно условий отбывания наказания в виде лишения свободы беременными женщинами и женщинами, имеющими при себе детей. Несмотря на незначительное количество соответствующих адресных предписаний, они все-таки позволяют установить отдельные необходимые акценты. В частности, в казахстанском варианте ПВР аналог подобного значимого правила отсутствует.

Как указывает в своем исследовании Л.Ф. Пертли, «социальное назначение материально-бытового обеспечения осужденных в учреждениях УИС

заключается, прежде всего, в сохранении жизни, здоровья, человеческого достоинства и обеспечении нормального существования осужденных в местах лишения свободы; обеспечении оптимального функционирования исправительных учреждений; создании материальных условий как основы для исправления осужденных, их ресоциализации, а также является самостоятельным средством исправления» [236, с. 7]. При этом, к примеру, в медицинских исследованиях констатируется, что «состояние здоровья несовершеннолетних осужденных женского пола имеет худшие показатели (уровень и структура заболеваемости) в сравнении со сверстницами, находящимися на свободе, и требует коррекции в плане как лечебно-профилактической помощи, так и условий содержания в воспитательных колониях» [237, с. 6]. На основе проведенного социологического исследования подчеркивается, что «повседневные элементы материально-бытового обеспечения почти у 2/3 респондентов влияют на их эмоциональное состояние. Наибольшее влияние на психологическое состояние оказывают жилищные условия, вопросы личной гигиены, обеспечение одеждой» [238, с. 8]. Аналогично в исследованиях, касающихся состояния здоровья осужденных женщин взрослого возраста в местах лишения свободы, также отмечается, что заболеваемость среди женщин в 1,5 раза превышает заболеваемость среди осужденных мужчин, причем преимущественно по причине тех заболеваний, которые характерны именно для женщин. Как средство преодоления данных негативных факторов отмечается необходимость обеспечения доступа к консультационной и иной помощи таких врачей-специалистов, как гинеколог, онколог, эндокринолог, а также проведение санитарно-просветительской работы [238, с. 23].

Как указывает главный научный сотрудник НИИ ФСИН России доктор юридических наук Б.А. Спасенников, в рамках межотраслевых исследований в области уголовно-исполнительного права и иных наук (в частности, медицине) следует выделять такую значимую для пенитенциарного социума проблему, как пенитенциарная гигиена, которую автор подразделяет на два самостоятельных, но взаимосвязанных сегмента – пенитенциарную гигиену осужденных и пенитенциарную гигиену персонала учреждения. Применительно к осужденным Б.А. Спасенников классифицирует пенитенциарную гигиену на несколько разновидностей, среди которых гигиена питания, гигиена труда, больничная гигиена, личная гигиена и др. В частности, применительно к личной пенитенциарной гигиене осужденных автор указывает, что «в нее входят вопросы гигиенического содержания тела (кожи, зубов), обуви и одежды, мест лишения свободы, правил питания и физической культуры).

Достижения пенитенциарной гигиены не достигнут своей цели, не смогут сохранить здоровье осужденного, который будет пренебрегать основами личной пенитенциарной гигиены. Ненадлежащее отношение осужденного к личной пенитенциарной гигиене ухудшает его здоровье» [239]. То есть и в данном случае акцент преимущественно ставится на том, что личная гигиена в период пребывания в физической изоляции является обязанностью самого осужденного

(осужденной), которая, в отличие от соответствующего аспекта жизнедеятельности человека в условиях свободы, расценивается как значимый фактор жизнедеятельности пенитенциарного социума. Однако, как уже было отмечено ранее, возможность реализовывать ту или иную обязанность напрямую связана с созданием необходимых коммунально-бытовых (доступ к душевым кабинам, умывальникам, санузлам, стиральным машинкам и т.д.) и организационных (учет в структуре ПВР) условий.

Несмотря на то, что проблема личной гигиены может действительно концентрироваться в структуре личности осужденного любого пола и зависеть от сложившегося в период до осуждения отношения к соответствующим правилам и нормам, применительно к женщинам необходимо особым образом учитывать факторы, обусловленные спецификой жизнедеятельности женского организма. Многими исследователями специально подчеркивается самостоятельное значение медико-физиологического и гигиенического учета особенностей женского организма в пенитенциарном периоде. Как указывает по данному поводу И.В. Ветрова, «требуется определённой регламентации и корректировки обеспечения осуждённым женщинам необходимых санитарно-гигиенических условий. Исправительная колония для женщин должна представлять собой учреждение, отражающее отношение общества и государства к женщине, соответствовать уровню развития общества. Этого требуют и международные нормы обращения с осужденными» [240, с. 26]. В данном случае автор имеет в виду, во-первых, то обстоятельство, что факт осуждения за преступление не должен идти вразрез с общепринятым отношением к женщине и ее особым потребностям; во-вторых, что доступ к возможности соблюдения личной гигиены должен отвечать современному уровню развития общества, для которого уже давно вопросы личной гигиены не сопряжены с теми или иными существенными затруднениями (за исключением отдельных регионов мира, где имеется критически низкий уровень жизни, дефицит водных ресурсов и т.д.).

Что касается международных стандартов, соразмерение с которыми, как правило, настоятельно рекомендуется, то анализ соответствующих документов свидетельствует о том, что они содержат достаточную основу к тому, чтобы соответствующие правила реализовывались на надлежащем уровне в рамках национальных юрисдикций. В частности, в Минимальных стандартных правилах ООН в отношении обращения с заключенными 2015 г. (Правилами Нельсона Манделы) обозначаются только общие рекомендации, которые не имеют гендерно-ориентированных предписаний, а, напротив, отдельные из них в большей степени адресованы именно осужденным мужчинам. В частности, согласно Правилу 18 Минимальных стандартных правил ООН, «от заключенных нужно требовать, чтобы они содержали себя в чистоте. Для этого их нужно снабжать водой и туалетными принадлежностями, необходимыми для поддержания чистоты и здоровья ... Для того чтобы заключенные могли сохранять внешний вид, совместимый с их человеческим достоинством, им нужно давать возможность заботиться о своей причёске и бороде, позволяя мужчинам регулярно бриться» [82].

Одновременно, согласно Правилу 42, «общие условия содержания, рассматриваемые в настоящих правилах, в том числе условия, связанные с освещением, вентиляцией, температурой, санитарией, питанием, обеспечением питьевой водой, доступом к прогулкам во дворе и занятиям физическими упражнениями, личной гигиеной, охраной здоровья и выделением необходимого личного пространства, должны распространяться на всех заключенных без каких-либо исключений» [82]. Последнее процитированное правило Минимальных стандартных правил ООН располагается в структуре раздела, касающегося применения мер дисциплинарного воздействия, и преимущественно ориентировано на постановку акцента относительно того, что дисциплинарное воздействие не должно быть сопряжено с лишением осужденного минимально гарантированных прав, необходимых для поддержания себя в чистоте и опрятности, сохранения физического и ментального здоровья.

Что касается процитированного Правила 18, то следует обратить внимание на значимое обстоятельство. Так, указание на необходимость требования к осужденным в отношении того, что они должны содержать себя в чистоте, сопряжено с указанием на необходимость способствования со стороны администрации учреждения (хотя, как уже было указано, предписание имеет чрезмерно контекстный характер).

В гораздо более гендерно-ориентированной форме разработаны соответствующие рекомендации в Правилах ООН, касающихся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокских правилах), 2010 года. Так, согласно Правилу 5, «в помещениях, в которых размещаются женщины-заключенные, имеются средства и принадлежности, необходимые для удовлетворения специфических гигиенических потребностей женщин, включая бесплатно предоставляемые гигиенические салфетки и регулярное снабжение водой для целей личной гигиены детей и женщин, особенно женщин, занимающихся приготовлением пищи, беременных женщин, кормящих матерей и женщин во время месячных» [68]. В свою очередь, согласно Правилу 13, «сотрудники тюрьмы информируются о периодах, когда женщины могут испытывать особый стресс, с тем чтобы они чутко относились к положению последних и обеспечивали оказание женщинам необходимой поддержки» [68].

Таким образом, следует обозначить следующие значимые аспекты. Во-первых, и УИК РК последней редакции, и анализируемые нормы ПВР были сформулированы после того, как были разработаны и приняты процитированные Бангкокские правила 2010 года, что не привело к учету соответствующих положений в нормах национального законодательства. При этом отсутствует не только специальное упоминание относительно периода менструации женщин, но также и относительно особых личных (санитарно-гигиенических) потребностей беременных и женщин с детьми. Применительно к менструации и особым потребностям осужденной женщины в данном периоде следует признать, что соответствующий вопрос до настоящего времени необоснованно замалчивается.

либо упоминается в завуалированной форме как «особые потребности». Вместе с тем, как было указано в рамках криминологического анализа специфики женской преступности, учет фактора менструации и сопровождающих ее гормональных изменений женского организма в настоящее время уже начинает оцениваться как далеко не нейтральное, а вполне криминологически значимое обстоятельство.

В условиях пребывания в физической изоляции данный фактор особенным образом усугубляется. Во-первых, все нормы УИК РК и ПВР сконструированы таким образом, что они не устанавливают необходимых акцентов на соответствующем состоянии женщины. Учитывая тот факт, что вся уголовно-исполнительная деятельность базируется на четких регламентах, закономерно предположить, что персонал может не соразмерять свою деятельность с соответствующими периодическими состояниями женского организма, по причине чего осужденная женщина будет вынуждена сама обращать внимание на данное обстоятельство. Здесь следует учитывать, что периоды менструаций у женщин сопряжены с объективными сложностями и в условиях пребывания на свободе по причине нередко выраженных болевых синдромов, эмоциональной лабильности и необходимости дополнительных гигиенических процедур, которые также не всегда могут быть соответствующими (например, исходя из специфики трудовой деятельности). Вместе с тем в условиях физической изоляции в пенитенциарном учреждении данный фактор фактически порождает дополнительные побочные эффекты негативного порядка, связанные с необоснованным физическим и психическим дискомфортом, что не может соответствовать современному пониманию целей уголовного наказания в виде лишения свободы.

Во-вторых, следует особо обратить внимание на то обстоятельство, что в приведенном Правиле 5 Бангкокских правил 2010 года прямо указывается на то обстоятельство, что соответствующие средства гигиены должны располагаться в помещениях, где содержатся осужденные женщины, и предоставляться им на бесплатной основе. То же самое указывается и в отношении доступа к воде для возможности совершения необходимых гигиенических процедур. Ранее приводилось правило 45 ПВР, которое было отнесено к одной из наиболее проблемных норм ПВР, поскольку оно необоснованно нивелирует гендерный фактор и способно привести к ущемлению прав осужденных женщин, касающихся их личного физического и психологического благополучия. В данном случае особое значение приобретает не то, что женщина получает необходимые для нее средства гигиены и условия для совершения гигиенических процедур (в принципе и ПВР не исключают данной возможности), а то обстоятельство, что получение соответствующих необходимых предметов и условий не должно сопровождаться каким-либо дискомфортом, что может иметь место в случаях необходимости обращения с соответствующей просьбой к сотрудникам учреждения УИС.

Соответственно, все процитированные нормы выработанных международных стандартов свидетельствуют о том, что анализируемый вопрос

следует отнести к необходимой структуре пенитенциарного учреждения для отбывания наказания осужденными женщинами, который должен быть обеспечен к настоящему времени. Во-первых, это не требует существенных затрат, поскольку не предполагает внесение каких-либо сложных технических изменений в структуру помещений учреждения. Во-вторых, это будет значимым фактором приближения к международным стандартам, которые акцентируют внимание не только на доступе к тем или иным минимально необходимым средствам, но и на атрибутивных аспектах данного доступа (отсутствие любой возможности унижения человеческого достоинства, особенно в вопросах, связанных с естественными потребностями женского организма).

Здесь следует также обратить внимание и на рекомендацию относительно того, чтобы сотрудники учреждения были информированы о соответствующих «особых потребностях» осужденных женщин и адекватным образом соразмеряли свое взаимодействие с ними. В данном разрезе актуализируется вопрос относительно специфики укомплектования кадров учреждений УИС, предназначенных для отбывания наказания осужденными женщинами, который будет рассмотрен в рамках самостоятельного теоретического блока в рамках данной работы. Как справедливо указывает В.И. Хижняк, «ограничения прав лиц, лишенных свободы, предусмотренные международными пенитенциарными документами, характеризуются тем, что устанавливаются в самой общей форме, без конкретного содержания, и имеют следующие особенности: 1) направлены к сведению к минимуму различий условий между жизнью в тюрьме и жизнью на свободе; 2) объем ограничений определяется теми из них, необходимость в которых явно обусловлена фактом заключения в исправительное учреждение; 3) выводятся из общедозволительного принципа правового регулирования» [241, с. 7]. Вместе с тем следует отметить, что исследование данного автора было осуществлено в период, когда отдельные международные стандарты в отношении осужденных женщин не были выработаны. Как следует из процитированных предписаний Бангкокских правил, они содержат в себе уже не рекомендации «в самой общей форме», а вполне конкретные предписания, которые, очевидно, понадобились именно по той причине, что гендерно-нейтральные нормы общих стандартов обращения с осужденными приводили к ущемлению прав пенитенциарных меньшинств, к которым относятся осужденные женщины.

Фактор материнства и детства в условиях пенитенциарного учреждения относится к одному из наиболее изучаемых в теории уголовно-исполнительного права в вопросах исследования особенностей исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин. При этом в большинстве исследований отмечаются некоторые специфические особенности отношения женщины к фактору беременности, начиная со стадии первичного принятия мер процессуального принуждения и заканчивая осуждением к лишению свободы и пребыванием в условиях физической изоляции. В частности, нередко отмечаются выраженные «спекулятивные» тактики использования беременности как основания для применения тех или иных мер процессуального или уголовно-

исполнительного воздействия. Очевидно, именно по этой причине процент случаев добровольного прерывания беременности на этапе досудебного расследования и в период отбывания любого вида уголовного наказания находится на крайне низких показателях, если сравнивать с количеством аналогичных решений женщин, не привлеченных к уголовной ответственности.

В целом, данное обстоятельство определенным образом дает основание к тому, чтобы предполагать соответствующие «спекулятивные» методики со стороны женщин, совершивших преступление и привлеченных к уголовной ответственности.

Однако в данном случае не следует также и исключать позитивной мотивации, в рамках которой женщина расценивает материнство в качестве реального шанса не только получить послабления в уголовной репрессии (что может расцениваться негативно в рамках моральной оценки, но не запрещено законодательством), но и изменить свою дальнейшую жизнь. Следует учитывать, что жизненные ситуации конкретных женщин, совершивших преступление и осужденных к лишению свободы, могут существенным образом отличаться: для одной женщины беременность может быть очередной, а для другой – первой и случившейся в достаточно зрелом возрасте. Кроме того, следует воздерживаться от стигматизирующих оценок, поскольку в современном обществе отсутствует какой-либо запрет на реализацию репродуктивных планов и функций, независимо от социального положения, состояния здоровья, материальной обеспеченности, конкретной жизненной ситуации и т.д. Соответственно, женщина, привлеченная к уголовной ответственности, равно как и осужденная женщина, имеют право на материнство в той же степени, что и любая другая женщина.

При этом следует признать справедливым мнение Е.А. Курдюковой, которая в своем недавнем диссертационном исследовании отмечает, что «для искоренения элементов приспособленчества, вседозволенности, безответственности, иллюзий неограниченной свободы и отсутствия общественного порицания за совершенное преступление необходимо осуществление постоянного, комплексного государственного и общественного контроля не только за соблюдением, прав, свобод и законных интересов беременных осужденных женщин, женщин, имеющих при себе малолетних детей, но и за исполнением ими своих морально-нравственных и юридических обязанностей» [205, с. 10].

В данном достаточно категоричном и эмоциональном утверждении, тем не менее, отсутствуют какие-либо дискриминационные начала, поскольку автор фактически производит значимый акцент на том обстоятельстве, что наличие преференций, льгот, послаблений в режиме отбывания наказания для беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей, ориентирован не на потакание их «спекулятивным» мотивациям, на которым также ранее было уже указано, а на обеспечение защиты института материнства и детства в том его виде, который соответствует общепринятому нравственному восприятию. Подобная формулировка не случайна, поскольку она отражает как мнение

сотрудников соответствующих учреждений, базирующееся на личном опыте восприятия конкретных жизненных ситуаций осужденных женщин, так и на чисто теоретическом анализе, свидетельствующем о том, что значительный комплекс законодательных «уступок» может детерминировать приспособленческую позицию у осужденных женщин, спекулирующих фактором беременности и наличия ребенка.

Дом ребенка при учреждении УИС является общепризнанной международной практикой, которая реализуется с различной степенью дозволительных механизмов в различных национальных юрисдикциях. Как уже ранее было отмечено, в настоящее время фактический срок пребывания ребенка с осужденной матерью в РК связывается с достижением им 4-летнего возраста (при общем сроке в 3 года закономерно предполагать, что в подавляющем большинстве случаев данный срок будет продлеваться до 4 лет). Несмотря на особые условия воспитания ребенка в подобных ситуациях, исследователи совершенно справедливо отмечают, что дома ребенка при учреждениях УИС существенным образом отличаются от учреждений, в которых содержатся дети, оставшиеся без попечения родителей. В частности, отмечается, что задачами персонала учреждения в контексте функционирования домов ребенка является «не только сохранение здоровья детей, но и поддержание психологической связи между ребенком и матерью, воспитание у осужденных женщин чувства материнства, а также обеспечение раннего постпенитенциарного сопровождения женщины и ребенка» [63, с. 142].

Большинство исследователей указывают, что в местах лишения свободы, как правило, содержатся максимально социально запущенные и дезадаптированные женщины (хотя из криминологического анализа женской преступности, проведенного в рамках данного исследования, данный вывод не следует автоматически). Очевидно, в данном случае принимается за основу тот факт, что сами детерминанты криминальной активности женщин, как правило, связаны с существенным уровнем личного неблагополучия (хотя и это обстоятельство нельзя признать универсальным для всех случаев). Состояние материнства, которое традиционно оценивается в качестве естественного, нормального состояния женщины, далеко не всегда сопровождается абсолютным и осознанным отношением.

В рамках одной из задач уголовно-исполнительной системы в настоящее время уже традиционным стало указание на реабилитацию осужденных. А.Б. Скаков, оценивая значение реабилитационных механизмов в рамках института пробации (в том числе в ее пенитенциарной форме), указывает, что реабилитационные механизмы необходимы для того, чтобы максимально приблизить казахстанскую УИС к международным стандартам [242, с. 50]. При этом следует также отметить, что для функционирования реальных реабилитирующих механизмов вовсе нет необходимости в том, чтобы они связывались непосредственно с понятием «реабилитация». Сам факт того, что соответствующие инструменты используются в организационно-правовом механизме функционирования УИС, равно как и планируются к использованию

в ближайшем будущем), свидетельствует о том, что задача реабилитации расценивается как сопутствующая всему процессу исполнения уголовного наказания, в особенности лишения свободы как включающего наиболее выраженные карательно-репрессивные механизмы.

При этом следует учитывать, что по своему семантическому значению термин «реабилитация» означает процесс восстановления тех или иных навыков, умений, способностей, состояний, которые присутствовали у осужденного, но по той или иной причине (преимущественно связанной с фактом осуждения к лишению свободы) были утрачены. Вместе с тем, учитывая специфические характеристики значительной части осужденных, в том числе и женского пола, следует признать, что в отдельных случаях соответствующие навыки вообще могли отсутствовать в силу того, что не были сформированы до момента осуждения к лишению свободы. Это в полной мере применимо ко многим социальным компетенциям взрослого человека – способности к труду, образованию самообразованию, принятию личных решений по поводу своей жизни и т.д. Применительно к несовершеннолетним социальная компетентность может оказаться особенно ущербной, если до момента осуждения к лишению свободы он воспитывался в неблагополучной семье, где ему не были привиты элементарные навыки социальной коммуникации, нормального удовлетворения своих потребностей, обслуживания себя в быту и т.д.

«Навыки материнства» также относятся к значимым социальным компетенциям женщины, однако они, как правило, необоснованно презюмируются, что часто не отражает реальной ситуации. Причем в данном случае речь идет не только о случаях материнства в несовершеннолетнем или молодом возрасте, но и о случаях, когда даже неоднократное фактическое материнство не привело к реальному осознанию специфики материнских функций. Человеческий социум отличается от иных биологических сообществ тем, что воспитание подрастающего поколения связано не только с заботой о его физическом благополучии и безопасности (хотя и среди иных живых существ нередко можно встретить те или иные тактики воспитания и подготовки к взрослой жизни), но и с установлением духовного родства, тесной эмоциональной связи, которая, как правило, в благополучных ситуациях продолжается в течение всей жизни. Как указывают исследователи, материнство – это особый биопсихосоциальный феномен, который связан с существенным социокультурным аспектом, в рамках которого мать является ключевым элементом в формировании у ребенка как первичных, так и более сложных навыков функционирования в социуме [243].

При этом «навыки материнства» могут не сформироваться у взрослой и уже имеющей детей женщины по самым разным причинам и проявляться по-разному. Как наиболее критическая форма – это совершение посягательств против собственных детей, что изначально предполагает существенное снижение так называемого «материнского инстинкта». Однако возможны и другие, пограничные, неявные формы – от низкой эмоциональности до полного пренебрежения интересами ребенка, стремления переложить обязанности по его

воспитанию на других лиц. При этом соответствующая ситуация может сложиться и без вины самой женщины, базироваться на тех или иных психологических проблемах (в том числе возникших по причине воспитания в неблагополучной семье), наличии фактора семейно-бытового насилия, при котором все усилия женщины сконцентрированы на физическом самосохранении себя и своих детей и т.п.

Соответственно, в ряде случаев пенитенциарный период может не только обеспечить осужденной женщине реализацию своего права на материнство, но и способствовать концентрации материнского участия на первоначальных этапах жизни ребенка в условиях учреждения УИС. В данном случае имеет место своего рода социальный парадокс: при создании благоприятных условий осужденная женщина в условиях физической несвободы может реализовать функцию материнства даже в более успешном варианте, нежели находясь в обычной жизненной ситуации. И этому может способствовать целый ряд факторов. Во-первых, в рамках такого социального явления, которое исследователи именуют «исторический кризис детства» [244, с. 10], воспитание ребенка даже в рамках свободного социума сопряжено со значительными сложностями, когда снижается функция трансляции культурного и иного опыта от поколения к поколению. В условиях же пенитенциарного учреждения, когда взаимодействие матери и ребенка может быть более концентрированным (даже с учетом тех или иных временных ограничений) имеются все возможности к тому, чтобы женщина не только удовлетворяла те или иные физические потребности ребенка, но реально устанавливала с ним полноценный эмоциональный контакт (особенно, если в этом вопросе будет оказываться помощь персонала учреждения).

Во-вторых, для значительной части женщин материнство в условиях пенитенциарного учреждения может оказаться даже более безопасным, учитывая возможный негативный опыт семейно-бытового насилия. В этом случае возможно благополучное совмещение собственной абилитации материнских навыков с элементами материнской абилитации ребенка, которую многие исследователи расценивают как важнейший элемент здорового психологического развития детей [245, с. 90]. Таким образом, материнство имеет существенный дисциплинирующий потенциал воздействия на осужденных женщин, поскольку формируется система «мать-ребенок», в которой женщина несет ответственность уже не только за себя, но и за ребенка [246, с. 20]. Однако все это возможно только при условии, что в учреждении процесс общения матери и ребенка будет обеспечен надлежащим образом, а женщине будет оказана помощь. Таким образом, вопросы материнства и детства в условиях пенитенциарного учреждения следует оценивать не только в рамках стандартной гуманистической концепции, но и в рамках особого механизма оценки поведения осужденной.

В структуре рассматриваемого аспекта следует отметить, что вопросы материнства и детства в условиях пенитенциарного социума достаточно часто подвергаются исследованиям в рамках психологической науки. В частности, многие исследователи отмечают, что материнство, несмотря на дополнительную

социальную нагрузку на женщину, тем не менее, для большинства из них является значимым психологическим ресурсом, который стимулирует на собственное развитие, способствует более успешному преодолению жизненных трудностей [247; 248]. При этом совершенно справедливо также отмечается и то обстоятельство, что в структуре ментальности осужденной женщины, как правило, формируется достаточно сложный симбиоз эмоций, представлений и ощущений, поскольку материнство в условиях несвободы обладает существенными социальными противоречиями [249, с. 144]. В теории уголовно-исполнительного права, в частности, обосновывалась позиция относительно того, чтобы беременные осужденные и осужденные, имеющие детей в доме ребенка учреждения УИС, объединялись в рамках одного отряда, поскольку для них характерна общность интересов и проблемных вопросов [250, с. 91]. В целом, подобные предложения не лишены рационального элемента, поскольку пенитенциарный социум (независимо от половой принадлежности осужденных) нередко демонстрирует враждебность, что особенно может проявиться по отношению к беременным и женщинам с детьми по причине их более привилегированного положения с точки зрения условий отбывания наказания.

Конечно же, большинство подобных психологических проекций нередко упрощает специфику системы взаимоотношений «мать-ребенок» в условиях пенитенциарного социума, поскольку преимущественно подводит универсализированные оценки (общее) под специфический фактор пребывания в условиях изоляции (особенное), что далеко не всегда отражает конкретную ситуацию отдельно взятой осужденной женщины (единичное). Как уже отмечалось, отдельными осужденными женщинами фактор материнства нередко используется как инструмент манипуляции с целью обеспечения более комфортных условий пребывания в учреждении. Вместе с тем совершенно справедливо указание, что «сохранная адекватная система представлений о материнстве могла бы выступить основой для гармонизации системы ценностей женщины, совершившей преступления, источником ресурсов для ее исправления, для возвращения к нормативной модели поведения, лечь в основу программ психокоррекционной поддержки и реадaptации» [251, с. 91]. При этом, как уже было отмечено, «навык материнства» не может презюмироваться как имманентно встроенный в структуру личности женщины (в широком его понимании, а не только в биологическом аспекте), поскольку он может не сформироваться даже при наличии фактора состоявшегося материнства.

В обозначенном ракурсе обращает на себя внимание то обстоятельство, что в действующем приказе МВД РК от 13 августа 2014 года № 508 [252] отсутствует специальное упоминание о женщинах, находящихся в состоянии беременности, а также имеющих при себе детей в учреждении УИС, как об обособленной группе для организации адресного воспитательного воздействия. При этом согласно пп. 6 п. 8 данного приказа, «психологическое воспитание направлено на исследование закономерностей психической деятельности человека, отбывающего наказание, разрушение его преступного стереотипа, изучение личности осужденного, основных факторов, влияющих на него в процессе

перевоспитания» [252]. Очевидно, что женщина, реализующая материнские функции в условиях пенитенциарного учреждения, требует более пристального внимания с точки зрения психологического сопровождения. В данном случае следует особо учитывать то обстоятельство, что психологическое благополучие женщины необходимо не только для нее, но и для ребенка.

Несмотря на то что ребенок в возрасте до 4-х лет может не испытывать каких-либо дополнительных сложностей, связанных с пребыванием в доме ребенка учреждения (как минимум, по причине отсутствия другого социального опыта и иных коммуникаций), те или иные напряженные состояния матери могут оказывать на него кумулятивное негативное воздействие, что неизбежно отразится на его воспитании и формировании личности. Фактически приведенный приказ МВД РК № 508 является логическим продолжением иных нормативных правовых актов, которые, начиная с самого УИК РК, существенным образом нивелируют целый ряд значимых факторов, имеющих под собой гендерную основу.

По ходу всего исследования постоянно акцентируется положение, согласно которому исключительно половая принадлежность женщины не может автоматически расцениваться как основание автоматического применения тех или иных элементов гуманизма. При этом половая принадлежность осужденной женщины расценивается как фактор, подлежащий учету. В частности, это ранее проанализированные случаи необходимости обеспечения отдельных «особых потребностей» осужденных женщин, связанных с циклическими процессами в организме (менструациями). Именно в отношении осужденных женского пола имеются оговорки, что личные обыски, осмотры, видеонаблюдение в отношении данных лиц осуществляются исключительно лицами женского пола (в данном случае, как уже было указано, необходимость в специальном предписании имеет место по причине того, что осужденные женщины составляют пенитенциарное меньшинство, равно как в структуре персонала учреждений УИС также существенно преобладают сотрудники мужского пола). Однако в указанных случаях речь идет преимущественно об учете половой специфики (в частности, повышенной уязвимости женщины в случае необходимости ее обнажения, обследования полостей тела и т.п.). Что же касается беременных осужденных и осужденных, имеющих при себе ребенка в доме ребенка учреждения, то в отношении них есть все основания вести речь об особом правовом статусе в общей массе осужденных женского пола [253, с. 15]. В данных случаях соответствующий правовой статус хоть и является временным, тем не менее, наличие вполне определенных законодательством прав и законных интересов свидетельствуют о его достаточно выраженной спецификации. Причем, как уже неоднократно отмечалось в данной работе, основанием для обособления данного статуса является сочетание гуманного отношения как к самой женщине, так и к ее будущему ребенку.

В этом смысле закономерной выглядит постановка вопроса относительно того, что «женский» фактор, в особенности фактор материнства, должен расцениваться как самостоятельное обстоятельство для осуществления

специфических форм профилактического учета в период исполнения наказания в виде лишения свободы. Следует отметить, что вопросы профилактического учета осужденных к лишению свободы к настоящему времени не включены в общие нормативные правила, касающиеся ведения учета в отношении осужденных, а фиксируются на уровне ведомственного документа с ограниченным грифом использования, что не позволяет в рамках данного исследования осуществить соответствующую ссылку (хотя сам по себе вопрос отнесения данного аспекта к регулированию на уровне ограничительных грифов является спорным). При этом словосочетание «профилактический учет» в своей основе имеет логико-смысловое сочетание двух понятий: «профилактика» и «учет». Профилактика в переводе с греческого *prophylaktikos* означает предохранительный, то есть фактически это совокупность мероприятий по сохранению какой-либо системы, явления в диапазоне нормы, предупреждение негативного воздействия тех или иных факторов. В свою очередь, учет представляет собой регистрацию, систематизацию тех или иных явлений, процессов, событий, лиц. Таким образом, профилактический учет, осуществляемый персоналом учреждений УИС, следует расценивать как пофамильную картотеку осужденных, подлежащих воспитательно-профилактическому воздействию, состоящую из зарегистрированных в специальном журнале персонифицированных карточек, в которых отражены установочные данные подучетных лиц, основания и дата их постановки на учет, данные о сотрудниках, осуществляющих индивидуальную профилактическую работу, отметки об ознакомлении подучетного лица с содержанием карточки и его снятии с профилактического учета.

Примечателен тот факт, что профилактический учет не упоминается непосредственно в УИК РК, хотя в нем содержатся структурные элементы, в которых упоминание о нем было бы уместно (в частности, в нормах, касающихся воспитательного воздействия, обеспечения режима учреждения УИС и т.д.). Это приводит к тому, что деятельность по профилактическому учету в рамках различных учреждений УИС не имеет той или иной стабильной практики: в одних учреждениях имеются тенденции к широкому применению профилактического учета, в других, наоборот, его применение имеет сдержанный характер. При этом и в теории уголовно-исполнительного права вопросы профилактического учета в целом, равно как и отдельные исследования его особенностей в отношении осужденных женщин, практически представлены единичными публикациями [254]. Кроме того, даже в данных единичных исследованиях текущее состояние профилактического учета расценивается исключительно в рамках его существующих форм, то есть без той или иной гендерной спецификации. Однако в контексте данного исследования, особенно в совокупности с обоснованными выше акцентами (в частности, относительно необходимости отдельного направления психологической работы с осужденными женщинами по вопросам абилитации материнских навыков), самостоятельное значение приобретает вопрос относительно обособления самостоятельной формы профилактического учета в отношении осужденных

Таким образом, подводя итог вопросам, рассмотренным в рамках данного подраздела диссертации, имеется возможность выделить отдельные наиболее значимые аспекты.

Во-вторых, в ведомственных документах МВД РК, касающихся воспитательной работы с осужденными к лишению свободы, предусмотреть в качестве самостоятельного вида психологического сопровождения абилитацию материнских навыков в случае их отсутствия или деформации;

3.2 Изменение организационно-правовой практики учреждений УИС по исполнению лишения свободы в отношении женщин

154

общеобязательным стандартом образования дошкольного воспитания и обучения. Организация дошкольного воспитания и образования обеспечивается местным исполнительным органом» [11].

Из процитированного положения фактически следует, что дом ребенка в учреждении УИС фактически по своему правовому статусу приравнивается к дошкольному учреждению, однако с учетом специфики места лишения свободы (фактически ребенок пребывает там на интернатном содержании). Однако существует и целый ряд других спорных вопросов, которые следует рассмотреть в рамках данного исследования.

Обращаясь к нормам УИК РК, следует отметить, что вопросы, касающиеся учета функционирования дома ребенка в учреждении УИС, подвергаются учету в различных статьях. Так, в частности, согласно ч. 4 ст. 94 УИК РК, если в учреждении УИС функционирует дом ребенка, то правила относительно раздельного содержания осужденных на данные случаи не распространяются. Согласно ч. 2 ст. 113 УИК РК, устанавливается право на краткосрочный выезд осужденной женщины, у которой ребенок содержится в доме ребенка учреждения, для его обустройства у супруга, родственников или в дом ребенка (в данном случае предполагаются, в первую очередь, случаи, когда ребенок достигает предельного возраста пребывания в учреждении, хотя возможны и иные ситуации). Непосредственно констатирующая норма, согласно которой в учреждении, в котором отбывают наказание осужденные женщины могут организовываться дома ребенка, содержится в ч. 1 ст. 116 УИК РК. В соответствии с ч. 4 ст. 106 УИК РК, «в домах ребенка учреждений дети обеспечиваются питанием, предметами первой необходимости, индивидуальным спальным местом, постельными принадлежностями, одеждой, бельем и обувью по сезону с учетом пола и климатических условий за счет бюджетных средств» [11].

В соответствии с ч. 8 ст. 132 УИК РК, не водворяются в дисциплинарный изолятор и не переводятся в одиночную камеру женщины, имеющие ребенка в домах ребенка учреждения, а также освобожденные от работы по беременности и родам. В данном случае следует особо отметить, что законодатель не связывает фактор наличия ребенка с достижением им 3-летнего возраста, хотя именно данный возраст является основанием для пребывания женщины в социальном отпуске по уходу за ребенком. За основу принимается то обстоятельство, что ребенок в случае применения соответствующего дисциплинарного взыскания к осужденной будет лишен возможности контактирования с матерью, а общение с другими родственниками и близкими лицами для ребенка в условиях учреждения УИС невозможно. Таким образом, и в случаях продления срока пребывания ребенка до достижения им 4-летнего возраста, к его матери также не применяют соответствующие меры дисциплинарного воздействия.

Однако целый ряд вопросов остается вне сферы регулирования. Во-первых, следует отметить, что, в соответствии с параграфом 3 ч. 1 ст. 116 УИК РК, женщинам разрешается совместное проживание с ребенком. Во-вторых, несмотря на то, что в соответствии со ст. 116 УИК РК, предполагается

возможность организации дома ребенка «в учреждении» (т.е. без упоминания режима данного учреждения), фактически следует, что в учреждениях минимальной безопасности имеются явные проблемы с совместным проживанием женщины и ребенка как минимум по той причине, что в структуре учреждений УИС, предназначенных для отбывания лишения свободы осужденными женщинами, отсутствует отдельное учреждение минимальной безопасности для осужденных женщин (согласно ч. 9 ст. 142 УИК РК, в учреждениях минимальной безопасности могут содержаться мужчины и женщины). В-третьих, практически не регламентируются различные ситуации, когда осужденная по тем или иным причинам не может какое-то время находиться с ребенком (в частности, при необходимости ее пребывания на стационарном лечении), а передача его на это время третьим лицам не предусмотрена. В-четвертых, отсутствуют какие-либо механизмы реагирования на факт недобросовестного отношения осужденной женщины к своим материнским обязанностям, по причине чего соответствующие уголовно-исполнительные механизмы фактически функционируют только в направлении использования различных гуманных и поощрительных начал. В-пятых, в теории практически не ставится вопрос и не закрепляется на законодательном уровне вопрос относительно права отца ребенка на свидание с ним в период, когда ребенок находится с матерью-осужденной в учреждении.

Рассмотрим более подробно некоторые из перечисленных аспектов. Так, как уже было отмечено, ч. 1 ст. 116 УИК РК предусматривает право осужденной женщины на совместное проживание с ребенком. Вместе с тем данная констатация фактически не содержит под собой никакого материального основания, поскольку в условиях барачной системы содержания реализация данного права практически не представляется возможной, так как, во-первых, не будет соответствовать санитарно-гигиеническим нормам (по причине нахождения в помещении значительного количества лиц), во-вторых, не будет отвечать критерию криминологической безопасности как женщины, имеющей ребенка, так и самого ребенка. В данном случае следует учитывать повышенную конфликтность мест лишения свободы, которая определяется значительным рядом факторов. К ним следует отнести как общий уровень социального неблагополучия женщин, содержащихся в местах лишения свободы, так и негативное влияние самой пенитенциарной инфраструктуры, которая порождает нездоровое и нередко агрессивное конкурентное за более комфортные условия жизнедеятельности, равно как и различные потенциально опасные личностные мотивации отдельно взятых осужденных (зависть, проекция собственной жизненной неудачи на других, паттерны насильственного и иного деструктивного поведения и т.д.).

Соответственно, одной из возможностей для реального обеспечения права женщины на совместное проживание с ребенком внутри учреждения может быть благополучным образом реализовано только в условиях камерного содержания. Организационно-техническая работа в данном направлении ведется, однако к настоящему времени большинство осужденных продолжают содержаться в

условиях «барачной» системы (в общежитиях). Так, в 2015 г. А.Ш. Аккулев указывал, что в Казахстане на момент проводимого им исследования функционируют «...всего лишь семь учреждений с покамерным содержанием осужденных (тюрьма в г. Аркалыке, ИУ общего режима для женщин в ВКО, ИУ строгого режима в г. Кызылорде, ИУ особо режимов в Костанайской обл. и в г. Таразе, ИУ строгого режима для женщин г. Шымкенте и ИУ со смешанным режимом в г. Жезказган), в которых содержится не больше 6% от всего числа лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы (общий лимит мест в указанных учреждениях составляет 3550, фактически же содержится в них 2450 осужденных, при том что на 01.01.2015 года общее количество осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, составило 42114 человек» [255, с. 80]. К концу первого квартала 2023 года руководитель КУИС МВД РК уже отмечал, что в условиях покамерного содержания в Казахстане находятся уже 4 тысячи осужденных, а всего в стране функционирует 9 учреждений подобного типа [256]. При этом отмечалось, что к концу 2023 года на покамерное содержание будут помещены 5,5 тыс. осужденных, что составит более 28 % от общего числа лиц, находящихся в местах лишения свободы [257].

Согласно ч. 1 ст. 146 УИК РК, регулирующей общие вопросы отбывания наказания с камерными условиями содержания, «осужденные, прибывшие в учреждения, помещаются в карантинное отделение на срок до пятнадцати суток. В период пребывания в карантинном отделении изучается личность осужденного, составляется его психологический портрет, а также вырабатываются методы работы с ним и определяется совместимость его содержания с другими осужденными» [11]. Несмотря на то, что психологическое исследование личности осужденного в карантинном отделении осуществляется в любом случае, независимо от режима и типа учреждения, подобный законодательный акцент, использованный в ч. 1 ст. 146 УИК РК, является оправданным. В данном случае следует учитывать, что несмотря на общепризнанное положительное влияние на психику осужденных покамерного содержания (в Казахстане заявляется размещение покамерно не более 6 осужденных, что признается соответствующим международным стандартам), оно предполагает другие типы построения межличностной коммуникации, отличные от той, которая складывается при содержании в общежитиях (бараках). В подобной ситуации имеет место своего рода «принуждение» к совместному быту, которое может иметь положительный эффект при установленной психологической релевантности или, напротив, отрицательный, если будут иметься те или иные причины для развития и реализации конфликтов.

Вопрос относительно специфики конфликтности в условиях покамерного содержания периодически поднимается на страницах научной печати [258; 259]. В данном случае только более глубокое исследование личности способно снизить риски конфликтности (что, в частности, при условии совместного содержания женщины и ребенка представляет дополнительную угрозу для безопасности ребенка). По этой причине в теории особо акцентируется вопрос относительно того, что вопросы размещения осужденных при покамерном содержании

требуют от персонала учреждения дополнительных компетенций [260, с. 360] При этом, как и в рамках ранее проанализированных вопросов, учет гендерного фактора (в данном случае – именно фактора материнства и детства) имеет явно недостаточный характер. В данном случае следует отметить следующие обстоятельства. Во-первых, покамерное содержание осужденных женщин, действительно, в гораздо большей степени может способствовать тому, чтобы их право на совместное проживание с ребенком было реализовано в необходимом объеме. Во-вторых, в подобных ситуациях, очевидно, требуется лимитирование проживания в одной камере не более 2-х осужденных женщин с детьми.

При соблюдении указанных условий решение ситуации может иметь наиболее благополучный вариант. В данном случае гораздо проще обеспечить принцип психологической и иной совместимости (например, удачным вариантом было бы размещение женщины, имеющей опыт материнства и ухода за ребенком, с женщиной, впервые родившей ребенка). Кроме того, будет учтена необходимость обеспечения необходимого уровня гигиены и санитарии, а также нивелированы риски повышенного стресса по причине отсутствия достаточного отдыха, повышенного шума и других факторов, которые неизбежны при совместном проживании женщин с детьми. Наконец, это поможет разрешить один из вопросов, который был указан в ранее представленном перечне проблемных аспектов, связанных с пребыванием осужденной женщины с ребенком в учреждении УИС. Касаются он ситуаций, когда кому-либо из женщин потребуется медицинская помощь или возникнет необходимость выезда за пределы учреждения (например, по причине возникших обстоятельств исключительного характера, указанных в п. 1) ч 2 ст. 113 УИК РК). В подобных ситуациях факт пребывания в камере другой женщины с ребенком может рассцениваться как возможный вариант решения вопроса, если сама осужденная добровольно примет на себя обязанность осуществить заботу о ребенке на период отсутствия его матери. Конечно, в подобных ситуациях ребенок может находиться под присмотром сотрудников дома ребенка учреждения, однако пребывание в привычных условиях и с более знакомым лицом, конечно же, является более благополучным вариантом решения вопроса. В целом, данный вопрос (относительно возможности оказания взаимной помощи) может разрешаться на предварительном принятии решения о покамерном размещении осужденных с детьми.

В данном случае можно провести прямую параллель с положениями Социального кодекса РК, согласно которым предполагается, что в ходе исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении лица с инвалидностью первой группы организуется уход за ним со стороны другого осужденного [261]. Так, в соответствии со ст. 171 СК РК, кандидатура осужденного, который будет осуществлять уход за другим осужденным, имеющим инвалидность первой группы, согласовывается с руководителем учреждения УИС. В свою очередь, согласно ч. 3 ст. 187 СК РК, осужденный может осуществлять уход только за одним осужденным с инвалидностью; а в соответствии с ч. 4 ст. 187 СК РК, предполагается, что за осужденным с

инвалидностью может осуществляться уход только одним осужденным (корреспондирующие предписания). При этом, согласно ч. 5 этой же статьи, осужденный с инвалидностью и осужденный, осуществляющий уход за ним, в обязательном порядке должны содержаться в одном учреждении УИС. Примечательно, что в УИК РК не содержится до настоящего времени соответствующих дублирующих норм, что может привести к коллизии соответствующих законодательных актов (учитывая их равнозначную юридическую силу).

Данная иллюстрация на примере создания условий для социального патронажа в отношении осужденных с инвалидностью, пребывающих в местах лишения свободы, наглядным образом свидетельствует о том, что при наличии необходимых волевых решений и создании соответствующих организационно-правовых механизмов пребывание осужденной женщины в ребенком в учреждении УИС может приобрести более комфортные, гуманные формы, которые будут отвечать международно-правовому универсуму – пребывание в условиях физической изоляции должно быть организовано таким образом, чтобы оно было максимально приближено к условиям жизни на свободе. Очевидно, особенно это актуально по отношению к ситуациям, когда в учреждении находится малолетний ребенок. Кроме того, помимо необходимости общей системы учета отношения осужденной женщины к своим материнским обязанностям (будет затронуто далее), вполне возможно использование дополнительных методов оценки степени поведения осужденной в случаях, когда они добровольно принимают на себя обязанности по временному уходу за ребенком другой осужденной на период ее отсутствия.

Вопрос относительно учета фактора отношения осужденной к своим материнским обязанностям до настоящего времени не получил должного закрепления на уровне норм уголовно-исполнительного законодательства. Его постановка в теории уголовно-исполнительного права также не получает достаточно четких контуров разрешения. Как уже ранее указывалось, нередко можно встретить утверждения относительно того, что многие женщины используют свою беременность и материнство как способ получить дополнительные льготы, гарантии и преференции. Подобная презумпция может оказаться особенно справедливой в отношении осужденных, у которых уже есть дети и которые до момента осуждения к лишению свободы демонстрировали пренебрежительное отношение к своим материнским обязанностям (хотя и в данном случае допустимо только предположение, а не констатация).

Как показали результаты опроса, проведенного среди сотрудников учреждений УИС, предназначенных для отбывания лишения свободы женщинами, более четверти опрошенных (25,75 %) полагают, что пребывание ребенка с матерью является значимым фактором ее ресоциализации; при этом 38,83 % выразили мнение, что это справедливо только в случаях, когда мать ответственно относится к своим материнским обязанностям, а 39,64 % расценивают это просто акт гуманизма.

В результате на практике может возникать ситуация, когда осужденная

уклоняется от обязанности по воспитанию ребенка, но «использует» его как основание для получения различных льгот. При этом отсутствует надлежащий механизм корректировки такого поведения осужденных женщин, имеющих детей. Полномочия администрации исправительных учреждений в данном случае не определены, процедура взаимодействия в этой области с органами опеки и попечительства и принятия соответствующего решения в УИК РФ не установлена» [262, с. 130]. Аналогично отмечается, что «...ребенок для многих матерей - это только возможность получения различных благ. К сожалению, по статистике, большая часть детей по достижении трех лет после дома ребенка попадают в детские дома, из которых матери их уже не забирают. При этом отсутствует надлежащий механизм корректировки такого поведения осужденных женщин, имеющих детей» [263, с. 72].

Подобные утверждения, как правило, имеют характер констатаций, а какие-либо реальные механизмы не предлагаются, что, очевидно, объясняется тем, что исследователи опасаются ставить вопрос вопреки общему вектору гуманного отношения к матерям в заключении. Гораздо чаще формулируются позиции одностороннего порядка, которые предполагают учет отношения к материнским обязанностям при применении тех или иных прогрессивных элементов отбывания наказания. Так, И.С. Онищенко в своем диссертационном исследовании указывает: «Для повышения эффективности исправления осужденной женщины, имеющей малолетнего ребенка, считаем целесообразным внести дополнительные критерии оценки степени ее исправления при решении вопроса об условно-досрочном освобождении: ее отношение к ребенку и состоянию своего здоровья» [78, с. 12]. И далее автор также отмечает, что «в связи с отсутствием в уголовно-исполнительном законодательстве взаимосвязи степени исправления осужденной с принятием решения о ее совместном проживании со своим малолетним ребенком в доме ребенка ИУ целесообразно при принятии данного решения учитывать следующие условия: поведение осужденной, ее психолого-педагогическую характеристику, отсутствие взысканий и наличие поощрений, ее отношение к ребенку, состояние здоровья осужденной (не предоставлять данное право при наличии у нее отдельных заболеваний) и ее ребенка» [78, с. 12]

В свою очередь, В.О. Полякова, Р.Б. Осокин достаточно категорично отмечают: «Следует предоставить возможность администрации исправительных колоний ходатайствовать о лишении родительских прав матерей, дети которых проживают в домах ребенка при колонии, в случае если мать не желает выполнять свои родительские обязанности, устраивает беспорядки, или совершает иные действия, являющиеся основанием для лишения родительских прав на свободе. Чаще практиковать лишение родительских прав женщин, отрицательно характеризующихся, уклоняющихся от родительских обязанностей. С такой инициативой в суд должна иметь право обращаться администрация уголовно-исполнительного учреждения» [264, с. 134].

Большинство же исследователей фактически обходит стороной вопрос о необходимости учета соответствующих обстоятельств, ограничиваясь

констатацией того, что женщины нередко используют свое особое положение, связанное с беременностью и рождением ребенка в спекулятивных целях. В данном случае следует отметить, что при условии пребывания ребенка в доме ребенка учреждения УИС вообще достаточно сложно констатировать качество исполнения материнских обязанностей, поскольку ребенок не находится с матерью все время, она лишь посещает его и проводит с ним время. Другое дело, когда ребенок проживает совместно с осужденной матерью, однако в данном случае могут возникнуть риски того, что в силу ненадлежащего исполнения обязанностей со стороны матери его психическому и физическому благополучию может быть причинен вред. В этом смысле мнение И.С. Онищенко представляется справедливым, однако одноразовое принятие решения (о разрешении совместного проживания с матерью) не должно исключать последующего мониторинга ситуации, поскольку поведение матери может иметь конъюнктурный характер и поменяться после получения возможности пребывания в более комфортных условиях содержания.

Действующие положения УИК РК вообще не предусматривают таких вариантов решения ситуации, когда ребенок передается супругу или другим близким родственникам до достижения им предельного возраста пребывания в учреждении УИС. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 116 УИК РК, «с письменного согласия осужденных женщин ребенок (дети) передается (передаются) их супругам, родственникам или по решению суда иным лицам либо по достижении ребенком (детьми) трехлетнего возраста направляется (направляются) в соответствующие детские учреждения» [11]. В остальных случаях фактически презюмируется положение относительно того, что ребенок пребывает с матерью в учреждении, очевидно, за исключением случаев, когда сама осужденная не изъявляет желания заниматься ребенком или вообще отказывается от него (хотя в данном случае может иметь место и иная мотивация, в частности, связанная с тем, что осужденная полагает более верным воспитание ребенка супругом или другими родственниками в условиях свободы). Однако следует признать, что в ситуациях, когда ребенок остается с осужденной матерью в учреждении УИС, следует применять на общих основаниях положения норм брачно-семейного законодательства относительно защиты прав ребенка, в том числе и в контексте решения вопроса об ограничении или лишении родительских прав.

Так, в частности, ст. 75 КоБС РК предусматривает основания для лишения родительских прав, среди которых, в частности, указывается на уклонение от выполнения родительских обязанностей, в том числе, уклонение от уплаты алиментов (п. 1 ч. 1 ст. 75) [265]. Другие основания являются менее применимыми к условиям пребывания ребенка в учреждении УИС, поскольку, в отличие от пребывания в семье, когда частная жизнь является, как правило, закрытой для внешней оценки и вмешательства, в условиях учреждения УИС в обязательном порядке контролируется как поведение осужденной матери, так и вопросы благополучия ребенка (как минимум, с точки зрения его безопасности). Однако сама формулировка «уклоняется» является достаточно объемной по семантическому значению данного слова. Согласно Нормативному

постановлению Верховного Суда РК № 15 от 29 ноября 2018 года, «уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей может выражаться в отсутствии заботы об их нравственном и физическом развитии, обучении, подготовке к общественно-полезному труду, в злостном уклонении от уплаты алиментов» [266].

В свою очередь, согласно ст. 79 КоБС РК, устанавливаются основания для ограничения родительских прав, основным критерием применения которого является факт опасности оставления ребенка с родителями (родителем):

«1) по обстоятельствам, не зависящим от родителей (психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств);

2) вследствие поведения родителей, но при этом не установлены достаточные основания для лишения родителей родительских прав» [265].

При этом в ранее процитированном Нормативном постановлении ВС РК указывается, что «решая вопрос об ограничении родительских прав, суду следует исходить из характера и степени опасности, а также возможных последствий для жизни или здоровья ребенка в случае оставления его с родителями, а также учитывать иные обстоятельства» [266].

И в процедуре лишения родительских прав, и в процедуре ограничения родительских прав, которые осуществляются в судебном порядке, устанавливается активное участие органов опеки и попечительства (ст. 76, 79 КоБС РК).

Таким образом, возникает вопрос относительно того, каким образом следует применять соответствующие механизмы к осужденным женщинам. С одной стороны, лишение и ограничение родительских прав являются достаточно радикальными решениями, которые могут показаться чрезмерными в случаях, когда осужденная женщина не вполне активно относится к выполнению своих материнских обязанностей. С другой стороны, процитированное Нормативное постановление свидетельствует о том, что в основе принятия решения фактически закладываются результаты оценочной деятельности суда, когда принимается решение относительно того, обеспечивает ли родитель надлежащее развитие ребенка. Применительно к анализируемой ситуации особенно следует иметь в виду также и то обстоятельство, что отец ребенка (независимо от сохранения брачных отношений с самой осужденной женщиной) фактически лишен возможности наблюдать и оценивать качество жизни своего ребенка в учреждении УИС, равно как и поведение его матери. Здесь отметим, что вопрос отцовства в данном случае вообще оставлен практически без внимания, что будет дополнительно подвергнуто анализу далее. Соответственно, инициатива реагирования на случаи ненадлежащего исполнения материнских обязанностей осужденной должна исходить от персонала учреждения УИС, а в более верном варианте – от органов опеки и попечительства, поскольку именно их деятельность непосредственно связана с оценкой условий проживания ребенка и защитой его интересов.

Если в ситуации, когда речь идет об учете позитивной формы поведения

осужденной матери по отношению к ребенку, механизм действия администрации представляется более понятным (хотя он также не отрегулирован в УИК РК и ПВР), то применительно к оценке негативных форм поведения осужденной возникают определенные затруднения, которые, как минимум, связаны с тем, что персонал УИС не является органом, уполномоченным на решение соответствующих вопросов (КоБС РК предусматривает также возможность инициирования искового производства о лишении или ограничении родительских прав со стороны прокурора, однако это не исключает необходимости участия органов опеки и попечительства в соответствующих процедурах). В данном случае закономерна постановка вопроса относительно того, что второй родитель (отец ребенка) может инициировать судебное разбирательство по вопросу определения места жительства ребенка, однако следует учитывать, что отсутствие возможности наблюдать процесс пребывания ребенка в учреждении УИС, равно как и оценивать поведение матери, фактически лишает его достаточной доказательной базы для обоснования своей позиции в суде.

Соответственно предлагается механизм разрешения подобных ситуаций с учетом специфики уголовно-исполнительных отношений, но и с обязательным соразмерением процесса отбывания наказания осужденной женщины, имеющей при себе ребенка в учреждении УИС, с интересами как самого ребенка, так и второго родителя (или иных близких родственников). Данный механизм будет включать следующие основные составляющие:

- 1) решение вопроса относительно компетенции органов опеки и попечительства в отношении детей, находящихся в учреждениях УИС;
- 2) учет фактора отношения к исполнению материнских обязанностей как значимого критерия для определения степени поведения осужденной женщины.

В отношении оценки уровня соответствия поведения осужденной матери интересам ребенка очевидно, что необходим механизм для контроля со стороны представителей органов опеки и попечительства. Включение соответствующей функции в структуру профессиональных обязанностей сотрудников учреждений УИС было бы нецелесообразным, поскольку, во-первых, данная деятельность требует наличия определенных познаний, а, во-вторых, здесь возможны риски конфликта интересов, когда администрация учреждения УИС оказывается незаинтересованной в том, чтобы обнаруживались те или иные проблемные вопросы. Соответственно, требуется внесение изменений в ч. 1 ст. 32 УИК РК с установлением права посещения без специального разрешения учреждений УИС, в которых содержатся осужденные женщины с детьми, представителями органов опеки и попечительства. В действующей редакции ст. 32 УИК РК данные лица вообще не упоминаются ни в перечне лиц, которым предоставляется право беспрепятственного посещения учреждения, ни в числе тех, кто имеет право на посещение при соблюдении определенных процедур (священнослужители, представители СМИ, члены ОНК) [11].

Что касается оценки отношения осужденной к своим материнским обязанностям, то в данном случае решение должно иметь комплексный характер

и обеспечиваться не только диспозитивными организационными механизмами (например, сложившейся практикой в отдельных учреждениях УИС), но и конкретными нормативными предписаниями. Так, в частности, в УИК РК отсутствует какое-либо указание на то обстоятельство, что отношение осужденной женщины к своим материнским обязанностям каким-либо образом учитывается при определении степени поведения. При этом большинство прогрессивных механизмов (в первую очередь, касающихся условий отбывания наказания, перевода в другое учреждение и др.) непосредственно связываются с фактом наличия той или иной степени поведения. Что же касается осужденных женщин с детьми, то в отношении них вообще весь спектр оценки степени поведения должен максимально концентрироваться именно на обстоятельствах, связанных с материнством и уходом за своим ребенком.

В целом, современная оценка степени поведения осужденных (ранее использовался термин «степени исправления») в рамках действующего УИК РК выглядит не вполне благополучной и, скорее всего, требует переосмысления и изменения соответствующих конструкций, однако данный вопрос выходит за пределы исследуемого объекта, в связи с чем будут сформулированы предложения по адаптации анализируемого вопроса к существующей системе оценки. Так, в частности, основные вопросы, касающиеся определения видов степени поведения и оснований их применения к конкретным осужденным предусмотрены в ст. 95 УИК РК [11]. К настоящему времени выделяются фактически 7 степеней поведения: три положительные, три отрицательные и отсутствующая (условно называемая «нулевая»). В ряде случаев законодатель прямо указывает, что то или иное обстоятельство, связанное с отбыванием осужденным лицом наказания в виде лишения свободы, влияет на оценку степени поведения. В частности, в ч. 3 ст. 126 УИК РК отмечается, что участие осужденных в добровольных организациях учитывается при определении степени поведения, равно как и ч. 5 ст. 127 УИК РК предполагает учет такого фактора, как стремление к получению образования. Аналогично подобным предписаниям следует ч. 1 ст. 116 УИК РК дополнить новым параграфом, в котором указать, что «отношение осужденной женщины к родительским обязанностям по отношению к своему ребенку учитывается при определении степени ее поведения, а также при составлении характеристики осужденной».

Кроме того, с учетом ранее приведенной аргументации данное положение следует продолжить следующей формулировкой: «Также при оценке степени поведения осужденных женщин учитывается оказание ими помощи другим осужденным, имеющим малолетних детей в учреждении, в случаях, когда по причине болезни или иных исключительных обстоятельств мать ребенка временно не имеет возможности осуществлять за ним уход и заботу».

В отдельных исследованиях, посвященных вопросам исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин, указывается, что к настоящему времени существенным образом снижены элементы дифференциации и индивидуализации оценки степени поведения (исправления) осужденных, причем указывается на необоснованный отказ от

надлежащей процедуры аттестации [267, с. 10]. Вместе с тем практически отсутствуют те или иные специфицированные формы воздействия на осужденных женщин, которые отражали бы специфику их правового статуса в случае пребывания в учреждении с ребенком. Как уже неоднократно отмечалось, необходим баланс между предоставляемыми льготами по факту беременности и пребывания в учреждении УИС с ребенком с мерами воздействия в случаях, когда соответствующие родительские обязанности не выполняются должным образом.

С учетом ранее изложенных соображений, согласно которым следует в обязательном порядке давать оценку условиям воспитания ребенка в учреждении УИС его осужденной матерью, следует перечень дисциплинарных взысканий, сконструированный в ч. 1 ст. 131 УИК РК дополнить новым видом дисциплинарного взыскания, сформулированным следующим образом: «предостережение осужденной женщины о недопустимости небрежного отношения к родительским обязанностям в отношении ребенка, находящегося в учреждении».

Несмотря на то, что исследователи совершенно справедливо отмечают, что сам процесс исправительного воздействия на осужденных предполагает, в том числе, и воспитательное воздействие на предмет повышения осознанности своей роли в семье, в воспитании детей [268, с. 180], следует признать, что наиболее крайние формы пренебрежения родительскими обязанностями со стороны осужденной женщины, имеющей ребенка в учреждении УИС, все-таки должны получать необходимую уголовно-исполнительную реакцию.

Предлагаемая мера, во-первых, может являться реакцией на замечания со стороны органов опеки и попечительства (ранее была обоснована необходимость их непосредственного включения в процесс наблюдения за условиями проживания ребенка и выполнением обязанностей осужденной матерью). Во-вторых, она станет вариантом реагирования непосредственно в уголовно-исполнительном аспекте на ненадлежащее поведение осужденной. В-третьих, непосредственно повлияет на определение степени поведения осужденной (в соответствии со ст. 95 УИК РК, в данном случае будут основания для признания первой отрицательной степени поведения). В данном случае следует учитывать, что отношение осужденной женщины к своему ребенку непосредственно связано с установленным порядком отбывания наказания, поскольку весь ее правовой статус концентрируется именно вокруг фактора материнства.

Проблема реализации родительских прав в случаях «расщепленного» родительства (любых случаев, к которым относятся факты раздельного проживания кого-либо из родителей с ребенком, в том числе и случаи пребывания в физической изоляции одного из родителей) до настоящего времени еще не в полной мере изучены в теории и недостаточным образом закреплены на уровне уголовно-исполнительного законодательства. Это связано преимущественно с тем, что сохраняются ощутимые диспропорции в контексте оценки степени значимости «мужского» и «женского» родительства. На это обстоятельство обращают внимание и авторы специальных исследований, обнаруживающие

существенные гендерные диспропорции уже на уровне уголовного законодательства, которые в последующем трансформируются в еще более существенные в рамках уголовно-исполнительных отношений [269, с. 7].

Вместе с тем в отдельных публикациях специально подчеркивается, что именно для осужденных женщин лишение права на свидание с близкими (особенно с детьми) является наиболее болезненным, поскольку эмоциональная сфера женщин устроена таким образом, что для благополучных психических процессов требуется обязательный тактильный, кинестетический контакт с близкими [270, с. 43]. Возможно, подобные противопоставления являются обоснованными, однако они не могут являться поводом к тому, чтобы устанавливать существенные диспропорции между «женским» и «мужским» родительством.

В данном ключе примечательно, что соответствующие диспропорции максимально выражены именно в нормах уголовно-исполнительного законодательства, что, очевидно, было обусловлено стремлением достаточно быстрого использования возможных инструментов гуманизации. К примеру, в исследованиях вопроса осуществления родительских прав осужденными, относящимися к иным отраслям юридической науки, можно обнаружить более паритетную оценку специфики реализации функций родителя в условиях физической изоляции. В частности, отмечается: «...необходимо учитывать, что осужденный не может осуществлять и исполнять весь комплекс родительских прав и обязанностей постоянно, как, например, родитель, проживающий совместно с ребенком, он может их осуществлять и исполнять через определенные промежутки времени, в соответствии с установленными режимными требованиями» [271, с. 10].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что автор не акцентирует внимания на том, кто из родителей (мать или отец) имеется в виду, применяя соответствующее умозаключение к жизненной ситуации любого из родителей, оказавшегося в пенитенциарном учреждении. Вместе с тем и в подобных исследованиях встречаются отдельные гендерные «перегибы», в частности, в качестве предложения высказывается мнение о необходимости обеспечения «доставки несовершеннолетних детей осужденным женщинам за их счет» [271, с. 19]. Трактуя последнее из указанных суждений автора, следует отметить, что само исследование было осуществлено до появления в законодательстве концептуальных изменений в виде устранения чрезмерных гендерных диспаритетов, когда мужчина, в одиночку воспитывающий ребенка, приобрел те же права и льготы, что и женщина (мать ребенка). Безусловно, в данном случае вести речь о полном уравнивании в правах нельзя, поскольку возможность предоставления льгот для мужчины связывается исключительно с состоянием «единственного родителя». Вместе с тем данная оговорка требовалась для того, чтобы объяснить акцент процитированного автора относительно доставки несовершеннолетних детей именно осужденным матерям (в рамках действующего законодательства автор, скорее всего, указала бы и отцов, являющихся единственными родителями). Само указание на возможность

обеспечения связи осужденных с несовершеннолетними детьми посредством осуществления их «доставки» в учреждение УИС для свидания с родителем является достаточно верной постановкой вопроса, которая будет дополнительно исследована далее.

Особого внимания заслуживает вопрос относительно обеспечения родительских прав лиц, находящихся на свободе, в отношении детей, которые остаются с осужденной матерью в условиях учреждения УИС. Данный вопрос практически не поднимается в теории уголовно-исполнительного права, однако он представляется весьма значимым. В подобных случаях возможна апелляция к реально складывающейся ситуации (тенденции), в структуре которой случаи активно-волевого стремления отца к общению с ребенком, находящимся с осужденной матерью в учреждении УИС, скорее всего, весьма немногочисленны (хотя исследована реальная картина могла бы быть только при наличии необходимых нормативных механизмов для реализации данной возможности).

Как указывается в частно-правовых исследованиях, «обеспечение семейно-правового статуса лиц, осужденных к лишению свободы, осуществляется в рамках уголовно-исполнительной правовой сублимации, под которой понимается процесс, обеспеченный государством и осуществляемый им в рамках правового поля, связанный с качественным переходом (переводом) осужденного из одного правового деформированного состояния лица в другое правовое правомерное (социально-позитивное), соответствующее требованиям действующего законодательства (нормативной модели), нацеленное на социально полезную жизнедеятельность, его позитивную социальную реализацию» [272, с. 12]. При этом автором также обособляется семейно-правовой статус осужденного мужчины и семейно-правовой статус осужденной женщины. Подобное выделение не случайно, поскольку, несмотря на наличие отдельных диспропорций в структуре семейного статуса мужчины и женщины в обычных условиях (в состоянии свободы), он все-таки является практически равным, в отличие от семейно-правового статуса в условиях пребывания в пенитенциарном учреждении.

Несмотря на несколько чрезмерную абстрактность вышеприведенной цитаты, следует признать, что она фактически отражает весьма значимое обстоятельство: по причине совершенного преступления, привлечения к ответственности и осуждения лицо претерпевает некую трансформацию своего правового статуса, которая становится первичной по отношению ко всем иным состояниям (статусам). Конечно же, государство не является заинтересованным в том, чтобы лишение свободы приводило к разрыву семейных связей, поскольку с ними связывают исключительно позитивные, конструктивные социальные функции и ожидания; кроме того, именно семейные связи являются фактором, нейтрализующим криминальную мотивацию и активность, причем даже в пенитенциарном периоде.

Так, в частности, в специальных исследованиях отмечается негативная тенденция, согласно которой «...более 90% осужденных, которые до отбывания наказания полностью осуществляли свои родительские права и исполняли

обязанности, после осуждения не осуществляют их и не встречаются со своими детьми» [273, с. 64]. Это крайне негативный «побочный продукт» осуждения к лишению свободы, который может в равной степени иметь отношение как к осужденным мужчинам, так и к осужденным женщинам (в частности, возможны ситуации, что у родственников осужденных нет возможности сопровождать несовершеннолетних детей для встречи с осужденной матерью). При этом уголовно-исполнительные средства могут только корректировать и в той или иной степени компенсировать соответствующие издержки осуждения к лишению свободы в отношении семейного статуса лица, однако эти возможности весьма ограничены.

В публикациях по вопросу к формам социальных коммуникаций, которые можно отнести к разновидностям реализации родительских прав в условиях специального уголовно-исполнительного статуса осужденного к лишению свободы, относят свидания, телефонные переговоры, переписку, выезды за пределы учреждения УИС [274, с. 172]. Однако в данном случае, очевидно, акцент осуществляется на таких формах коммуникации, которые сопровождаются визуальным, тактильным, аудиальным либо информационным взаимодействием. Несмотря на то, что данные формы коммуникации, действительно, имеют наибольшее значение с точки зрения поддержания семейных связей, следует признать, что и другие формы коммуникации, имеющие односторонний характер (денежные переводы, посылки, выплата средств на содержание несовершеннолетних детей и т.д.), также являются элементом реализации родительского статуса осужденных к лишению свободы.

Таким образом, фактически возникает своего рода конкуренция статусов, в структуре которой уголовно-исполнительный статус приобретает значение доминирующего. В отличие от иных видов уголовного наказания, именно в контексте лишения свободы происходит максимальная трансформация всех видов правового статуса осужденных, в том числе и семейно-правового. Именно по этой причине процитированный выше автор использует термин «уголовно-исполнительная сублимация», который, в целом, достаточно точным образом отражает специфику участия в семейно-правовых отношениях лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Вместе с тем следует признать, что трансформация семейно-правового статуса имеет место не только у лиц, осужденных к лишению свободы, но и у их супругов, которые фактически не совершили уголовно наказуемого деяния и, по сути, не должны испытывать соответствующие негативные последствия. Однако специфика семейных связей такова, что она строится на отношениях взаимосвязи и взаимозависимости, и второй супруг, оставшийся на свободе (при условии желания сохранить брачные и семейно-правовые отношения), неизбежно ставится в корреспондирующее состояние трансформации его семейно-правового статуса. Тем не менее, действующее уголовно-исполнительное законодательство построено таким образом, что оно акцентирует вопросы учета потребностей осужденных лиц в вопросах поддержания социально полезных связей (хотя имеющиеся нормативные конструкции также нельзя признать

вполне удовлетворительными) и фактически индифферентно относится к вопросам обеспечения прав родственников осужденных лиц (в первую очередь, супругов и несовершеннолетних детей).

При этом КоБС РК достаточно подробно регламентирует правовой статус родительства (независимо от того, идет ли речь о функции матери или отца), который базируется на принципе равенства родительских прав обоих родителей (ч. 1 ст. 68 КоБС РК) [265]. В данном случае обращает на себя внимание то, что законодатель устанавливает именно равенство родителей, а не равенство супругов в отношении воспитания детей, поскольку предполагается, что равенство родительских прав должно обеспечиваться и в случаях расторжения брака между родителями ребенка. Здесь следует отметить, что случаи «расщепленного» родительства возникают достаточно часто и без факта осуждения одного из родителей к наказанию в виде лишения свободы. Очевидно, что равенство родительских прав в данном случае также становится достаточно условным, поскольку родитель, с которым проживает ребенок, всегда имеет приоритетную возможность для реализации соответствующих прав (но при этом также и обязанностей).

Практически все составляющие родительского статуса существенным образом сокращаются при осуждении лица к лишению свободы. В данном случае равным образом трансформируется и статус отца, чей ребенок находится с матерью в учреждении УИС, поскольку он, несмотря на отсутствие причин для трансформации собственного родительского статуса, фактически претерпевает данную трансформацию. Так, в частности, КоБС РК предусматривает права и обязанности родителей воспитывать своего ребенка (ч. 2 ст. ст. 70) и имеют преимущественное право на воспитание своего ребенка перед другими родственниками (там же); вопросы, касающиеся воспитания ребенка, решаются родителями по их взаимному согласию с учетом соблюдения интересов ребенка (ч. 4 ст. 70); родители осуществляют законное представительство своего ребенка (ч. 1 ст. 71) и др. В частности, ч. 1 ст. 73 КоБС РК устанавливает, что «родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет права на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования и других важных для ребенка вопросов» [265].

Несмотря на то обстоятельство, что и КоБС РК, и Нормативное постановление ВС РК от 29 ноября 2018 года № 15 непосредственно устанавливают акценты относительно того, что любая коммуникация ребенка с родителями (независимо от факта их совместного или раздельного проживания) должна оцениваться с точки зрения интересов ребенка, следует специально отметить, что факт осуждения к лишению свободы и пребывания в пенитенциарном учреждении не должен автоматически свидетельствовать о том, что общение ребенка с матерью (или отцом) может принести вред его физическому или нравственному развитию. В этом смысле справедливы замечания исследователей относительно того, что второй родитель ребенка или другие родственники, с которыми несовершеннолетний проживает, могут игнорировать право осужденной (осужденного) на свидание с ним, что

неизбежно приводит к тому, что соответствующее право не будет реализовано, так как несовершеннолетний не может самостоятельно иметь свидания с осужденным родителем [275, с. 23]. Вместе с тем, с точки зрения законодательства, подобные оценочные суждения не могут приводить к лишению осужденных соответствующего родительского права, поскольку для такого лишения необходимо наличие формально-юридического оформления.

Так, к примеру, в соответствии с ч. 5 ст. 80 КоБС РК, «родителям, родительские права которых ограничены судом, разрешаются контакты с ребенком, если это не оказывает на ребенка негативного влияния. Контакты родителей с ребенком допускаются с согласия органа, осуществляющего функции по опеке или попечительству, либо опекуна или попечителя, патронатных воспитателей ребенка или администрации организации, в которой находится ребенок» [265].

То есть даже ограничение в родительских правах не является основанием для того, чтобы автоматически лишать осужденную (осужденного) возможности к реализации своих родительских прав в период пребывания в пенитенциарном учреждении. Другой вопрос, когда имело место лишение родительских прав, например, в порядке ч. 2 ст. 75, то есть, когда родитель совершил умышленное уголовное правонарушение против жизни и здоровья ребенка, супруга или других членов семьи. Однако следует учитывать, что даже у родителя, лишенного родительских прав законодательно сохраняется возможность получения возможности на общения с ним в порядке государственной услуги «Выдача разрешения на свидания с ребенком родителям, лишенным родительских прав, не оказывающие на ребенка негативного влияния», регламентированной Приложением 8 к приказу Министерства образования и науки от 24 апреля 2020 года № 158 [276]. Это является свидетельством того, что государство устанавливает приоритет семейных ценностей и родительства, по причине чего создает многофункциональные и гибкие механизмы, дающие возможность для восстановления родительских прав и их использования даже в самых критических ситуациях.

Вновь акцентируем внимание на том обстоятельстве, что для осужденных к лишению свободы (хоть мужчин, хоть женщин) трансформация семейно-правового статуса является вынужденной и неизбежной, поскольку уголовно-исполнительный статус становится доминирующим и оказывает воздействие на все иные виды специально-правового статуса. То есть хоть мужчина, хоть женщина, находясь в местах лишения свободы, неизбежно лишаются значительного объема прав, связанных с родительством в отношении детей, оставшихся со вторым родителем или другими членами семьи. И данное обстоятельство является вынужденной, но, в целом, справедливой мерой (хотя и требуется пересмотр нормативных конструкций, касающихся частоты контактов с внешним миром лиц, осужденных к лишению свободы). В отношении же отца ребенка, который содержится в учреждении УИС с осужденной матерью, ситуация складывается совершенно противоположным образом, поскольку его родительские права (преимущественно личного, нематериального характера)

претерпевают существенные ущемления.

Обращаясь к редакции к ч. 3 ст. 106 УИК РК, следует отметить формулировку, согласно которой «длительные свидания осужденным, за исключением больных заразной формой туберкулеза, предоставляются с правом совместного проживания с супругом (супругой), близкими родственниками, с лицами, не состоящими в браке с осужденным, имеющими с ним совместных детей, и правом получения передачи» [11]. С одной стороны, данная норма вроде не препятствует тому, чтобы отец ребенка имел возможность свидания с ним (даже если он не находится к настоящему времени в браке с осужденной, однако его отцовство подтверждено). С другой стороны, формулировка процитированной нормы свидетельствует в большей степени о фиксации права осужденных на свидания, а не право на свидание их родственников.

В частности, возможны ситуации, что осужденная женщина не желает иметь свиданий с отцом своего ребенка, а свидания с самим ребенком уголовно-исполнительным законодательством не предусмотрены. В связи с чем для конкретизации отцовского статуса в случаях, когда ребенок пребывает с матерью в учреждении УИС, предлагается дополнить ст. 106 УИК РК частью 3-1 следующего содержания: «Отец малолетнего ребенка, находящегося в доме ребенка учреждения уголовно-исполнительной системы, имеет право на длительные свидания независимо от согласия матери с учетом периодичности, установленной по взаимному соглашению между родителями, органом опеки и попечительства или судом». Данная формулировка будет соответствовать как положениям КоБС РК, так и п. 4 Нормативного постановления от 29 ноября 2018 года № 15 [265].

Внесение данного изменения в УИК РК позволит упорядочить правовой статус отца ребенка, находящегося с осужденной матерью в учреждении УИС (причем, в данном случае не следует исключать и иные, ранее затронутые механизмы отстаивания своих родительских прав путем судебного разрешения вопросов, в частности, о месте проживания ребенка). В данном случае следует исходить из того, что родительский статус отца малолетнего ребенка, находящегося с матерью в учреждении УИС, не должен подвергаться чрезмерной трансформации, в силу чего с помощью уголовно-исполнительных предписаний он должен быть максимально приближен к обычному родительскому статусу в случаях, когда ребенок проживает с другим родителем.

Одним из значимых обстоятельств, связанных с заметным ущемлением прав женщин, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях, является ранее уже отмеченный фактор, когда женщина может отбывать наказание в существенной отдаленности от места своего постоянного проживания. В данном случае, в первую очередь, возникают риски для снижения возможности в поддержании социально полезных связей с родственниками и особенно с несовершеннолетними детьми, которые могут иметь свидание с матерью только при условии их сопровождения взрослыми членами семьи. В этом смысле справедливы высказываемые опасения исследователей относительно того, что у родственников ребенка может элементарно не оказаться средств для обеспечения

Бисенова Т.Е.

посещения несовершеннолетними детьми своих матерей в местах лишения свободы [277, с. 50].

Бисенова Т.Е.

Несмотря на то обстоятельство, что уголовно-исполнительное законодательство РК, равно как и отдельные ведомственные документы МВД РК [278] достаточно заметным образом концентрируют внимание на значимости поддержания социально полезных связей осужденного к лишению свободы, следует признать, что любые формы содействия существенным образом нивелируются по причине того, что дислокация учреждения УИС может находиться в существенном отдалении от места проживания семьи осужденной (и ее самой до факта осуждения). Несмотря на предоставленную приказом МВД РК от 31 мая 2017 года № 375 осужденной или ее родственникам возможность ходатайствовать о ее переводе в другое учреждение для облегчения процесса поддержания социально полезных связей, данное право может не иметь результативной реализации по причине отсутствия соответствующего учреждения в регионе проживания семьи (в частности, как отмечалось, единственное учреждение максимальной безопасности для отбывания наказания осужденными женщинами находится в г. Шымкент).

Бисенова Т.Е.

Соответственно, у семьи осужденной женщины фактически имеется только возможность переезда в населенный пункт, наиболее близкий к месту отбывания наказания осужденной, либо необходимость периодических расходов на то, чтобы прибыть к месту дислокации соответствующего учреждения УИС для реализации права на свидания. При этом не вызывает сомнения то обстоятельство, что именно свидания являются наиболее значимой формой коммуникации, в рамках которой возможно установление наиболее близкого межличностного контакта. Очевидно, что это имеет особенное значения в случаях поддержания связей осужденными женщинами со своими несовершеннолетними детьми.

Бисенова Т.Е.

В данном случае вновь обращает на себя внимание ранее приведенное мнение относительно целесообразности решения вопроса об обеспечении доставки несовершеннолетних детей к осужденным женщинам в случаях, когда у родственников нет соответствующих физических или материальных возможностей. Однако если ранее процитированный автор (Е.В. Лапина) полагает, что данное мероприятие следует осуществлять за счет средств самой осужденной, то, к примеру, В.Д. Шумова, Н.В. Кузнецова полагают, что «...представляется необходимым рассмотреть на государственном уровне дополнительные льготы для осужденных, имеющих несовершеннолетних детей. В частности, законодательно закрепить государственное финансирование доставки детей до места нахождения родителя заключенного под стражу. Также, оплата проезда ребенка может быть предоставлена из заработанных средств осужденного или пособий, на которые он имеет право» [279, с. 160].

Бисенова Т.Е.

Наиболее приемлемым вариантом, очевидно, следует признать решение данного вопроса не исходя из материальных возможностей семьи, а отталкиваясь от того обстоятельства, что соответствующие дискриминационные факторы, препятствующие благополучной реализации осужденными своего права на

поддержание социально полезных связей, связаны с инфраструктурой учреждений УИС. Соответственно, самым верным вариантом было бы расценивать соответствующую форму материальной поддержки (фактически компенсации расходов на проезд до учреждения УИС и обратно) как необходимое и справедливое возмещение со стороны государства того, что исполнение наказания в виде лишения свободы осуществляется с нарушением одного из его ключевых принципов – отбывания в учреждении УИС по месту жительства. Это свидетельствует о том, что изначально предлагаемая выплата не должна ставиться в зависимость от материального положения семьи, поскольку, в случае отсутствия соответствующей потребности, семья может просто не обращаться с соответствующей просьбой.

В контексте действующего законодательства фиксация соответствующего права должна быть осуществлена в нормах СК РК. Так, исходя из структуры СК кодекса РК, соответствующая государственная гарантия должна быть включена в ст. 71 СК РК, где содержится перечень различных форм социальной защиты лиц (семей), имеющих детей. В данном случае следует исходить из того, что обеспечивая возможность проезда несовершеннолетнего (и сопровождающего его лица) к месту отбывания наказания осужденной матерью (отцом, в одиночку воспитывающим ребенка), в первую очередь, ориентировано именно на поддержку интересов этого ребенка. Учитывая то обстоятельство, что несовершеннолетние дети не обладают в полной мере самостоятельным правовым статусом, государство должно создать максимальные возможности к тому, чтобы соответствующие родительские права осужденных, непосредственно связанные с интересами их несовершеннолетних детей, были максимальным образом обеспечены.

В перечень гарантированного объема специальных социальных услуг, утвержденный приказом Заместителя Премьер-Министра – Министра труда и социальной защиты населения РК от 15 июня 2023 года № 221 [280] должна быть включена самостоятельная социально-бытовая услуга по «доставке в учреждение уголовно-исполнительной системы несовершеннолетнего для свидания с осужденной матерью или отцом, в одиночку воспитывающим ребенка, если данное учреждение расположено не в месте проживания несовершеннолетнего».

Одним из значимых факторов, который непосредственно связан с исполнением наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин, является проблема укомплектования кадров соответствующего учреждения УИС. В МСП ООН 2015 г. (Правилах Нельсона Манделы) разработано специальное Правило 81, касающееся специфики организации кадрового обеспечения учреждений, в которых отбывают наказание осужденные женщины: «1. В тюремных учреждениях, где содержатся как мужчины, так и женщины, женское отделение должно находиться в ведении ответственного сотрудника женского пола, в руках которой должны находиться ключи, открывающие доступ к данному отделению. 2. Ни один сотрудник мужского пола не допускается в женское отделение, если только он не сопровождается

сотрудником женского пола. 3. Заботу о находящихся в заключении женщинах и надзор над ними следует возлагать только на сотрудников женского пола. Это не должно, однако, мешать сотрудникам мужского пола, в частности врачам и учителям, выполнять свои профессиональные обязанности в женских исправительных учреждениях или отведенных для женщин отделениях тюремных учреждений» [82]. В целом, соответствующее предписание практически полностью аутентично тем, которые имели место в Правиле 53 МСП ООН 1955 года, что свидетельствует о том, что соответствующие императивные требования со временем не подверглись пересмотру.

В данном случае следует обратить внимание на следующие значимые обстоятельства. Во-первых, речь в процитированном Правиле 81 МСП ООН 2015 г. идет о ситуациях, когда в тюремных учреждениях содержатся как осужденные мужчины, так и осужденные женщины. Это объясняется тем, что во многих пенитенциарных системах зарубежных стран отсутствуют отдельные виды учреждений для отбывания наказания осужденными женщинами, а соответствующий процесс организуется в рамках изолированных локальных участков учреждения. Во-вторых, обращает на себя внимание установление достаточно категоричного требования относительно того, что в женские отделения сотрудники мужского пола допускаются только в сопровождении сотрудниц женского пола. То есть в данном случае речь идет не только о гендерно-ориентированных предписаниях относительно проведения осмотров, обысков, видеонаблюдения, а в целом о всех формах коммуникации с осужденными. В-третьих, фактически содержание Правила 81 свидетельствует о том, что весь персонал учреждения, в котором отбывают наказание осужденные женщины, должен быть укомплектован именно кадрами женского пола (за исключением случаев выполнения иных функций, которые, очевидно, связаны с дополнительными компетенциями, а не непосредственно с реализацией уголовно-исполнительного воздействия).

В Правиле 79 МСП ООН 2015 года указывается, что «на должность директоров тюремных учреждений следует назначать лиц, достаточно квалифицированных в силу их характера, административных способностей, надлежащей подготовки и опыта» [82]. В данном случае отсутствует оговорка относительно того, что директор учреждения должен соответствовать какому-либо требованию относительно половой принадлежности. Очевидно, это связано с тем, что уровень непосредственного контактирования директора учреждения с осужденными не настолько интенсивный, как у другого персонала. Однако в данном случае следует признать, что вопрос относительно гендерной структуры сотрудников учреждений УИС применительно к Казахстану является достаточно острым. Так, в частности, из 6 учреждений УИС, в которых отбывают лишение свободы осужденные женщины, только в одном (учреждение № 50, Северо-Казахстанская область) к моменту осуществления данного исследования начальником учреждения является женщина. Несмотря на то, что международные стандарты прямо не акцентируют соответствующий вопрос (в отношении половой принадлежности директора тюремного учреждения),

следует признать, что имеется серьезный гендерный диспаритет в отношении руководящего персонала казахстанской системы УИС («мужские» учреждения УИС, равно как и СИЗО, возглавляются сотрудниками мужского пола).

В данном случае следует принимать во внимание, что нормальная организация процесса отбывания наказания в виде лишения свободы может иметь место только при условии гендерно-чувствительного подхода, который может быть гарантирован только в случае, когда непосредственно в структуре персонала учреждения УИС имеется паритет относительно гендерной принадлежности сотрудников. Речь идет даже не о рисках для физической или иной безопасности осужденных-женщин (хотя из ранее процитированного Правила 81 МСП ООН 2015 г. соответствующий акцент явно просматривается), а об организации повседневной, бытовой жизнедеятельности осужденных. Справедливости ради, следует отметить, что система УИС (именно применительно к функционированию пенитенциарных учреждений) часто не обладает достаточной привлекательностью для сотрудниц женского пола в силу явно выраженного предпочтения жесткому стилю руководства [281, с. 153].

По этой причине сотрудницы системы УИС нередко сами отдают предпочтение иным формам служебной занятости – либо при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и иных мер уголовно-правового характера, либо в рамках таких функций учреждений УИС, которые непосредственно не предполагают постоянного контактирования с осужденными. Следует также отметить, что во многих исследованиях, в том числе, и международного характера, отмечается, что сотрудницы женского пола в УИС сами являются уязвимыми с точки зрения служебных ущемлений и даже сексуальных домогательств со стороны мужского персонала. Тем не менее, исследователи высказываются за необходимость расширения сферы ответственности сотрудниц УИС в системе исполнения наказания в виде лишения свободы (причем, не только применительно к «женским» учреждениям) [282, с. 69].

Относительно преобладания в структуре персонала учреждения УИС сотрудниц женского пола могут возникнуть вопросы относительно обеспечения безопасности персонала. Однако в данном случае вопрос стоит не так остро, как в «мужских» учреждениях УИС, поскольку, как показало исследование, осужденные женщины практически не склонны к проявлению физической агрессии в условиях пенитенциарного учреждения. В частности, в специальных исследованиях по вопросам обеспечения безопасности персонала учреждения отмечается необходимость специализированной защитной деятельности даже применительно к учреждениям, в которых преобладает персонал мужского пола (создание отделения физической защиты) [283, с. 10]. В целом, подобное решение может быть принято и в отношении учреждений УИС, предназначенных для отбывания наказания женщинами. Однако, как уже было отмечено, насильственные риски в данных учреждениях существенно ниже, нежели в тех, где отбывают наказания осужденные мужчины.

Преимущественно же вопросы функционирования учреждения находятся

в плоскости выполнения повседневных режимных мероприятий и иных форм взаимодействия с осужденными, в рамках которых коммуникация с персоналом женского пола является более желательной. В частности, как показал проведенный анализ ведомственных нормативных правовых актов, непосредственно регламентирующих порядок функционирования учреждений УИС, большинство норм не ориентированы на учет гендерных особенностей осужденных (в ряде случаев, конечно, в этом и нет необходимости). В подобных ситуациях, когда «шаблонные» правила не вполне отвечают потребностям организации исполнения лишения свободы в отношении женщин, именно сотрудницы женского пола способны более быстро и эффективно среагировать на данное обстоятельство и нивелировать спорный вопрос посредством необходимых внутриорганизационных решений. Кроме того, следует учитывать, что пенитенциарная среда является изначально конфликтной сама по себе (даже если соответствующий конфликт не получает объективизации в тех или иных конкретных действиях). В частности, исследователи в качестве одной из объективных причин возникновения конфликтов в местах лишения свободы указывают несовершенство законодательных предписаний и наличие достаточно высокой дискреции со стороны администрации учреждения [284, с. 9].

Действительно, несмотря на то что большинство уголовно-исполнительных процедур сопровождается четкой регламентацией, у сотрудников учреждения УИС всегда есть возможность к тому, чтобы варьировать объем, специфику, характер и стиль своей работы. Как указывается в методических документах международного характера, до настоящего времени сохраняется унификация процесса отбывания наказания осужденными женщинами с «мужскими» правилами, отличными от женских потребностей. В частности, отмечается, что «в большинстве уголовно-исполнительных систем все еще недостаточно осознают, что эти нужды должны учитываться в самом способе и стиле управления женскими исправительными учреждениями. Этот стиль нуждается в пересмотре, как нуждаются в нем и системы оценки и классификации заключенных, имеющиеся программы их занятости, охрана здоровья заключенных и содержание женщин с детьми» [51].

Применительно к процитированному положению следует отметить, что соответствующий гендерно-нечувствительный «стиль» фактически предопределяется самими нормативными конструкциями, которые оформляют полномочия сотрудников учреждений УИС и порядок их осуществления. В данном случае, в частности, принимается за основу то обстоятельство, что сама атрибутика учреждения для отбывания лишения свободы, как правило, сформирована таким образом, что может негативно отразиться на психическом и психологическом благополучии осужденной. Здесь не следует усматривать какие-либо чрезмерные уступки в отношении женщин, напротив, необходимо принимать во внимание, что окружающая среда существенным образом влияет на структуру личности человека, в особенности если он пребывает в ней непрерывно и достаточно длительное время. Специфика женского гендера заключается в том, что военизированная атрибутивность мест лишения свободы

может оказать деструктивное воздействие на факт своей гендерной самоидентификации (в плане снижения соответствующей самооценки, утрате стремления к внешней привлекательности, сохранению репродуктивного здоровья и т.д.).

В данном случае следует отметить, что в исследованиях нередко ставится вопрос относительно того, что архитектура учреждения должна быть научно и технически обоснована таким образом, чтобы не оказывать угнетающего воздействия при наличии возможностей обеспечения всех необходимых аспектов режима учреждения. Подобные исследования, в целом, примыкают к научным изысканиям в вопросах оценки влияния окружающего пространства на личность, в том числе на формирование негативных мотиваций, способных привести к правонарушающему или преступному поведению. Очевидно, не будет противоречия в утверждении, что учреждения УИС одинаковой формы режима, предназначенные для отбывания наказания осужденными мужчинами и женщинами, должны иметь заметные отличия, связанные не только со спецификой инфраструктуры (в частности, наличием домов ребенка), но и с внешними, архитектурными решениями.

Следует отметить, что в исследованиях достаточно часто отмечается влияние окружающего пространства и бытового устройства на многие процессы, связанные с исполнением наказания в виде лишения свободы в отношении женщин. Так, в частности, М.В. Минстер отмечает, что «на основании изучения результатов посещения и исследований материально-бытовых и санитарно-бытовых условий содержания женщин можно сделать вывод, что как в женских исправительных колониях являются неприемлемыми и не соответствуют анатомо-физиологическим, психологическим особенностям женщин, а это является одной из причин, способствующих возникновению и развитию дезадаптации женщин» [285, с. 19]. Конечно, в последние годы вопросы инфраструктуры учреждений для отбывания лишения свободы поднимаются достаточно часто. Вместе с тем «женский» фактор в организации пространства учреждения УИС, очевидно, требует и учета женского мнения при разработке соответствующей проектно-технической и иной документации.

Несмотря на то, что, как уже было ранее отмечено, Правило 79 МСП ООН 2015 года прямо не указывает на требование относительно половой принадлежности директора тюремного учреждения, в котором содержатся осужденные женщины, в процитированных выше международных методических рекомендациях содержится следующее указание: «На высшие руководящие должности женского исправительного учреждения следует приглашать женщин. Их основными должностными обязанностями должны стать разработка необходимых методик и стратегий и доведение созданных для заключенных программ до их адресатов» [82]. В данном случае следует иметь в виду, что цитируемые методические руководства являются результатом исследования правоприменительного опыта функционирования пенитенциарных учреждений по всему миру и, соответственно, базируются на выявленных закономерностях, типичных сложностях и наиболее успешных практиках их разрешения. В этом

Бисенова Т.Е. Бисенова Т.Е. Бисенова Т.Е.

смысле соответствующие рекомендации заслуживают внимания.

Как было указано ранее, отдельные нормативные предписания в силу их необоснованной гендерной нейтральности способны привести к ущемлению прав осужденных женщин по причине того, что не позволяют им надлежащим образом удовлетворять свои потребности, обусловленные именно принадлежностью к женскому полу. Такие ситуации наиболее благополучным образом могут быть нейтрализованы, если руководство учреждением (или, как минимум, выполнение административно-управленческих функций в направлениях, которые связаны с максимальным влиянием на обеспечение условий отбывания наказания) будет осуществляться сотрудницей женского пола.

Во-первых, закономерно предположение, что сотрудница женского пола (в особенности, руководитель) в обязательном порядке воспринимает потребности осужденных женщин через призму собственной гендерной самоидентификации, что не требует постоянных акцентов и напоминаний, которые могут оказаться необходимыми в отношении сотрудников мужского пола. Во-вторых, военизированная атрибутивность пенитенциарных учреждений, которая может отрицательно влиять на восприятие со стороны осужденных, провоцировать напряжение, тревогу и конфликтность, заметно снижается в отношении сотрудниц учреждений, в отличие от сотрудников-мужчин. В-третьих, следует учитывать такие значимые факторы, что женщина-сотрудница учреждения УИС в большей степени способна проявить эмпатию и солидарность в тех случаях, когда у осужденной имеет место трудная жизненная ситуация (например, она подвергалась семейно-бытовому насилию), что позволит сепарировать личность осужденной как объект исправительного воздействия от совершенного ею преступления.

Бисенова Т.Е. Бисенова Т.Е. Бисенова Т.Е.

Несмотря на то обстоятельство, что чрезмерная концентрация на гендерных аспектах службы может также иметь некоторые негативные последствия (в частности, формализм при установлении тех или иных гендерных квот и т.п.), тем не менее, недостаточный учет соответствующих факторов чреват еще большими вредными последствиями. Особенно это имеет отношение к такой разновидности службы, как службы в УИС, которая по своей природе максимально «тяготеет» к маскулинности, проявлению ярко выраженного властно-полевого начала. При этом в исследованиях отмечается, что «Все чаще женщины в организациях и выступают носителями мужского гендера ... Особенно это характерно для женщин-руководителей в закрытых системах. В пенитенциарной системе традиционно руководителями являются мужчины, однако все больше женщин поступают на службу в УИС и опосредованно участвуют в принятии управленческих решений, формировании общественного мнения» [286, с. 37].

В данном случае следует иметь в виду, что автор процитированной публикации, во-первых, оценивает понятие «гендер» исключительно в социально-ролевом аспекте (по ходу исследования понимание гендерного аспекта базируется на сочетании биологического и социального факторов), во-

вторых, указание на проявление у сотрудниц УИС мужского гендера оценивается как констатация, но ей придается, скорее, отрицательное значение. Принимается за объективные причины подобных трансформаций то обстоятельство, что женщине в условиях существенного преобладания мужчин в коллективе приходится конкурировать с сотрудниками мужского пола, что неизбежно приводит к развитию традиционно «мужских» качеств. Вместе с тем в контексте исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин наличие у сотрудниц «мужских» качеств едва ли может быть отнесено к позитивным моментам, поскольку, как уже было ранее указано, именно сугубо «женские» качества способны обеспечить такой стиль функционирования учреждения, который обеспечивал бы требования режима, но при этом не был связан с нивелированием особых потребностей осужденных женского пола (причем как материально-бытового, так и нематериального порядка). В данном случае вполне логичным является вывод о том, что в структуре персонала учреждения УИС, исполняющего наказание в виде лишения свободы для женщин, более верным было бы преобладание сотрудниц женского пола. Это, как минимум, исключит необходимость конкурирования с сотрудниками мужского пола, что практически неизбежно снижает проявление таких значимых «женских» качеств, которые как раз востребованы в учреждениях УИС данного вида.

На основе теоретических положений, рассмотренных в заключительном подразделе данной работы, имеется возможность сформулировать ряд основных выводов.

Во-первых, обоснована практика более эффективного учета фактора материнства при определении степени поведения осужденных женщин с учетом ее существенного влияния на весь процесс исполнения наказания в виде лишения свободы:

- 1) непосредственное указание в УИК РК на обязательный учет фактора отношения к материнским обязанностям при оценке степени поведения осужденной;

- 2) в целях стимулирования иных осужденных женщин и обеспечения помощи осужденной-матери при возникновении обстоятельств исключительного характера УИК РК также дополнить положением следующего содержания: «Также при оценке степени поведения осужденных женщин учитывается оказание ими помощи другим осужденным, имеющим малолетних детей в учреждении, в случаях, когда по причине болезни или иных исключительных обстоятельств мать ребенка временно не имеет возможности осуществлять за ним уход и заботу».

Во-вторых, обоснована необходимость установления ответственности осужденной-матери за ненадлежащее отношение к исполнению своих материнских обязанностей, а в рамках соответствующего механизма предусмотреть следующие решения:

- 1) включить представителей органов опеки и попечительства в число лиц, обладающих правом без специального разрешения посещать учреждений УИС,

в которых находятся малолетние дети;

2) ч. 1 ст. 131 УИК РК дополнить новым дисциплинарным взысканием в следующей формулировке: «предостережение осужденной женщины о недопустимости небрежного отношения к родительским обязанностям в отношении ребенка, находящегося в учреждении».

В-третьих, с учетом того, что инфраструктура учреждений УИС, предназначенных для исполнения лишения свободы в отношении женщин, нередко приводит к тому, что осужденная отбывает наказание в существенной географической удаленности от места проживания ее семьи, требуется в ст. 71 Социального кодекса РК включить самостоятельную форму поддержки семьи в виде возмещения расходов на проезд несовершеннолетнего ребенка осужденного и сопровождающего его лица к месту отбывания наказания матерью ребенка и обратно. Одновременно должна быть включена дополнительная специальная социальная услуга в виде *«доставки в учреждение уголовно-исполнительной системы несовершеннолетнего для свидания с осужденной матерью или отцом, в одиночку воспитывающим ребенка, если данное учреждение расположено не в месте проживания несовершеннолетнего»*.

В-четвертых, с учетом отсутствия объективных оснований для трансформации родительского статуса отца ребенка, оставленного с осужденной матерью в учреждении УИС, закрепить в УИК РК положение следующего содержания: *«Отец малолетнего ребенка, находящегося в доме ребенка учреждения уголовно-исполнительной системы, имеет право на дополнительные свидания независимо от согласия матери с учетом периодичности, установленной по взаимному соглашению между родителями, органом опеки и попечительства или судом»*.

В-пятых, обоснована необходимость внедрения в практику комплектования кадрового состава учреждений УИС, предназначенных для отбывания лишения свободы женщинами, требования о том, чтобы не менее 50% руководящего состава составляли сотрудницы женского пола, что будет в большей степени соответствовать международным рекомендациям относительно учета гендерного фактора при исполнении наказания в виде лишения свободы и позволит более благополучным образом учитывать особые потребности осужденных женщин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осуществленная в диссертационном исследовании глубокая теоретическая проработка вопросов законодательного регулирования и порядка организации процесса исполнения лишения свободы в отношении женщин позволила существенным образом систематизировать, актуализировать и ориентировать в максимально практико-ориентированную плоскость те уголовно-исполнительные аспекты, которые наиболее специфицированы именно применительно к осужденным женского пола. При этом основным лейтмотивом всего теоретического анализа, проведенного в рамках работы, является обоснование того, что осужденные женщины должны выступать в качестве адресатов метода позитивной дискриминации. Применение именно данного подхода вместо традиционной дифференциации необходимо для того, чтобы осужденные женщины, формирующие «пенитенциарное меньшинство», были максимально уравнены в правах с осужденными мужчинами, которые традиционно являются «пенитенциарным большинством». Адресация метода позитивной дискриминации необходима и в контексте учета особых потребностей женщин, обусловленных их половой принадлежностью, и в рамках социально ориентированной (гендерной) роли женщины в вопросах воспитания детей.

В уголовном и в уголовно-исполнительном законодательстве РК к настоящему времени сформулированы нормативные конструкции, которые содержат элементы гуманизма, адресованные женщинам, совершившим уголовные правонарушения и осужденным к лишению свободы, базирующиеся исключительно на половом признаке. При этом существует и дискриминационный аспект, обусловленный инфраструктурными факторами, - в отношении осужденных к лишению свободы женщин не всегда возможна реализация правила относительно отбывания наказания в регионе проживания осужденной и членов ее семьи. Кроме того, в ходе развития уголовно-исполнительного законодательства РК за период с 1997 по 2025 год имели место факты необоснованных решений законодателя, ущемляющих права осужденных женщин, имеющих при себе детей. Если в соответствии с ч. 3 ст. 96 УИК РК 1997 года предусматривалась возможность оставления ребенка с матерью на дополнительный год в случаях, если оставшийся срок отбывания наказания не превышал данного периода, то в первоначальной редакции УИК РК 2014 года данная гуманная конструкция была утрачена. Реверсное изменение законодательства, состоявшееся в 2023 году и анонсируемое как дополнительный ресурс гуманизации исполнения наказания в отношении осужденных женщин, фактически представляло собой устранение ранее допущенного дефекта и возврат к ранее существовавшему положению. Таким образом на протяжении более 8 лет осужденные женщины, имеющие при себе детей в учреждениях УИС, были фактически лишены возможности оставить при себе ребенка на дополнительный год.

Основным лейтмотивом всего диссертационного исследования является

центрирование на факторе родительства осужденной женщин, который неизбежно отличается от фактора отцовства, что и предполагает их асимметричную фиксацию в нормах уголовно-исполнительного законодательства. Вместе с тем по ходу исследования осуществлена последовательная аргументация необходимости снижения проявленности соответствующей асимметрии в тех аспектах, где действующие нормативные предписания явно лишены принципа справедливости и равного доступа к реализации родительских прав. В частности, была обоснована презумпция относительно того, что в ближайшей перспективе следует идти по пути организации домов ребенка и при «мужских» учреждениях УИС для осужденных-отцов, являющихся единственным родителем малолетнего ребенка. Дополнительно, с учетом отсутствия объективных оснований для трансформации родительского статуса отца ребенка, оставленного с осужденной матерью в учреждении УИС, обосновано закрепление в УИК РК положения следующего содержания: *«Отец малолетнего ребенка, находящегося в доме ребенка учреждения уголовно-исполнительной системы, имеет право на длительные свидания независимо от согласия матери с учетом периодичности, установленной по взаимному соглашению между родителями, органом опеки и попечительства или судом».*

Установлено, что, создавая существенные преимущества женщине - матери (также женщине, находящейся в состоянии беременности), в целом, международное право достаточно требовательно относится к женщине как субъекту совершенного общественного опасного деяния, когда она не обладает дополнительными гендерными признаками (материнство, беременность). При этом до настоящего времени даже на уровне международных стандартов не вполне четко определены параметры категории «осужденная-мать». В более узкой трактовке к нему следует относить только женщин, которые имеют при себе детей в доме ребенка пенитенциарном учреждении. Однако к ней следует относить всех осужденных, имеющих детей, в том числе и находящихся на свободе. При этом в рамках диссертации обоснованы положения, которые выходят за рамки тех рекомендаций, которые содержатся к настоящему времени в международных стандартах. В частности, с учетом современного развития медицины в совокупности с выраженным ресоциализирующим потенциалом материнства для осужденных женщин, а также учитывая ограниченный репродуктивный период, обосновано особое «право на беременность», которое в настоящее время может быть реализовано с помощью ВРТ в случаях, когда у осужденной отсутствуют брачные отношения.

Действующая редакция УИК РК предусматривает только фрагментарные вопросы коммуникации осужденных женщин с детьми: в случаях, когда ребенок находится с ней в доме ребенка учреждения; выезд для обустройства ребенка у родственников или в детские учреждения (в частности, по достижении им предельного возраста и отсутствии возможности дальнейшего оставления с матерью); ежегодные выезды для краткосрочных свиданий с несовершеннолетними детьми с инвалидностью. Учитывая, что все остальные

Бисенова Т.Е.

вопросы общения осужденной с детьми решаются внутри пенитенциарного учреждения, осужденная-женщина оказывается весьма зависима от внешних жизненных обстоятельств, поскольку общение с детьми в рамках краткосрочных и длительных свиданий может иметь место только с помощью взрослых членов семьи, которые должны сопровождать несовершеннолетних детей. Таким образом, поскольку современная инфраструктура учреждений УИС, предназначенных для исполнения лишения свободы в отношении женщин, нередко приводит к тому, что осужденная отбывает наказание в существенной географической удаленности от места проживания ее семьи, в диссертации аргументирована позиция, что ст. 71 Социального кодекса РК должна быть дополнена самостоятельной формой поддержки семьи в виде возмещения расходов на проезд несовершеннолетнего ребенка осужденной и сопровождающего его лица к месту отбывания наказания матерью ребенка и обратно (предполагается, что адресатом данной нормы должны стать и несовершеннолетние дети осужденных-отцов, в одиночку воспитывающих малолетних детей). Одновременно должна быть включена дополнительная специальная социальная услуга в виде *«доставки в учреждение уголовно-исполнительной системы несовершеннолетнего для свидания с осужденной матерью или отцом, в одиночку воспитывающим ребенка, если данное учреждение расположено не в месте проживания несовершеннолетнего»*.

Бисенова Т.Е.

Сопоставление действующих международных стандартов (рекомендаций), обращенных к женщинам-заключенным, с нормами национального законодательства привело к выводу, что при кажущемся внешнем сходстве предписаний, содержащихся в обеих редакциях УИК РК, отдельные нормы, касающиеся применения дисциплинарных взысканий в отношении осужденных женщин, входят в диссонанс с рекомендуемой международной практикой. В соответствии с международно-правовыми рекомендациями, имеется прямое указание на состояние беременности как основание для признания перевода в одиночную камеру и водворение в дисциплинарный изолятор недопустимыми, что следует четко отразить и в нормах УИК РК, которые до настоящего времени соответствующий запрет связывают исключительно с фактом временной нетрудоспособности по факту беременности и родов.

Бисенова Т.Е.

Целая группа выводов и рекомендаций в рамках диссертационного исследования была аргументирована на основе анализа зарубежных законодательных и правоприменительных практик исполнения лишения свободы в отношении женщин. Так, на базе отдельных зарубежных законодательных моделей была обоснована целесообразность объединения всех норм, касающихся исполнения лишения свободы в отношении женщин, в рамках отдельной главы УИК, что позволит не формулировать соответствующие адресные предписания по «исключительному» методу. Также обоснована необходимость решения вопроса о возможности введения режима проживания осужденных женщин со своими детьми за пределами учреждения до достижения ребенком 3 лет (в рамках так называемых «льготных условий отбывания наказания»), в том числе и продление срока пребывания ребенка с осужденной

матерью с 4-летнего до 5-летнего возраста. Причем, решение о проживании осужденной матери совместно со своим ребенком должно приниматься только в интересах ребенка, что предполагает оценку поведения осужденной-матери, в первую очередь, с точки зрения ее отношения к исполнению материнских обязанностей.

Неоднозначная динамика законодательных изменений в вопросах регламентации института отсрочки отбывания наказания за весь период развития уголовного и уголовно-исполнительного законодательства РК свидетельствует о необходимости еще более тщательной ревизии соответствующих предписаний. В частности, обоснована новая редакция ч. 1 ст. 74 УК РК//: «Беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, мужчинам, воспитывающим в одиночку малолетних детей, осужденным к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие или особо тяжкие преступления против личности, *против интересов семьи и несовершеннолетних*, террористические преступления, экстремистские преступления, преступления, совершенные в составе преступной группы, преступления против половой неприкосновенности малолетних, отсрочка отбывания наказания не предоставляется. *Отсрочка не применяется во всех случаях совершения преступления против интересов собственных малолетних детей осужденного (осужденной), независимо от категории преступления*». Измененная редакция потребует и дублирующих изменений в ч. 2 ст. 163 УИК РК.

При этом в целях стимулирования дальнейших положительных изменений у осужденных следует предусмотреть возможность повторного обращения с ходатайством об отсрочке по тем же материальным основаниям при изменении личной жизненной ситуации. Соответственно, ст. 74 УК РК следует дополнить новой частью в следующей редакции: «*Осужденный (осужденная) в процессе отбывания уголовного наказания имеет право повторно ходатайствовать о предоставлении отсрочки при сохранении оснований, указанных в части 1 настоящей статьи, и отсутствии запретов, установленной той же частью настоящей статьи*».

Учитывая то обстоятельство, что факту пребывания в местах лишения свободы предшествует обстоятельство совершения женщиной уголовного правонарушения, за которое она осуждается к данному виду уголовного наказания, в качестве отдельного блока теоретического исследования была определена также криминологическая характеристика женской преступности, однако с учетом пенитенциарного фактора, то есть в наиболее общественно опасном сегменте. Установлено, что в рамках общей криминологической оценки структуры женской преступности преобладают уголовные правонарушения экономического характера (в первую очередь, хищения, а также деятельность по созданию и руководству финансовой пирамидой), равно как и уголовные правонарушения, совершение которых непосредственным образом связано с извлечением имущественной выгоды (наркопреступления, содержание притонов для занятия проституцией и сводничество). При этом данные официальной статистики в общем объеме регистрируемых случаев совершения женщинами

наркопреступлений (в первую очередь, по ст.ст. 296, 297 УК РК) не верифицируют утверждаемый высокий уровень «женского» сегмента в данном виде преступности, однако в рамках пенитенциарного женского социума осужденные по данным преступлениям представлены значительными количественными данными, что преимущественно связано со строгостью санкций соответствующих статей уголовного закона.

К наиболее значимым параметрам криминологической характеристики преступности женщин, отбывающих лишение свободы в учреждениях УИС РК, на основе проведенного социологического исследования были отнесены: преобладание возрастной группы в диапазоне 30-39 лет (в совокупности с возрастной группой 40-49 лет образует тотально преобладающее большинство); максимальный процент осуждения к наказанию в виде лишения свободы выявлен за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, а также за насильственные преступления, в том числе с большой долей совершенных в отношении членов семьи; умеренное превалирование длительных сроков назначенного наказания (от 7 до 10 лет и выше 10 лет); выраженность фактора группового способа совершения деяния, а также наличия состояния алкогольного или наркотического опьянения; первичный характер осуждения и отбывания лишения свободы.

Особое внимание в рамках исследования было уделено специфике насильственной женской преступности, которая имеет выраженные отличительные параметры криминологической характеристики и в подавляющем большинстве случаев связана с реализацией стратегии защиты, причем, преимущественно в сфере семейно-бытовых отношений. По результатам исследования обоснована презумпция относительно рисков ошибочного осуждения женщин к лишению свободы по причине игнорирования обстоятельств, свидетельствующих о возможной необходимой обороне, в связи с чем аргументировано предложение о включении в перечень уголовных дел, рассматриваемых с участием присяжных, всех случаев инкриминирования по ст.ст. 102, 112 УК РК, а также в случаях вменения ст.ст. 99, 106 УК РК, когда защита настаивает на факте действия в состоянии необходимой обороны.

По ходу исследования были также подвергнуты систематизации основные элементы характеристики уголовно-исполнительного статуса осужденных женщин, отбывающих в настоящее время наказание в виде лишения свободы в учреждениях УИС РК, которые были сведены к следующим наиболее типичным оценкам: значительный процент фактора социального неблагополучия к начальному моменту пенитенциарного периода (низкий уровень дохода или отсутствие самостоятельного дохода; фактор одиночного родительства; наличие травматичного опыта по факту семейно-бытового насилия; различные виды зависимостей); подавляющее большинство имеет одну из положительных или не имеют степени поведения, а также два и более поощрения от администрации учреждения; относительное большинство осужденных хотя бы раз подвергались дисциплинарным взысканиям, однако случаи применения водворения в ДИЗО и перевода в одиночную камеру являются единичными; большинство

осужденных-женщин на момент осуждения имеют среднее специальное образование, не состоят в браке, имеют, как минимум, одного несовершеннолетнего ребенка; значительная часть осужденных субъективно не выявляют каких-либо позитивных изменений в своей жизненной ситуации за исключением получения образования и профессиональной подготовки и избавления от зависимостей; среди факторов, в рамках которых произошли наиболее существенные негативные изменения, выявлены ухудшение состояния физического здоровья и психологического благополучия, отсутствие позитивных ожиданий и целей.

Детальный анализ Правил внутреннего распорядка учреждений УИС в их сопоставлении с международными стандартами и рекомендациями привел к выводу о необходимости внесения в них изменений, касающихся учета циклических изменений в организме женщин репродуктивного возраста в нормах, регламентирующих вопросы водной гигиены, возможности постоянно иметь при себе необходимые гигиенические принадлежности и т.д. В совокупности с данным выводом была обоснована необходимость внедрения в практику комплектования кадрового состава учреждений УИС, предназначенных для отбывания лишения свободы женщинами, требования, чтобы не менее 50% руководящего состава составляли сотрудницы женского пола, что будет в большей степени соответствовать международным рекомендациям относительно учета гендерного фактора при исполнении наказания в виде лишения свободы и позволит более благополучным образом учитывать особые потребности осужденных женщин.

Кроме того предложено предусмотреть в ведомственных документах МВД РК, касающихся воспитательной работы с осужденными к лишению свободы, в качестве самостоятельного вида психологического сопровождения абилитацию материнских навыков в случае их отсутствия или деформации, то есть независимо от фактора наличия или отсутствия детей у осужденной, а исключительно на основании оценки ее психологической готовности к исполнению материнских обязанностей. Учитывая риски предшествующего присутствия в жизненной ситуации конкретной осужденной фактов ненадлежащего или жестокого обращения с детьми, а равно в случаях, когда женщина была осуждена за уголовные правонарушения против собственных детей или допускает пренебрежение материнскими обязанностями в отношении детей, оставленных в доме ребенка учреждения, в работе обоснована необходимость выделения самостоятельной формы профилактического учета, адресованной данной категории осужденных.

Фактор материнства в пенитенциарном периоде был определен в качестве значимого маркера исправительного воздействия на осужденных женщин, по причине чего была обоснована необходимость непосредственного указания в УИК РК на обязательный учет отношения к материнским обязанностям при оценке степени поведения осужденной. При этом в целях стимулирования иных осужденных женщин и обеспечения помощи осужденной-матери при возникновении обстоятельств исключительного характера УИК РК также

следует дополнить положением следующего содержания: *«Также при оценке степени поведения осужденных женщин учитывается оказание ими помощи другим осужденным, имеющим малолетних детей в учреждении, в случаях, когда по причине болезни или иных исключительных обстоятельств мать ребенка временно не имеет возможности осуществлять за ним уход и заботу».*

В целях исключения рисков отрицательных последствий чрезмерного гуманизма в отношении осужденных женщин, который может детерминировать спекулятивные поведенческие тактики использования материнства для получения послаблений в условиях отбывания наказания обоснована необходимость установления ответственности осужденной-матери за ненадлежащее отношение к исполнению своих материнских обязанностей, что требует дополнения ч. 1 ст. 131 УИК РК новым дисциплинарным взысканием в следующей формулировке: *«предостережение осужденной женщины о недопустимости небрежного отношения к родительским обязанностям в отношении ребенка, находящегося в учреждении».* Параллельно обоснована необходимость включения представителей органов опеки и попечительства в число лиц, обладающих правом без специального разрешения посещать учреждений УИС, в которых находятся малолетние дети, что позволит более объективно оценивать характер отношения осужденной к своим материнским обязанностям и более быстро принимать необходимые меры реагирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на четвертом заседании Национального курултая // <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-chetvertom-zasedanii-nacionalnogo-kurultaya-142359>.
- 2 Мудрость тысячелетий: энциклопедия /под ред. В. Балязина. - М., 2006. 1024 с.
- 3 Латыпова Д.Ф. Правовое положение женщин (историко-методологический аспект): дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Д.Ф. Латыпова. - Казань, 2004. - 213 с.
- 4 PRI Information. Отчет ВОЗ. Гаага, Нидерланды. 18-21 ноября 1998 г. – Гаага, Нидерланды, 1998. - 6 с.
- 5 Заплата Е.А. Социально-биологические и психологические предпосылки совершения женщинами рецидивных преступлений // Проблемы борьбы с рецидивной преступностью: сборник статей. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. - С. 72-80.
- 6 Гернет М. Общественные причины преступности. Социалистическое направление в науке уголовного права / М. Гернет. - М.: С. Сирмунт, 1906. - 214 с.
- 7 Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. Часть первая // <https://ilibrary.ru/text/61/p.3/index.html>.
- 8 Антонян Ю.М. Жестокость в нашей жизни. – М.: Инфора-М, 1995. – 320 с.
- 9 Чернышкова Л.Ю. Уравнивающий и распределяющий аспекты справедливости в сфере уголовно-правовой охраны и ответственности женщин: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Л.Ю. Чернышкова. - Ярославль, 2011. – 217 с.
- 10 Богомазова О.И. Правовой статус женщины и его особенности в современном российском обществе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / О.И. Богомазова. - Владимир, 2008. – 142 с.
- 11 Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан: принят 5 июля 2014 года, №234-V ЗРК // Ведомости Парламента РК. - 2014 г. - № 17. - Ст. 91.
- 12 Тарусина Н.Н., Исаева Е.А. Гендер: нейтрализация и позитивная дискриминация: учеб. пособие. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. - 104 с.
- 13 Нерсисянц В.С. Философия права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 848 с.
- 14 Каменкова Л., Мурашко Л. Позитивная дискриминация: понятие, содержание, эволюция // Журнал международного права и международных отношений. – 2006. – № 2. – С. 3–7.
- 15 Казарина М.И., Чернопильская Г.Е. Гендерный признак при назначении наказания в уголовном праве России // Baikal Research Journal. – 2021. – Т. 12. - № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-priznak-pri>

naznachenii-nakazaniya-v-ugolovnom-prave-rossii.

16 Дядюн К.В. Назначение наказания женщинам с точки зрения принципов равенства граждан перед законом, гуманизма и справедливости / К.В. Дядюн // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 2 (48). – С. 196–207.

17 Тирранен В.А. Высшие меры наказания в России и зарубежных странах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Тирранен. — Саратов, 2011. - 25 с.

18 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации. По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. С. Лымарь: утв. 25 февр. 2016 г. № 6-П // Российская газета. - 2016. - 11 марта.

19 Показатели тюремного населения по странам в 2024 году // https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.bc9b035d-66f6a949-4f2d0db7-74722d776562/https/worldpopulationreview.com/country-rankings/incarceration-rates-by-country.

20 В Казахстане выросло тюремное население // <https://www.zakon.kz/obshestvo/6441974-v-kazakhstane-vyroslo-tyuremnoe-naselenie.html>.

21 Румянцева Ю.Н. Позитивная дискриминация в уголовном праве: понятие и особенности ее применения по законодательству Российской Федерации // Пролог: журнал о праве. – 2022. – № 4. – С. 95–104.

22 Кравченко И. О. Либерализация и гуманизация уголовно-правовой политики // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – т. 15, № 5. – С. 565–577.

23 Раджабова Ж.К., Абдулгамидова Д.А., Мусалов М.А. Позитивная дискриминация как глобальный феномен правовой системы // Право и государство: теория и практика. - 2021. - № 12 (204). – С. 83-85.

24 Тащилин М.Т. Назначение наказания судом с участием присяжных заседателей по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / М.Т. Тащилин. - Краснодар, 2003. – 54 с.

25 Альперн Л. И. Рекомендации по проблеме содержания женщин в условиях лишения свободы (проект) // Альперн Л. И., Огородников И. В. Тюрьма – не женское дело: результаты тюремного мониторинга, выводы, рекомендации, рецензии, очерки, интервью: сб. материалов / сост. Л.И. Альперн. – М., 2000. – 192 с.

26 Кацуба С.А. Институт отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.А. Кацуба. - Рязань, 2003. - 27 с.

27 Павлычева О.Н. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, по законодательству России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.Н. Павлычева. - Казань, 2002. - 163 с.

28 Сергеева Е.Ю. Уголовная ответственность и наказание женщин по

российскому законодательству: гендерный аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.Ю. Сергеева. – Саратов, 2006. – 211 с.

29 Михлин А.С. Поощрительные институты и их место в уголовно-исполнительном праве // Реформа уголовно-исполнительной системы и ее правовое обеспечение: сб. науч. тр. - М., 1993. – 126 с.

30 ФСИН построит семь общежитий для осужденных женщин с маленькими детьми // <https://tass.ru/obschestvo/6347054>.

31 Музыкин А.А. Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении беременных женщин и женщин, имеющих детей // Социальные отношения. - 2018. - № 4 (27). - С. 141–146.

32 Поливанова М.М. Влияние пребывания в заключении на личность женщины // Тюрма – не женское дело: Результаты тюремного мониторинга, выводы, рекомендации, рецензии, очерки, интервью: сб. материалов. - М., 2000. - 84 с.

33 Яковлев А.А., Сироткина К.С. Актуальные проблемы материнства и детства в условиях лишения свободы // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. - 2016. - № 1 (7). – С. 61-63.

34 Абасова С.А. Проблемы исполнения наказания в исправительной колонии общего режима для осужденных к лишению свободы женщин: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.А. Абасова. - Махачкала, 2003. – 194 с.

35 Юнусов А.А., Грахов М.И. Теоретико-правовой взгляд на статус женщин, имеющих детей, в местах лишения свободы // Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты: Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории. - 2018. - № 12. - С. 21–26.

36 Жезлов Н.В., Микрюкова У.В. Жизненные катастрофы как источник преступного поведения женщин // Вестник Прикамского социального института. - 2017. - № 1 (76). – С. 19-22.

37 Громов В.Г. Криминологическая характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Алтайского края // Очерки новейшей камералистики. - 2016. - № 2. - С. 23–25.

38 Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. - М., 1992. – 252 с.

39 Кирсанова О.С. Психология криминальной мотивации женщин, осужденных к лишению свободы: автореф. ... канд. психол. наук: 19.00.06 / О.С. Кирсанова. - Рязань, 2011. – 27 с.

40 Минстер М.В. Психофизиологические особенности женщин, осужденных к лишению свободы // Вестник Томского государственного университета. - 2009. - С. 117-119 // <https://cyberleninka.ru/article/n/psihofiziologicheskie-osobennosti-zhenschin-osuzhdennyh-k-lisheniyu-svobody>.

41 Кастерина Н.В. Психологическая адаптация в исправительных учреждениях впервые осужденных женщин невротическими проявлениями и зависимостью от психоактивных веществ: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06 / Н.В. Кастерина. - Рязань, 2009. – 27 с.

42 Альперн Л. Изгнание из «приватного» в «публичное»: тюремный

эксперимент по созданию женщины нового образца // Развитие личности. - 2004. - № 2. – С. 184-194.

43 Сперанская А.В. Исследование структуры родительского отношения у осужденных женщин // Уголовная и уголовно-исполнительная политика в России и за рубежом: состояние, тенденции и проблемы совершенствования: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 28–29 ноября 2013 г.). - Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – С. 361-367.

44 Сушко В.А. Особенности отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами, имеющими малолетних детей и беременными: пособие / под ред. А.С. Михлина. - М., 1996. – 94 с.

45 Луговская С.В., Ширшов В.Д. Дом ребенка в пенитенциарном учреждении // Специальное образование. - 2011. - № 3. – С. 50-57.

46 Солдатов А.П. Гарантии и обеспечение прав в границах местного самоуправления. - Славянск-на-Кубани: СГПИ, 2008. – 387 с.

47 Садина О.В. Правовой статус несовершеннолетнего в российском законодательстве: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2009. – 205 с.

48 Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. - М, 1985. – 255 с.

49 Волкова Т.Н. Криминологические и правовые проблемы женской преступности в современной России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Т.Н. Волкова. - Рязань, 2001. – 312 с.

50 Хачак Б.Н. Гендерный подход в институте уголовного наказания: уголовно-правовые, пенитенциарные и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Б.Н. Хачак. - Краснодар, 2014. – 30 с.

51 Женщины в местах заключения: руководство ООН для администрации учреждений исполнения наказаний и других должностных лиц. - Нью-Йорк, 2008. – 128 с. // https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/women-and-imprisonment_russian.pdf.

52 Омельченко О.А. Международные и европейские стандарты в сфере содержания осужденных к лишению свободы женщин с детьми // Российский следователь. - 2016. - № 5. – С. 33-38.

53 Смирнов С.Н. Права женщин и несовершеннолетних в пенитенциарной системе: учеб. пособие. - Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2007. – 71 с.

54 Сошина Л.А. Право осужденной женщины-матери на контакт с ребенком в некоторых нормах международного права // Сибирский юридический вестник. - 2015. - № 1. - С. 73-79.

55 Горбунова М.М., Щепетов К.М. Меры, направленные на обеспечение реализации правовых гарантий охраны материнства и детства в местах лишения свободы России // European Research: сб. ст. победителей X Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. - Пенза, 2017. - Ч. 1. - С. 236–239.

56 Новиков А.В., Кулакова С.В., Слабая Д.Н. Пенитенциарное материнство. Экспертное мнение, заключение и выводы // Вопросы российского и международного права. - 2018. - Т. 8. - № 9а. - С. 195–204.

57 Тюгаева Н.А. Исправление осужденных женщин: проблемы и перспективы решения в условиях развития уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. - 2013. - № 3 (82). - С. 148–151.

58 Деева Л.Ю. К вопросу о наказаниях, применяемых к лицам женского пола // Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.Л. Кругликов. - Ярославль, 2008. - Вып. 3. - С. 126–127.

59 Лахова Е.Ф. От равных прав – к равным возможностям // Реальность и проблемы социального равенства мужчин и женщин / под ред. Н.В. Щербаковой. - Ярославль, 2001. – 152 с.

60 Грушин Ф.В. Некоторые социально-демографические факторы, определяющие развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства // Уголовно-исполнительное право. - 2017. - Т. 12. - № 2. - С. 137-141.

61 Минстер М.В. Реализация международных стандартов, регулирующих положение женщин, осужденных к лишению свободы в России и за рубежом // Библиотека уголовного права и криминологии. - 2018. - № 2 (26). - С. 110–122.

62 Спасенников Б.А., Ветрова И.В., Антипов А.Н., Первозванский В.Б. Гендерно-правовые аспекты мест лишения свободы // Библиотека уголовного права и криминологии. - 2015. - № 4 (9). - С. 66–70.

63 Спасенников Б.А., Воробей С.В., Черкасов С.Н. Охрана материнства и детства в уголовно-исполнительной системе России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. - 2016. - Т. 24. - № 3. - С. 141–144.

64 Филимонов О. В. Предисловие к сборнику «Документы ООН, касающиеся заключенных» // Документы ООН, касающиеся заключенных: сборник / [Ред. совет: Александров Ю.К. и др.]. – М.: Права человека, 2000. – 191 с.

65 Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными / под общ. ред. П.Г. Мищенкова. - М. 1997. – 795 с.

66 Никитенко К.В. Гуманизация исполнения и отбывания наказания в воспитательной колонии (организационно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / К.В. Никитенко. - Хабаровск, 2001. – 198 с.

67 Уткин В.А. Международные стандартные обращения с осужденными и проблемы их реализации. - Томск, 1998. – 88 с.

68 Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила): приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 2010 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml.

69 Князьков А.С. Новый шаг в развитии международных стандартов обращения с осужденными // Вестник Кузбасского института ФСИН России. - 2016. - № 2 (27). – С. 34-38.

70 Международный Пакт. О гражданских и политических правах: от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1976. - № 17. - Ст. 291.

71 Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: принята Резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1982. - № 25. - Ст. 464.

72 Генеральная Ассамблея ООН. Официальные отчеты. Двадцать девятая сессия. Дополнение № 31 (A/9631) // Международное право в документах. - М., 2003. – 879 с.

73 Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. - М., 1957. - Вып. 16. – 608 с.

74 Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. - М., 1957. - Вып. 20. – 707 с.

75 Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. - М., 1990. – 661 с.

76 Минимальные стандартные правила обращения с заключенными // Уголовно-исполнительное право: сборник нормативных актов. - М., 1997. – 544 с.

77 Пленарное заседание Генеральной Ассамблеи ООН. 20 декабря 1971 г. Приложение от 25 мая 1984 г. // Международное право в документах. - М., 1997. – 694 с.

78 Онищенко И.С. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, имеющих малолетних детей: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Рязань, 2019. – 260 с.

79 Указ Президента Республики Казахстан. Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: утв. 15 октября 2021 года, № 674 // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674>.

80 Брезгина Н. Международные стандарты обращения с осужденными и специфика их применения к осужденным женщинам // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2010. - № 3 (94). - С. 17-20.

81 Преобразование мира: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года // https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf.

82 Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы): приняты 17.12.2015 резолюцией 70/175 Генеральной ассамблеи ООН // https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Nelson_Mandela_Rules-R-ebook.pdf.

83 Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан: принят 13 декабря 1997 года № 208 // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 1997. - № 24. – Ст. 337 (утратил силу).

84 Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан. Об утверждении Правил проведения экспертизы временной нетрудоспособности, а

также выдачи листа или справки о временной нетрудоспособности: утв. 18 ноября 2020 года, № КР-ДСМ-198/2020 // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021660>.

85 Бисенова Т.Е. Международные стандарты исполнения лишения свободы в отношении женщин и уровень их имплементации в законодательство РК // Кабылбаевские чтения: материалы междунар. науч. конф. молодых ученых, магистрантов и докторантов. 31 марта 2023. – Костанай: Костанайская академия МВД РК им. Ш. Кабылбаева, 2023. – С. 97-102.

86 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам улучшения качества жизни лиц с инвалидностью: принят 27 июня 2022 года, № 129-VII ЗРК.

87 Закон Эстонской Республики. О тюремном заключении: принят 14 июня 2000 г. (вступил в силу с 01.12.2000 г.) (с изм и доп. по сост. на 20.06.2013 г.). // <https://www.hartran.ee/index.php?id=95> (19.04.2023).

88 Viru vangla // Justiitsministeerium vanglate osakond // <https://www.vangla.ee/et/asutused/viru-vangla>.

89 Швеция арендует камеры в эстонских тюрьмах для решения проблемы увеличения числа заключенных // <https://news.am/>.

90 Кодекс Латвии. Об исполнении наказаний: принят Верховным Советом Латвийской ССР 23 декабря 1970 года (в ред. по сост. на 01.12.2019).

91 Кодекс заключения под стражу: принят Парламентом Грузии 3 сентября 2010 г., № 2696 (по сост. на 23.09.2023 г.) // <https://www.matsne.gov.ge/en/document/view/91612?impose=translated&publication=39>.

92 Махмудов З.Ш. Постпенитенциарная адаптация осужденных в странах СНГ // Вестник Владимирского юридического института. - 2011. - № 2. - С. 195-199.

93 Пертли Л.Ф. Исполнение наказания в виде пожизненного лишения свободы в странах ближнего зарубежья // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2017. - № 1. - С. 21–23.

94 Цатурян М.О. Социально-психологические особенности осужденных женщин первого и последнего года лишения свободы // Современные научные исследования и инновации. - 2014. - № 1 (33) // <https://web.snauka.ru/issues/2014/01/30357>.

95 Уголовно-исполнительный кодекс Республики Армении: принят 15 июня 2021 г. // <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=164938>.

96 Тумасян Д.А. Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы осужденных женщин в Республике Армения // Научный вестник Омской академии МВД России. - 2014. - № 4 (55). – С. 36-38.

97 Свило С.М. Реализация наказания в виде лишения свободы в отношении женщин (на примере Республики Беларусь) // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2011. - № 5. - С. 43–45.

98 Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь: принят 11 января 2000 г., № 365-З (по сост. на 30.06.2022 г.) //

https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414827.

99 Исполнительный кодекс Республики Молдова: принят 24 декабря 2004 г., № 443-XV // <http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=336538&lang=2>.

100 Уголовно-исполнительный кодекс Украины: принят 11 июля 2003 г., № 1129-IV (по сост. на 06.09.2023) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418034.

101 Гальцова Е.В. Содержание принципа уважения прав и свобод человека в уголовно-исполнительном законодательстве, исполнении и отбывании наказаний // Проблемы законности. - 2014. - № 125. - С. 254–261.

102 Королев Р.В. К вопросу о реализации принципа демократизма уголовно-исполнительного законодательства в странах ближнего зарубежья // Правовое государство: теория и практика. - 2015. - № 1 (39). - С. 149–152.

103 Мама в тюрьме: практика и закон // <http://cripo.com.ua/gangsters/?p=144649>.

104 «Основная причина смертей осужденных женщин – онкология». О ситуации в женской колонии Туркменистана // <https://habartm.org/archives/6046>.

105 Уголовно-исполнительный кодекс Туркменистана: принят 25 марта 2011 г., № 164-IV.

106 Уголовно-исполнительный кодекс Кыргызской Республики: принят 31 января 2017 г., № 17.

107 Умиркулов А.Г. Развитие уголовно-исполнительного законодательства Кыргызской Республики // Таврический научный обозреватель. - 2016. - № 9 (14). - С. 124–127.

108 Абдыкеримкызы Г., Жаанбаева Ч.К. К вопросу о правовом положении осужденных военнослужащих // Молодой ученый. - 2015. - № 22. - С. 529–532.

109 Саидов А.А. Уголовно-исполнительное законодательство Республики Узбекистан в свете международных договоров о правах человека и документов ООН, определяющих принципы обращения с осужденными // Право и политика. - 2009. - № 8. - С. 1713–1719.

110 Уголовно-исполнительный кодекс Республики Узбекистан: принят 25 апреля 1997 г., № 409-1.

111 Женщины и несовершеннолетние в колониях Азербайджана // <http://ru.echo.az/?p=58243>.

112 Кодекс Азербайджанской Республики об исполнении наказаний: принят 14 июля 2000 г., № 908-IQ.

113 Кодекс исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан: принят 6 августа 2001 г.

114 Скиба А.П., Юлдошев Р.Р. Освобождение от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного: проблемы межотраслевого регулирования по законодательству России и Таджикистана // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. - 2016. - Т. 15. - № 4 (33). – С. 194-199.

115 Мирзоахмедов Ф.А. Политические и культурные права осужденных к лишению свободы // Правовая жизнь. - 2014. - № 2 (06). - С. 33–47.

116 Таджикские судьи забыли о гуманности? // <https://rus.ozodi.org/a/25309903.html>.

117 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: принят 8 января 1997 г., № 1-ФЗ (в ред. от 28.12.2024) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/.

118 Симонова Ю.И., Бисенова Т.Е. Позитивная дискриминация в отношении женщин, осужденных к лишению свободы: понятие, значение, допустимые пределы // Хабаршы-Вестник. – 2025. - № 1 (87). – С. 156-162.

119 Женщины в тюрьме. - М.: Penal Reform international, 2006. – 102 с.

120 Романов А. В тюрьмах Финляндии // Воспитание и правопорядок. - 1990. - № 2.

121 Радочина Т.Н., Данилов Д.Д., Рахмаев Э.С. Проблемы ресоциализации осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы (пенитенциарный аспект): моногр. - Рязань: Академия ФСИН России, 2010. – 111 с.

122 Гусева С.И. Женская преступность в Финляндии // Человек: преступление и наказание. - 2009. - № 3. - С. 133–135.

123 Жданов Р.С. Проблемы содержания осужденных женщин в зарубежных странах (на примере ФРГ) // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: материалы междунар. науч. конф. адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. Самара, 2017. – С. 55-58.

124 Хеннен К. Материнская любовь за решеткой: женские тюрьмы в Германии // <http://www.dw.com/>.

125 Гришко А.Я. Об имплементации законодательства России и зарубежных стран о наказаниях в виде лишения свободы // Человек: преступление и наказание. - 2016. - № 1 (92). – С. 29-34.

126 Стеничкин Г. Социально-правовое значение отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2003. - № 4. - С. 49–53.

127 Женские исправительные учреждения: время реформ: материалы всерос. семинара «Реформа системы через реформу сознания» руководителей женских исправительных и воспитательных колоний (Краснодар, 2–3 апреля 2001 г.). - М., 2001. – 128 с.

128 Сушко В.А. Совершенствование условий и порядка отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Сушко. - М.: ВНИИ МВД РФ, 1994. – 197 с.

129 Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: хрестоматия / под ред. С. Жеребкина. - Харьков: ХЦГИ; СПб: Алетей, 2001. - С. 306-335.

130 Щербакова Л.М. Женская насильственная преступность в современной России: криминологические проблемы: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2008. – 59 с.

131 Кулешов Р.В. Криминалистически значимые особенности субъектов

преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности: гендерный аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. - №2 (24). - С. 89-93.

132 Варданян А.В. Особенности формирования преступной мотивации у лиц, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости, при совершении ими преступлений против жизни и здоровья личности на сексуальной почве // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2014. - № 3 (30). – С. 163-168.

133 Корзун И.В. Теоретические и прикладные проблемы социально-правового контроля и предупреждения преступности среди женщин (по материалам Республики Казахстан): дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / И.В. Корзун. - Алматы, 2001. – 321 с.

134 Алауханов Е. О. Криминологическая характеристика преступности среди женщин // Фемида. - 2006. - № 11(131). – С. 13-15.

135 Ким Н.П., Кенжеалиева А.В. Об основных направлениях профилактики женской преступности // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2008. – С. 46-47.

136 Жумагазин А. Специфика женской преступности // Вестник казахско-русского международного университета. – 2013 // <https://articlekz.com/article/20751>.

137 Указ Президента Республики Казахстан. Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики Республики Казахстан до 2030 года: утв. 6 декабря 2016 года, № 384.

138 Ганина А.А. Понятие социальной патологии, ее особенности и элементы // Теория и практика современной науки. – 2016. - № 3 (9). – С. 99-102.

139 В рейтинге стран по уровню преступности Казахстан занял 47-е место из 142 // <https://finprom.kz/ru/article/v-rejtinge-stran-po-urovnyu-prestupnosti-kazahstan-zanyal-47-e-mesto-iz-142>.

140 Индекс преступности по странам, середина 2025 г. // https://www.numbeo.com/crime/rankings_by_country.jsp.

141 Калгужинова А.М. К вопросу о правовой основе профилактики полового насилия в Республике Казахстан // Бюллетень науки и практики. – 2016. - № 9 – С. 195-203.

142 Баймолдина С.М. Особенности совершения преступлений в отношении женщин в Республике Казахстан // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2008. - № 4 (12). – С. 83-87.

143 Антонян А.П., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Изнасилование: причины и предупреждение. - М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1990. – 192 с.

144 Официальный сайт Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан // www.pravstat.kz.

145 150 Касимова Э.Р. Женская насильственная преступность в исправительных учреждениях // Вестник Вятского государственного университета. – 2011. - № 2-5. - С. 192-195.

146 Овчинникова И.В., Бисенова Т.Е. Взаимодействие администрации

учреждений уголовно-исполнительной системы с участниками гражданского общества, общественной наблюдательной комиссии и национальным превентивным механизмом // Организация и деятельность органов внутренних дел на современном этапе: проблемы и пути решения: материалы междунар. науч.-практ. конф. 24 октября 2024 г. – Костанай: Костанайская академия МВД РК им. Ш. Кабылбаева, 2024. – С. 350-354.

147 Ломброзо Ч. Женщина преступница и проститутка / Ч. Ломброзо, Г. Ферреро. – Ставрополь: Торба, 1991. – 375 с.

148 Попова С.А. К вопросу о личностных характеристиках женщин, совершающих насильственные преступления / С.А. Попова // Российский следователь. – 2007. – № 21. – С. 24–26.

149 Фетодов И.С. Расследование детоубийств: учеб. пособие / И.С. Фетодов. – М.: Юрлитинформ, 2003. – 200 с.

150 Соловьева Н.А., Елфимова Е.И. Криминалистическая типология женщин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. – 2010. - № 2 (13). – С. 152-154.

151 Сембекова Б.Р. Установление обстоятельств преступлений, совершаемых женщинами // Вестник КарГУ. – 2014. - № 75. – С. 68-74.

152 Каржаубаева Л.М. Преступность несовершеннолетних в Республике Казахстан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2009. – 27 с.

153 Алауханов Е.О., Зарипов З.С., Тукеев А.Ж. Преступность несовершеннолетних и ее профилактика: моногр. - Алматы, 2009. – 300 с.

154 Щербаков И.В. Криминологические особенности изучения личности несовершеннолетних преступников и лиц молодежного возраста, отбывших наказание в виде лишения свободы / И.В. Щербаков // Российский следователь. - 2004. - № 12. - С. 35–36.

155 Рахимбердин К.Х. Проблемы уголовно-исполнительного регулирования: альтернативный взгляд на проект Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года / К.Х. Рахимбердин // «Ғылым-Наука». – 2021. - № 3 (70). – С. 12-19. DOI: 10.47450/2306-451X-2021-70-3-12-19.

156 Алимпиев А.А. К вопросу о достижимости исправительного эффекта в отношении женщин, осужденных к лишению свободы, с учетом негативных личностных свойств, обусловивших совершение преступления / А.А. Алимпиев // Уголовно-исполнительное право. – 2022. – № 3 (17). – С. 371-378.

157 Акимжанов Т.К. О некоторых проблемных аспектах института уголовного наказания как эффективного инструмента предупреждения преступности / Т.К. Акимжанов // Сборник материалов круглых столов, приуроченных к 30-летию Независимости Республики Казахстан. – Қосшы: Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау академиясы, 2021. – С. 20-25.

158 Кийко Н.В. Об актуальных вопросах исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин / Н.В. Кийко // Актуальные вопросы современной криминологической и уголовно-исполнительной науки: тез. докл. Междунар. науч.-практ. заоч. конф. – Минск: Академия МВД, 2020. –

С. 41-43.

159 Bastick M. Women in prison: a commentary on the Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners, Discussion draft, Quaker United Nations Office / M. Bastick. – Geneva, 2005. – P. 3.

160 163 Collica-Cox K. When Doing Gender in the Joint: Perceptions of Being an Effective Woman Leader in Corrections / K. Collica-Cox, D. Schulz // Women & Criminal Justice. – 2019. – № 6 (30). – P. 427-444.

161 Purcell J.A. The state of women's minimum-security federal prisons in the United States: why alternatives to incarceration is essential for the future: thesis for master of science in criminal justice / J.A. Purcell. – 2022. – 49 p.

162 Gordon A. Getting out: women in transition / A. Gordon // American Culture Studies. – 2018 // <https://amcs.wustl.edu/news/getting-out-women-transition>.

163 Правовая статистика. Отчет №1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» // <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>.

164 Правовая статистика. Отчет № 1 «О работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел (2021-2025 гг.)» // <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>.

165 Бисенова Т.Е. Преступность и наказуемость женщин в Казахстане: дополнительные инструменты обеспечения социальной справедливости // Вестник Академии правоохранительных органов. – 2024. - № 2 (32). – С. 104-114.

166 Малина М.А. Уголовные дела о превышении пределов необходимой обороны должны быть подсудны суду с участием присяжных заседателей / М.А. Малина // Юрист-Правовец. – 2021. - № 1 (96) – С. 121-125.

167 Mince-Didier A. Self Defense Laws / A. Mince-Didier // <https://www.criminaldefenselawyer.com/resources/self-defense-laws.htm>.

168 Бисенова Т.Е. Общие вопросы отбывания лишения свободы осужденными женщинами: динамика развития законодательства // Ученые труды Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова. -2024. - № 4 (81). – С. 549-554.

169 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам прав человека в сфере уголовного судопроизводства, исполнения наказания, а также предупреждения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения: принят 17 марта 2023 года, № 212-VII.

170 В РК осужденным матерям предлагают продлить срок пребывания с детьми до 4 лет // <https://inbusiness.kz/ru/last/v-rk-osuzhdennym-materyam-predlagayut-prodlit-srok-prebyvaniya-s-detmi-do-4-let>.

171 Койл Э. Подход к управлению тюрьмой с позиций прав человека: пособие для тюремного персонала. - Лондон, 2002. - 317 с

172 Права человека: сб. универс. и регион. междунар. док. - М., 1990. - 318 с.

173 Симонова Ю.И. Гендерная асимметрия норм уголовно-исполнительного законодательства как отражение современного процесса гуманизации // Правовая реформа в Казахстане. – 2014. - № 3 (67). – С. 48-52.

174 Бисенова Т.Е. Особенности реализации института отсрочки отбывания наказания в отношении женщин // Ғылым - Наука. – 2023. - № 2 (77) – С. 160-165. DOI: 10.47450/2306-451X-2023-77-2-160-165.

175 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Казахстан: принят 21 декабря 2002 года, № 363-ІІ // «Юридическая газета». – 2003. - 15 января.

176 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Казахстан и Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях по вопросам упрощения процедур расследования уголовных дел, декриминализации некоторых составов преступлений и совершенствования законодательства об административных правонарушениях: принят 9 декабря 2004 года, № 10-ІІІ // Ведомости Парламента Республики Казахстан. - 2005. - № 23. - Ст. 139.

177 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам уголовно-исполнительной системы: принят 26 марта 2007 года, № 240-ІІІ // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2007. - № 5-6. - Ст. 40.

178 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы Республики Казахстан по вопросам совершенствования судебной системы: принят 10 декабря 2009 года, № 227-ІV // Ведомости Парламента РК. - 2009. - № 24 (2553). - Ст. 127.

179 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам дальнейшей гуманизации уголовного законодательства и усиления гарантий законности в уголовном процессе: принят 18 января 2011 года, № 393-ІV // Ведомости Парламента РК. - 2011. - № 2 (2579). - Ст. 19.

180 Закон Республики Казахстан. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования правоохранительной деятельности и дальнейшей гуманизации уголовного законодательства: принят 9 ноября 2011 года, №490-ІV // Ведомости Парламента РК. - 2011. - № 19. - Ст. 145.

181 Саядян С.Г. Основания и условия применения отсрочки отбывания наказания // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. - № 4. – С. 160-166.

182 Петрова И.А. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.А. Петрова. – М., 2005. – 221 с.

183 Зиядова Д.З., Гаджирамазанова П.К. Уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и криминологические проблемы отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей // Следователь. - 2003. - № 2. - С. 58-62.

184 Волошин В.М. Совершенствование правоприменительной практики назначения отсрочки отбывания наказания // Российская юстиция. - 2018. - № 7. - С. 38-40.

185 Как наличие детей влияет на приговоры: разъяснения ВС // <https://pravo.ru/story/240616/>.

186 Токубаев З.С., Бисенова Т.Е. Пенитенциарная практика в отношении осужденных женщин (расстановка отдельных акцентов) // Хабаршы-Вестник. - 2025. - № 2 (88). - С. 246-254.

187 Красильникова М.С. Уголовно-исполнительные вопросы отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) // Вестник Кузбасского института. - 2013. - № 3 (16). - С. 66-69.

188 Гитинова М.М. Социально-демографическая характеристика женщин, совершающих преступления против жизни и здоровья (по материалам Республики Дагестан) // Актуальные проблемы российского права. 2010. - № 1. - С. 267-275.

189 Ежова О. Проблема ресоциализации осужденных женщин // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2009. - № 11. - С. 10-15.

190 Ситникова А.А. Проблемы исполнения наказания и реабилитации женщин // Полицейская и следственная деятельность. - 2016. - № 4. - С. 9-14.

191 Минстер М.В. Правовое регулирование и практика реализации права на свидания женщин, осужденных к лишению свободы // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. - 2016. - № 3-4 (18). - С. 98-99.

192 Уткин В.А. Гибридные исправительные учреждения и международные стандарты // Уголовно-исполнительное право. - 2014. - № 2 (18). - С. 7-11.

193 Уткин В.А. Новая концепция развития уголовно-исполнительной системы: основания и принципы // Вестник Кузбасского института. - 2018. - № 4 (37). - С. 99-103.

194 Уткин В.А., Киселев М.В., Савушкин С.М. «Гибридные» и «мультирежимные» пенитенциарные учреждения: преимущества и риски // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2018. - № 29. - С. 103-113.

195 Саламатов Е.А. Как уменьшить государственные расходы в вопросе этапирования заключенных // <https://www.zakon.kz/4888059-kak-umenshit-gosudarstvennye-rashody-v.html>.

196 Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec(2006)2 государствам-членам Совета Европы о Европейских пенитенциарных правилах: принята Комитетом министров 11 января 2006 года на 952-й встрече постоянных представителей министров // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31211446&pos=6;-106#pos=6;-106&sdoc_params=text.

197 Тажгарина Б. Защита прав осужденных женщин // Вестник Атырауского университета имени Халела Досмухамедова. - 2024. - № 2 (73). - С. 221-230.

198 Женщины-заключенные – кто они? Результаты исследований в Казахстане и Кыргызстане // Penal Reform International. – 2014. – 28 с.

199 Bisenova T., Darmenov A., Kim N. The structure of prison sentencing as a mechanism for enhancing the effectiveness of women's resocialization // Balkan Social Science Review, Vol. 25, June 2025 - P. 137-157.

200 Бисенова Т.Е. О необходимости учета психологических особенностей женщин, осужденных к лишению свободы // Парадигма современной науки в условиях модернизации и инновационного развития научной мысли: теория и практика: материалы междунар. науч.-практ. конф. 12 апреля 2023 г. – Костанай: Костанайский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», 2023. – С. 32-28.

201 Бисенова Т.Е. Психологическое восприятие «состояния несвободы» // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: материалы Всероссийской науч. конф. обучающихся и молодых ученых с международным участием. 21 апреля 2023 г. Ч. I. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2023. – С. 44-47.

202 Права человека в управлении правосудием: принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 22 марта 2004 г. // <http://undocs.org/ru/A/RES/58/183>.

203 Латинская Америка: дети в тюрьмах вместе с матерями / пер. К.Г. Сенниковой // <https://www.zakon.ru/news/72/8477>.

204 Савушкин С.М. О видах исправительных учреждений // Пенитенциарная наука. – 2021. - Т. 15. - № 4 (56). - С. 742–752.

205 Курдюкова Е.А. Пенитенциарно-правовой институт защиты материнства и детства в местах лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Е.А. Курдюкова. – М., 2024. – 30 с.

206 Музычук Т.Л., Кулакова С.В., Суслов Ю.Е., Самойлова А.А. Криминально-личностные особенности осужденных женщин фертильного возраста, содержащихся в пенитенциарных учреждениях России // Всероссийский криминологический журнал. - 2018. - Т. 12. - № 4. - С. 525–530.

207 Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных: дис. ... д-ра юрид. наук / А.Л. Ременсон. - Томск: Том. гос. ун-т, 1965. - 998 с.

208 Аванесов Г.А. Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система): дис. ... канд. юрид. наук. - М. : Высш. шк. МООП СССР, 1966. - 320 с.

209 Бажанов О.И. Прогрессивная система исполнения наказания / науч. ред. Г.А. Туманов. - Минск: Наука и техника, 1981. - 168 с.

210 Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. - М.: Зерцало, 1997 г. - 144 с.

211 Малин П.М. Проблема правового стимула в прогрессивной системе исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. - 2008. - № 6 // <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pravovogo-stimula-v-progressivnoy-sisteme-ispolneniya-i-otbyvaniya-nakazaniya-v->

vide-lisheniya-svobody.

212 Уткин В.А. Ресоциализация и прогрессивная система // Новый юридический журнал. - 2012. - № 3. – С. 53-60.

213 Астемиров З.А. Уголовно-исполнительное право: курс лекций. - Махачкала, 2000. – 112 с.

214 Южанин В.Е. О российской «прогрессивной системе» исполнения наказания в виде лишения свободы // Современное уголовно-исполнительное законодательство: проблемы теории и практики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. - Рязань, 2007. – С. 30-38.

215 Наташев А.Е. Неприемлемость «прогрессивной системы» отбывания лишения свободы // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. - Саратов, 1961. – С. 245-251.

216 Березиков С.В. Правовые и организационные аспекты обеспечения эффективности дифференциации условий отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительных колониях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Березиков. - М., 2012. – 33 с.

217 Зверева О.Н. Реализация принципа индивидуализации наказания при исполнении лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. – 28 с.

218 Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 2007. – 237 с.

219 Бабаян С.Л. Развитие поощрительных институтов уголовно-исполнительного права – важная задача уголовно-исполнительной системы России // Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний: материалы Междунар. науч.-теорет. семинара, посв. памяти проф. Н.А. Стручкова и М.П. Мелентьева (Рязань, 19 апр. 2013 г.). - Рязань: Академия ФСИН России, 2013. – С. 67-73.

220 Тепляшин П.В., Тепляшина Е.А. Применение методик экстракорпорального оплодотворения осужденных женщин, отбывающих лишение свободы: правовой и медицинский аспекты // Вестник Кузбасского института. – 2018. - № 3 (36). – С. 95-103.

221 Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан. Об утверждении Правил оказания медицинской помощи лицам, содержащимся в следственных изоляторах и учреждениях уголовно-исполнительной системы: утв. 30 июня 2022 г., № ҚР ДСМ–61 // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200028669>.

222 Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан. Об утверждении правил и условий проведения вспомогательных репродуктивных методов и технологий: утв. 15 декабря 2020 года, № ҚР ДСМ-272/2020 // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021816>.

223 Как получить квоту на ЭКО // <https://www.gov.kz/situations/321/intro?lang=ru>.

224 Бисенова Т.Е. «Право на беременность» осужденных к лишению свободы женщин: проблемы реализации // Организация и деятельность органов внутренних дел на современном этапе: проблемы и пути решения: материалы

междунар. науч.-практ. конф. 27 октября 2023 г. – Костанай: Костанайская академия МВД РК им. Ш. Кабылбаева, 2023. – С. 178-180.

225 Латышева Л.А. Особенности ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы // Вестник института. Преступление, наказание, исправление. – 2014. - № 2 (26) – С. 94-98.

226 Мыктыбаева С., Куракбаев К., Бурибаева Ж., Туреханова А., Медельбекова М., Имашева Б. Медико-социальные проблемы женщин в местах лишения свободы: обзор литературы // Репродуктивная медицина (Центральная Азия). – 2024. - № 4. – С. 36-44.

227 Рахимбердин К.Х., Акылбекова Р.М. Бангкокские правила ООН: социально-юридическая ценность и значимость для защиты женщин в местах лишения свободы // Вестник Кузбасского института. - 2023. - № 2 (55). - С. 131–138.

228 Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан. Об утверждении Правил внутреннего распорядка учреждений уголовно-исполнительной системы: издан 17 ноября 2014 года № 819.

229 Водоснабжение, санитария, гигиена и среда обитания в тюрьмах: дополнительное руководство Международного Комитета Красного Креста. - 2015. - 88 с. // https://www.icrc.org/sites/default/files/document/file_list/4083_005-ebook.pdf.

230 Dirk van Zyl and Sonja Snacken, Principles of European Prison Law and Policy, Oxford University Press, 2009. P. 132.

231 Исаев Л.Н. Некоторые проблемы применения уголовно-исполнительного законодательства, регулирующего порядок отбывания наказаний в виде лишения свободы осужденными женщинами // Вестник Владимирского юридического института. - 2007. - № 2. - С. 17–21.

232 Губенкова Е.В. Принцип гуманизма и проблемы его реализации при исполнении наказания в виде лишения свободы (по материалам Астраханской области): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.В. Губенкова. – Волгоград, 2008. – 26 с.

233 Бочкарев В.В. Уголовно-исполнительные средства реализации частно-предупредительной функции наказания в виде лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.В. Бочкарев. – Н. Новгород, 2018. – 32 с.

234 Третьякова О.В. Юридическая конвергенция: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / О.В. Третьякова. – Владимир, 2012. – 43 с.

235 Приказ Минюста России. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы: издан 04 июля 2022 г., N 110 (ред. от 27.01.2025).

236 Пертли Л.Ф. Правовое регулирование материально-бытового обеспечения осужденных в учреждениях УИС России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Л.Ф. Пертли. – М., 2006. – 28 с.

237 Давыдова Н.В. Гигиеническая оценка состояния здоровья и условий содержания несовершеннолетних осужденных женского пола в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.00.07 / Н.В. Давыдова. – М., 2009. – 25 с.

238 Самарина Е.А. Социально-гигиенические аспекты состояния здоровья женщин, находящихся в исправительных учреждениях: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.02.03 / Е.А. Самарина. – М., 2018. – 25 с. С. 12,23

239 Спасенников Б.А. Уголовно-исполнительная система: пенитенциарная гигиена и санитария // На пути к гражданскому обществу. – 2017. - № 4 (28). – С. 76-78.

240 Ветрова И.В. Особенности исполнения наказания в отношении осужденных к лишению свободы женщин // Вестник Кузбасского института. – 2015 // <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolneniya-nakazaniya-v-otnoshenii-osuzhdyonnyh-k-lisheniyu-svobody-zhenschin>.

241 Хижняк В.И. Реализация международных стандартов обращения с осужденными в уголовно-исполнительной политике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.И. Хижняк. – Ростов-на-Дону, 2004. – 28 с.

242 Скаков А.Б. Об организации реабилитационного процесса осужденных в пенитенциарной системе Казахстана / А.Б. Скаков. // Международный пенитенциарный журнал. – 2017. – Т. 3. – № 1. – С. 47–50.

243 Денисова В.А. Материнство как социально-культурный феномен с позиции различных психологических направлений // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012. – № 2 (18).

244 Венгер А.Л. Ребенок в обществе: исторический кризис детства // Вопросы психологии. - 2008. - № 4. - С. 3–12.

245 Большунова Н.Я., Подосинов В.Н., Лисиченко О.В. Возможность подготовки матерей к материнской терапии ребенка дошкольного возраста с проблемами в развитии // Психология. Психофизиология. - 2024. - Т. 17. - № 4. - С. 87–97.

246 Омельченко О.А. Пробелы в правовом регулировании отбывания наказания осужденными беременными женщинами и женщинами, имеющими малолетних детей, в исправительных учреждениях на территории Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2015. - № 5. - С. 18-21.

247 Грицкевич Н.К., Долгих А.А., Большунова Н.Я. Психологическая характеристика системы ценностей женщины-матери // Вестник ТГПУ. – 2015. - № 3 (156). – С. 14-18.

248 Даренских С.С., Ипполитова Е.А., Гурова О.С. Ценностно-смысловое содержание жизненных перспектив женщин с разным социальным статусом // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 2 (107). – С. 363-366.

249 Мухина В.С. Проблема материнства и ментальности женщин в местах лишения свободы // Развитие личности. – 2003. - № 1. – С. 141-153.

250 Завадская Л.Н., Зотова З.М., Михлин А.С. и др. Гендерная экспертиза российского законодательства / отв. ред. и рук. авт. коллектива Л.Н. Завадская. -

М., 2001. – 255 с.

251 Уманская И.А., Тихомирова Е.В. Материнство в системе психологических ресурсов осужденных женщин // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 2 (107). – С. 90-97.

252 Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан. Об утверждении Правил проведения воспитательной работы с осужденными к лишению свободы: издан 13 августа 2014 года, № 508.

253 Русина В.В. Женщины в пенитенциарной системе. Гендерный аспект проблемы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2012. – № 3. – С. 13–18.

254 Смирнов А.М., Андреев С.Н. Характеристика осужденных женщин, состоящих на профилактическом учете в исправительных учреждениях // Вестник Кузбасского института. – 2017. – № 1 (30). – С. 96-100.

255 Аккулев А.Ш. Вопросы наименования мест лишения свободы по новому Уголовно-исполнительному кодексу Республики Казахстан // Вестник института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2015. – № 2 (38). – С. 79-82.

256 От отрядно-барачного содержания отходят в тюрьмах Казахстана // <https://www.zakon.kz/sobytiia/6388434-ot-otryadnobarachnogo-soderzhaniya-otkhodyat-v-tyurmakh-kazahstana.html>.

257 Почти втрое увеличат процент покамерного содержания осужденных в Казахстане // https://www.inform.kz/ru/pochti-vtroie-uvelichat-procent-pokamernogo-soderzhaniya-osuzhdennyh-v-kazahstane_a4050524.

258 Литвишков В.М., Вилкова А.В., Швырев Б.А. Проблемы непрерывного обучения персонала информационной безопасности // УИС: право, экономика, управление. – 2019. – № 5. – С. 37-40.

259 Овчарова Е.В. Алгоритм работы психолога по определению степени исправления осужденного // Прикладная юридическая психология. – 2021. – № 4(57). – С. 46-52.

260 Казберов П.Н. Вопрос формирования компетентности пенитенциарных сотрудников в аспектах покамерного размещения и содержания осужденных // Образование и право. – 2024. – № 3. – С. 357-361.

261 Социальный кодекс Республики Казахстан: принят 20 апреля 2023 года, № 224-VII ЗРК.

262 Шляпникова О.В., Сидорова Н.А. Пробелы в правовом регулировании отбывания наказания осужденными беременными женщинами и женщинами, имеющими малолетних детей, в исправительных учреждениях на территории Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 5 (112). – С. 126-130.

263 Абрамова Н.Г. Защита материнства и детства в пенитенциарной системе Российской Федерации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2017. – С. 71-75 // <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-materinstva-i-detstva-v-penitentsiarnoy-sisteme-rossiyskoy-federatsii>.

264 Полякова О.В., Осокин Р.Б. Достижение результатов исправительного воздействия при исполнении лишения свободы в отношении осужденных лиц женского пола: специфика, основные проблемы и пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. - № 3. – С. 130-135.

265 Кодекс Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье: принят 26 декабря 2011 года, № 518-IV.

266 Нормативное Постановление Верховного Суда Республики Казахстан. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей: утв. 29 ноября 2018 года, № 15 (с изм. И до. по сост. на 25.12.2024 г.).

267 Яворчук И.А. Вопросы дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в исправительных колониях общего режима в отношении осужденных женщин: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.А. Яворчук. – М., 2009. – 25 с.

268 Зауторова Э.В. Особенности формирования семейных ценностей у осуждённых в местах лишения свободы // Социально-политические исследования. - 2024. - № 3(24). - С. 172-184.

269 Андриенко В.А. Равенство граждан по признаку пола в уголовном праве и его соблюдение при реализации уголовной ответственности и наказания женщин: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Андриенков. – Ростов-на-Дону, 2007. – 27 с.

270 Датий А.В., Кармоновский В.В., Макаревич З.Б., Федосеев А.А. Уголовно-исполнительная характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. - 2011. - № 1. - С. 43–45.

271 Лапина К.В. Осуществление родительских прав и исполнение обязанностей лицами, осужденными к лишению свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / К.В. Лапина. – Краснодар, 2010. – 24 с.

272 Толченкина М.Э. Уголовно-исполнительная политика государства в сфере обеспечения семейно-правового статуса лиц, осужденных к лишению свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08, 12.00.03 / М.Э. Толченкина. – Рязань, 2014. – 24 с.

273 Абрамова Н.Г. Особенности семейной правосубъектности осужденных лиц к лишению свободы // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – С. 64-65 // <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-semeynoy-pravosubektnosti-osuzhdennyh-lits-k-lisheniyu-svobody>.

274 Тлеугалиева Д.А. К вопросу осуществления родительских прав и исполнения обязанностей лицами, осужденными к лишению свободы // Студенческая наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 07 июня 2022 года. - Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. - С. 177-179.

275 Глебова Е.В. Проблемы осуществления родительских прав лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы // Ведомости уголовно-

исполнительной системы. - 2023. - № 9 (256). - С. 16-23.

276 Приказ Министра образования и науки Республики Казахстан. Об утверждении Правил оказания государственных услуг в сфере семьи и детей: издан 24 апреля 2020 года, № 158.

277 Борченко В.А. Проблемы осуществления родительских прав и исполнения обязанностей лицами, осужденными к лишению свободы // Вестник Самарского юридического института. - 2012. - № 1(6). - С. 47-50.

278 Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан. Об утверждении Правил перевода осужденного для поддержания социально полезных связей: издан 31 мая 2017 года, № 375.

279 Шумова В.Д., Кузнецова Н.В. Особенности реализации семейных прав и обязанностей лицами, заключенными под стражу и отбывающими наказание в местах лишения свободы // Аграрное и земельное право. - 2025. - № 4. - С. 259-261.

280 Приказ Заместителя Премьер-Министра - Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан. Об утверждении перечня гарантированного объема специальных социальных услуг: издан 15 июня 2023 года, № 221.

281 Чевтаева Н.Г., Качанова Е.А., Никитина А.С. «Мягкие» и «жесткие» стратегии социального контроля: наркопотребления // Социологические исследования. - 2018. - № 11. - С. 152-156.

282 Апахова В.М., Ватропин А.С. Женский персонал исправительных учреждений в России: основные функции и особенности использования // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе (X Уральский демографический форум): сб. материалов междунар. науч. конф. 10-11 июня 2019 г. – Екатеринбург, 2019. - С. 68-71.

283 Кутуков Н.Н. Организация и правовые основы обеспечения безопасности персонала исправительных учреждения ФСИН России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Н.Н. Кутуков. – Рязань, 2014. – 23 с.

284 Емельянов Н.С. Криминологическое исследование конфликтов с участием осужденных: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.С. Емельянов. – Рязань, 2015. – 25 с.

285 Минстер М.В. Правовое положение женщин, осужденных к лишению свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.В. Минстер. - Иркутск, 2009. - 23 с.

286 Киселева Р.Н., Тоболевич О.А. Гендерные аспекты организационной культуры уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. – 2015. - № 3. – С. 34-38.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Анкета для женщин, отбывающих лишение свободы в Республики Казахстан

Уважаемые респонденты!

Просим Вас принять участие в анкетировании по проблемным вопросам отбывания наказания осужденными женщинами в казахстанских учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Нам важно узнать ваше мнение для того, чтобы составить представление о том, какими были причины Вашего осуждения к лишению свободы, а также о том, как проходит для Вас процесс отбывания наказания и какие обстоятельства являются для Вас наиболее затруднительными. Также нас интересуют Ваши пожелания относительно тех или иных изменений, которые были бы желательными для более благополучного пребывания в местах лишения свободы.

Анонимность и конфиденциальность полученных данных гарантируется. Все результаты будут использованы исключительно в обобщенном виде и в научных целях.

1. Укажите, пожалуйста, Ваш возраст:

- 1) До 18 лет
- 2) 19-24 года
- 3) 25-29 лет
- 4) 30-39 лет
- 5) 40-49 лет
- 6) 50-60 лет
- 7) более 60 лет

2. По какой статье уголовного кодекса (статьям) Вы отбываете наказание в данный момент (если затрудняетесь указать статьи уголовного кодекса, то можете просто указать название преступления или его характеристики)

3. Какой срок наказания в виде лишения свободы был назначен Вам судом?

- 1) до 1-го года;
- 2) до 3-х лет;
- 3) до 5-ти лет;
- 4) до 7-ми лет;
- 5) до 10-ти лет;
- 6) свыше 10-ти лет.

4. Предоставлялась ли Вам отсрочка отбывания наказания, условное осуждение или иные варианты, не связанные с реальным отбыванием наказания в виде лишения свободы?

- 1) да;
- 2) нет;

3) затрудняюсь с ответом;

4) Ваш вариант

5. *Какие из перечисленных обстоятельств в связи с совершенным преступлением, имели место в Вашем случае (укажите все варианты, которые имеют отношение к Вашей ситуации)?*

1) преступление было совершено группой лиц;

2) преступление было совершено на почве семейно-бытовых отношений;

3) преступление было совершено в отношении близкого родственника или знакомого;

4) преступление было связано с хищением чужого имущества;

5) преступление было совершено в связи с материальными затруднениями;

6) преступление было совершено в состоянии алкогольного опьянения;

7) преступление было связано с наркотическими средствами или психотропными веществами;

8) преступление было совершено в отношении несовершеннолетнего;

9) преступление связано с причинением смерти другому лицу;

10) преступление было связано с причинением вреда здоровью другого человека;

11) преступление имело коррупционный характер;

12) преступление было связано с нарушением правил дорожного движения;

13) преступление было связано с трудовой или служебной деятельностью;

14) Ваш вариант (если пожелаете указать)

6. *Укажите, в какой раз Вы отбываете наказание в виде лишения свободы?*

1) впервые;

2) во второй раз;

3) более 2-х раз;

7. *Осуждались ли Вы ранее за совершение уголовных правонарушений к наказаниям, не связанным с лишением свободы?*

1) да, один раз;

2) да, более одного раза;

3) да, более двух раз

4) нет, не осуждалась.

8. *Что из перечисленного относится к Вашей ситуации, которая имела место на момент совершения преступления (укажите все подходящие варианты)?*

1) не имела постоянного источника дохода;

2) не работала в связи с тем, что осуществляла уход за ребенком в возрасте до 3-х лет;

3) не работала, так как занималась домашним хозяйством;

4) имела серьезные материальные затруднения;

5) подвергалась бытовому насилию со стороны супруга (сожителя) или

иных членов семьи;

- 6) состояла в разводе;
  - 7) в одиночку воспитывала ребенка (детей);
  - 8) часто употребляла алкоголь;
  - 9) употребляла наркотические средства или психотропные вещества;
  - 10) ничего из перечисленного;
  - 11) Ваш вариант (если есть желание указать)
9. *Какое образование Вы имели на момент совершения преступления?*

- 1) неполное среднее;
- 2) среднее общее;
- 3) среднее специальное;
- 4) незаконченное высшее;
- 5) высшее
- 6) Ваш вариант

10. *Укажите, пожалуйста, что из указанного относится к обстоятельствам, в которых Вы воспитывались (выберите все подходящие варианты)?*

- 1) полная семья (оба родителя);
- 2) неполная семья (один из родителей);
- 3) воспитывалась отчимом;
- 4) воспитывалась мачехой;
- 5) воспитывалась в многодетной семье (4 и более ребенка);
- 6) воспитывалась в благополучной семье;
- 7) воспитывалась в неблагополучной семье;
- 8) воспитывалась в детском доме (интернате);
- 9) воспитывалась дедушкой, бабушкой или иными родственниками;
- 10) Ваш вариант (если есть желание дополнить)

11. *Укажите, пожалуйста, Ваше семейное положение на момент совершения преступления (отметьте все подходящие ответы):*

- 1) состояла в браке;
- 2) была в разводе;
- 3) имела совершеннолетнего ребенка (детей);
- 4) имела несовершеннолетнего ребенка;
- 5) имела двух и более несовершеннолетних детей;
- 6) имела ребенка в возрасте до 14 лет;
- 7) имела двух и более детей в возрасте до 14 лет;
- 8) не имела детей.
- 9) Ваш вариант (если есть желание дополнить)

12. *Укажите пожалуйста, какие из перечисленных позитивных изменений имели место в Вашей ситуации уже в период пребывания в местах лишения свободы (выберете все подходящие или отрицательный ответ):*

- 1) заключила брак;
- 2) родила ребенка;
- 3) получила образование;

- 4) получила профессиональную подготовку;
- 5) улучшила состояние здоровья;
- 6) избавилась от алкогольной зависимости;
- 7) избавилась от наркотической зависимости;
- 8) улучшилось психологическое состояние;
- 9) восстановила связь с членами семьи;
- 10) ничего из перечисленного;
- 11) Ваш вариант (если есть желание дополнить)

13. *Какие негативные изменения, на Ваш взгляд, произошли в Вашей жизненной ситуации в связи с отбыванием лишения свободы (выберите все подходящие ответы или отрицательный ответ):*

- 1) состоялся развод с супругом;
- 2) утрачены связи с детьми;
- 3) утрачены связи с родителями и иными близкими родственниками;
- 4) утратила планы на будущее, не вижу возможности позитивных изменений в жизни;
- 5) чувствую осуждение со стороны родственников и знакомых;
- 6) ухудшилось состояние здоровья;
- 7) ухудшилось психологическое состояние;
- 8) не имею материальных возможностей для удовлетворения необходимых потребностей;
- 9) Ваш вариант

14. *Если у Вас имеется ребенок (дети), то где он (они) находятся в настоящее время?*

- 1) со мной, в доме ребенка при учреждении;
- 2) у родственников;
- 3) у супруга;
- 4) у бывшего супруга;
- 5) в детском учреждении;
- 6) не знаю;
- 7) не имею детей;

15. *Ваш вариант (если есть желание дополнить или уточнить)*

16. *Какую степень поведения Вы имеете на момент заполнения данной анкеты?*

- 1) третья положительная;
- 2) вторая положительная;
- 3) первая положительная;
- 4) не имею определенной степени поведения;
- 5) первая отрицательная;
- 6) вторая отрицательная;
- 7) третья отрицательная;
- 8) затрудняюсь с ответом;
- 9) Ваш вариант (если есть желание дополнить)

17. *Имели ли Вы за период отбывания наказания поощрения от*

администрации учреждения?

- 1) да, имею одно поощрение;
- 2) да, имею два и более поощрения;
- 3) да, имею более пяти поощрений;
- 4) затрудняюсь с ответом;
- 5) Ваш вариант

18. Какие из перечисленных видов дисциплинарного взыскания и сколько раз применялись к Вам в период отбывания наказания?

- 1) замечание два и более раза;
- 2) выговор;
- 3) выговор два и более раза;
- 4) водворение в дисциплинарный изолятор;
- 5) водворение в дисциплинарный изолятор два и более раза;
- 6) перевод в одиночную камеру;
- 7) замечание;
- 8) перевод в одиночную камеру два и более раза;
- 9) отмена права проживания вне общежития и запрещения выхода за пределы территории учреждения в свободное от работы время на срок до тридцати суток (если Вы отбываете наказание в учреждении минимальной безопасности);

- 10) не подвергалась взысканиям;
- 11) Ваш вариант (если есть желание дополнить или уточнить)

19. Каким образом Вы чаще всего поддерживаете связь с близкими родственниками (детьми) (укажите все подходящие варианты)?

- 1) краткосрочные свидания;
- 2) длительные свидания;
- 3) переписка;
- 4) телефонные разговоры;
- 5) посредством получения посылок, бандеролей, передач;
- 6) посредством получения денежных переводов;
- 7) выезды за пределы учреждения;
- 8) общаюсь с ребенком в доме ребенка учреждения;
- 9) не поддерживаю связи с родными и детьми;

20. Ваш вариант (при желании дополнить или уточнить)
Какое обстоятельство в настоящее время является для Вас наиболее тревожным в Вашей жизненной ситуации (укажите 3-4 варианта, которые считаете наиболее важными)?

- 1) учреждение находится далеко от места моего жительства и места жительства моих близких;
- 2) в период отбывания наказания у меня заметно ухудшилось здоровье;
- 3) не имею возможности достаточных контактов с детьми;
- 4) имею риски остаться без семьи по причине отбывания наказания;
- 5) опасаясь, что не успею завести детей;
- 6) не имею возможности заработка и нормального обеспечения своих

потребностей;

7) не имею возможности для трудоустройства в месте отбывания наказания;

8) потеряла связь с близкими родственниками за время отбывания наказания;

9) опасаясь, что после освобождения не буду иметь возможности нормально обустроить свою жизнь (найти работу, иметь жилье, получать нормальную медицинскую помощь и т.д.);

10) ничего из перечисленного;

11) Ваш вариант (при желании дополнить и уточнить)

21. *Что из перечисленного, на Ваш взгляд, могло бы заметно улучшить Ваше пребывание в изоляции от общества?*

1) увеличение нормы жилой площади;

2) расширение оснований и количества выездов за пределы учреждения;

3) улучшение материально-бытовых условий (например, проживание в помещениях с меньшим количеством осужденных; разрешение на какие-либо дополнительные предметы быта и т.д.);

4) улучшение медико-санитарного обслуживания;

5) получение доступа к вспомогательным репродуктивным технологиям для возможности рождения ребенка (процедуры ЭКО и др.);

6) увеличение количества длительных и краткосрочных свиданий;

7) увеличение количества телефонных переговоров;

8) повышение норм питания;

9) Ваш вариант (при желании дополнить и уточнить)

22. *Если у Вас имеется желание дополнить анкету, выразить свое мнение, пожелания, то мы будем Вам благодарны, если Вы их укажете:*

Благодарим Вас за оказанное содействие!!!!

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Аналитическое обобщение результатов анкетирования, проведенного среди женщин, отбывающих лишение свободы в Республики Казахстан

Всего в опросе приняли участие 1820 респондента: учреждение №23 Департамента уголовно-исполнительной системы по области Абай - 179 респондентов, учреждение №10 Департамента уголовно-исполнительной системы по г.Алматы, по Алматинской области и области Жетісу - 544 респондента, учреждение №79 Департамента уголовно-исполнительной системы по Атырауской области – 211 респондентов, учреждение №32 Департамента уголовно-исполнительной системы по Карагандинской области и области Ұлытау - 417 респондентов, учреждение №50 Департамента уголовно-исполнительной системы по СКО - 294 респондента, учреждение №78 Департамента уголовно-исполнительной системы по г. Шымкент и Туркестанской области - 175 респондентов.

Таблица Б. 1 – Возрастная категория опрошенных

Таблица Б.2 – Состав уголовного правонарушения, по осуждению в совершении которого отбывается лишение свободы.

Таблица Б.3 – Назначенный срок лишения свободы

Таблица Б.4 – Информация о предварительном применении мер уголовно-правового характера

Таблица Б.5 – Параметры криминологической характеристики совершенного преступления

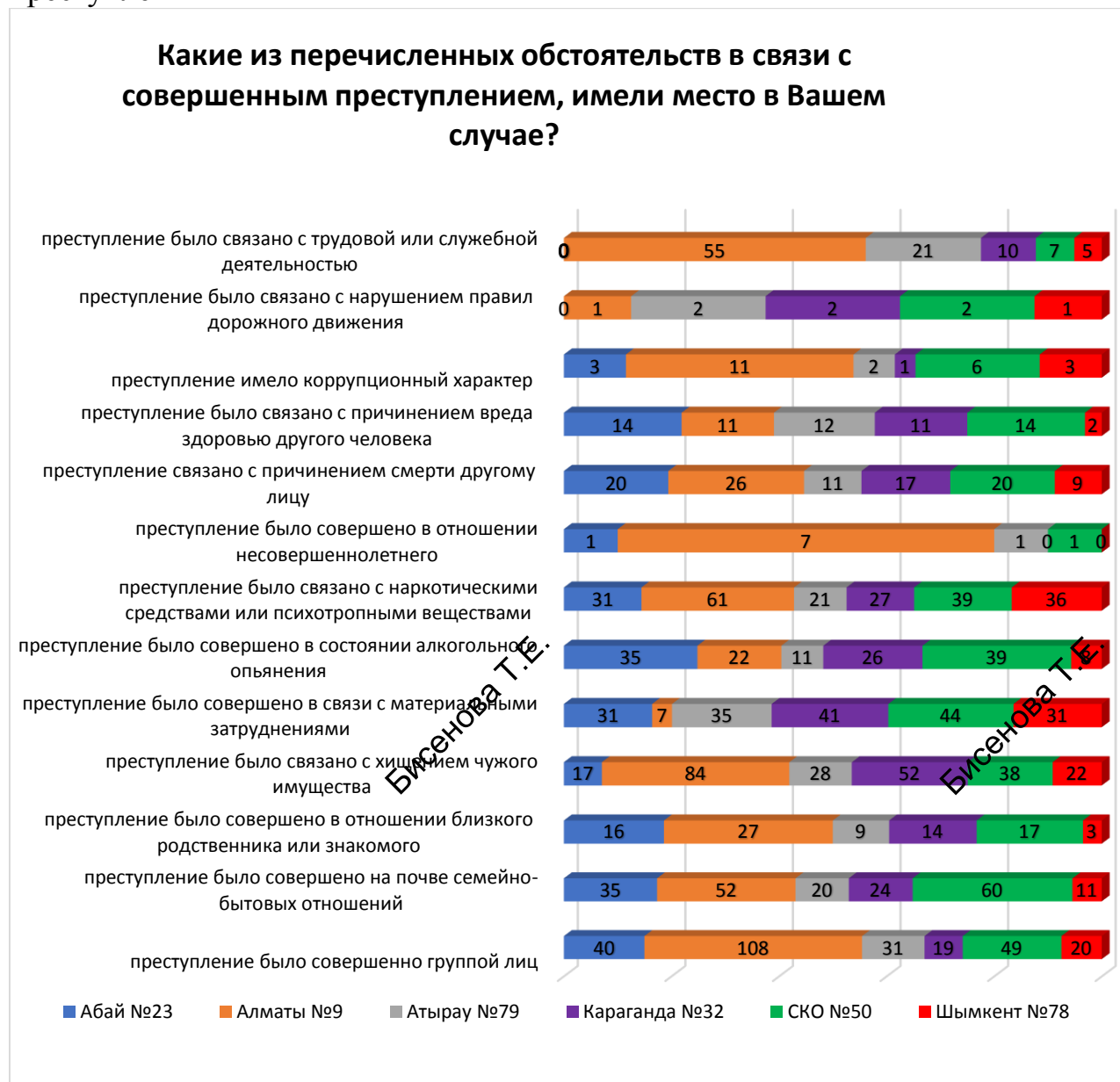

Таблица Б.6 – Количество случаев отбывания лишения свободы

Таблица Б.7 – Наличие (отсутствие) предшествующего факта осуждения к лишению свободы

Таблица Б.8 – Обстоятельства личной жизненной ситуации осужденной на момент совершения преступления

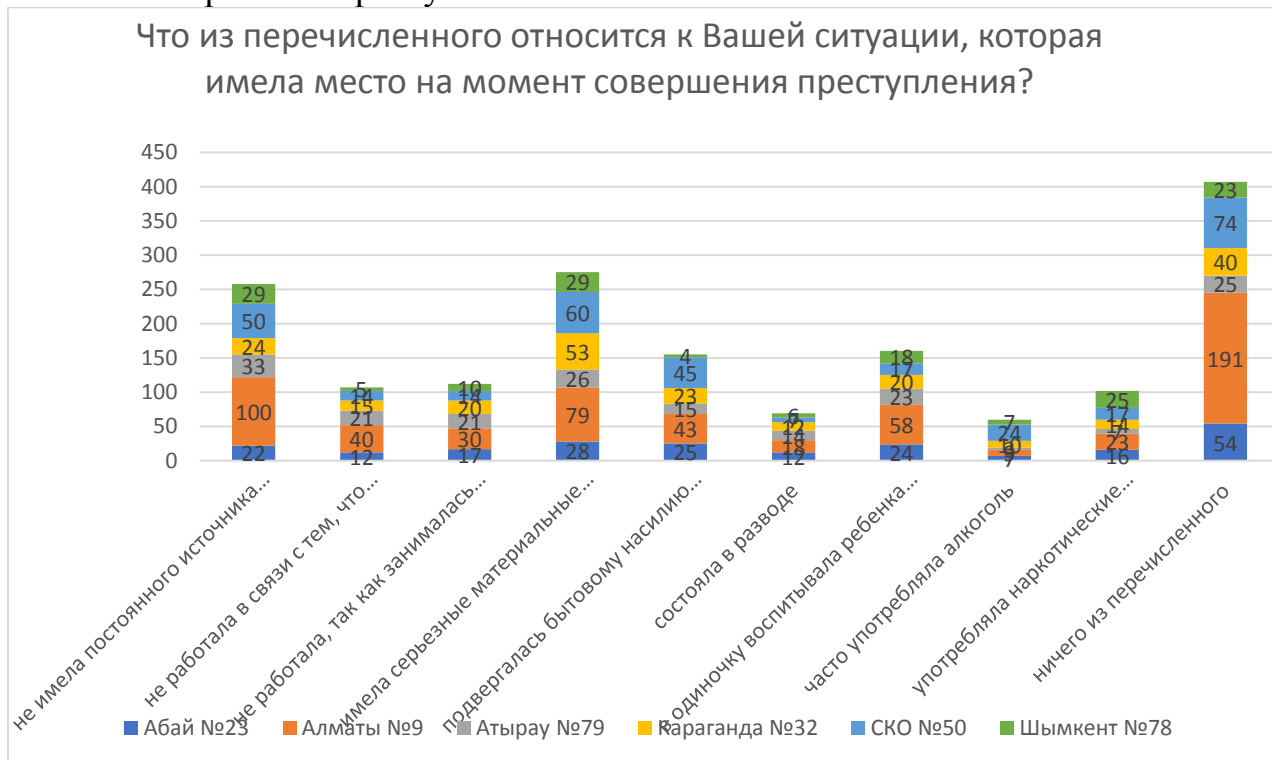

Таблица Б. 9 – Образование осужденных

Таблица Б.10 – Условия воспитания осужденных

Таблица Б.11 – Семейное положение осужденных

Таблица Б.12 – Субъективная оценка осужденными позитивных изменений в пенитенциарном периоде

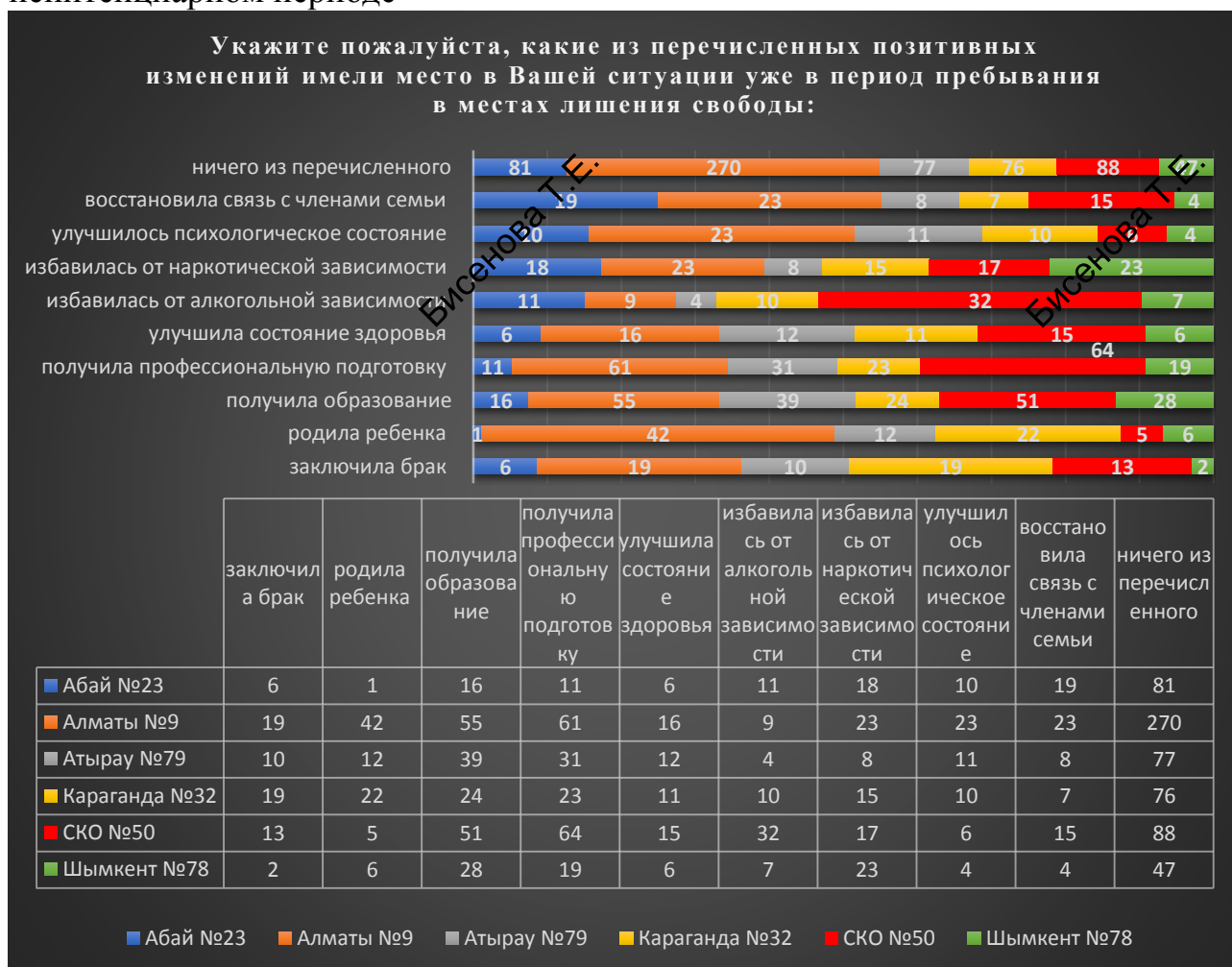

Таблица Б.13 – Субъективная оценка негативных изменений в пенитенциарном периоде

Таблица Б.14 – Место пребывания детей осужденных

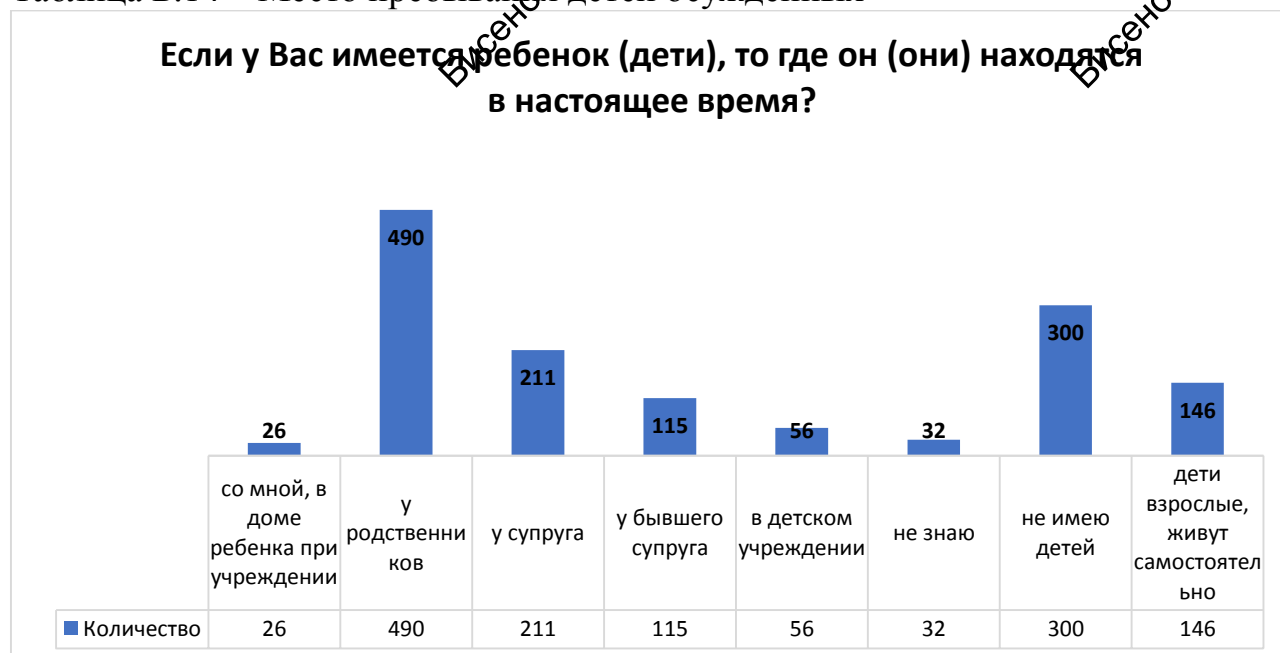

Таблица Б.15 – Степень поведения осужденной на момент опроса

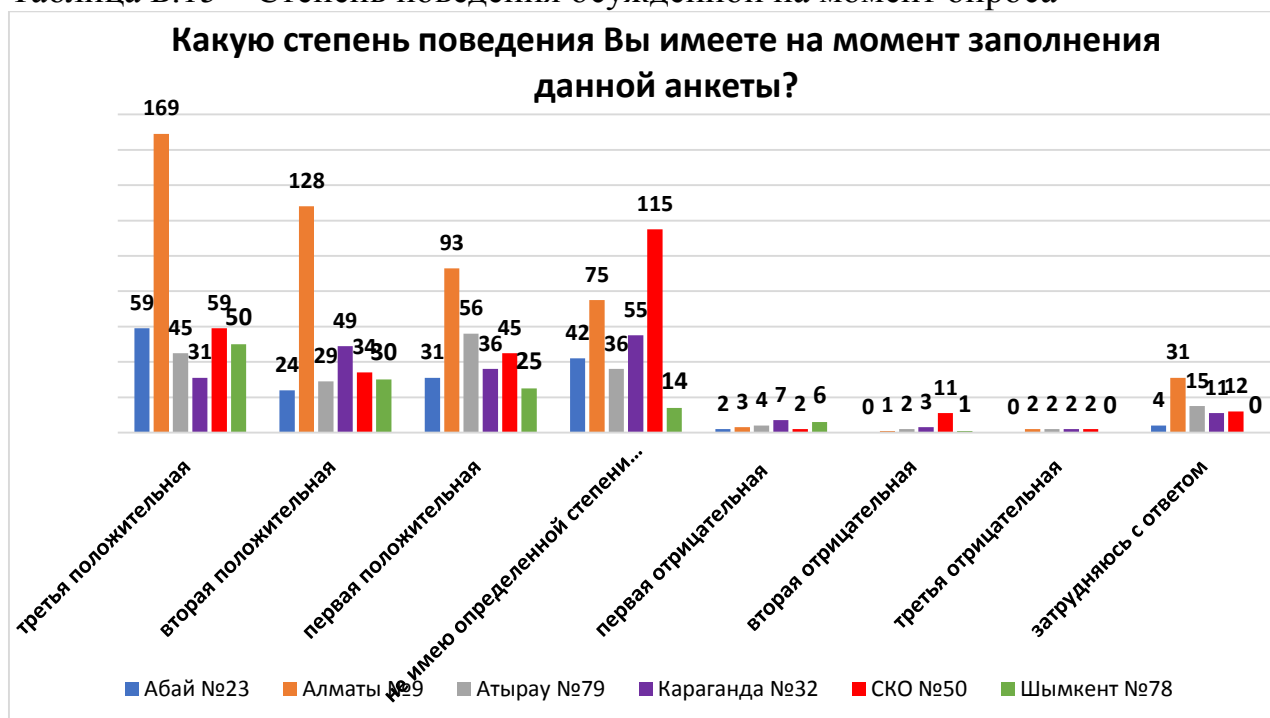

Таблица Б.16 – Наличие (отсутствие) поощрений у осужденных

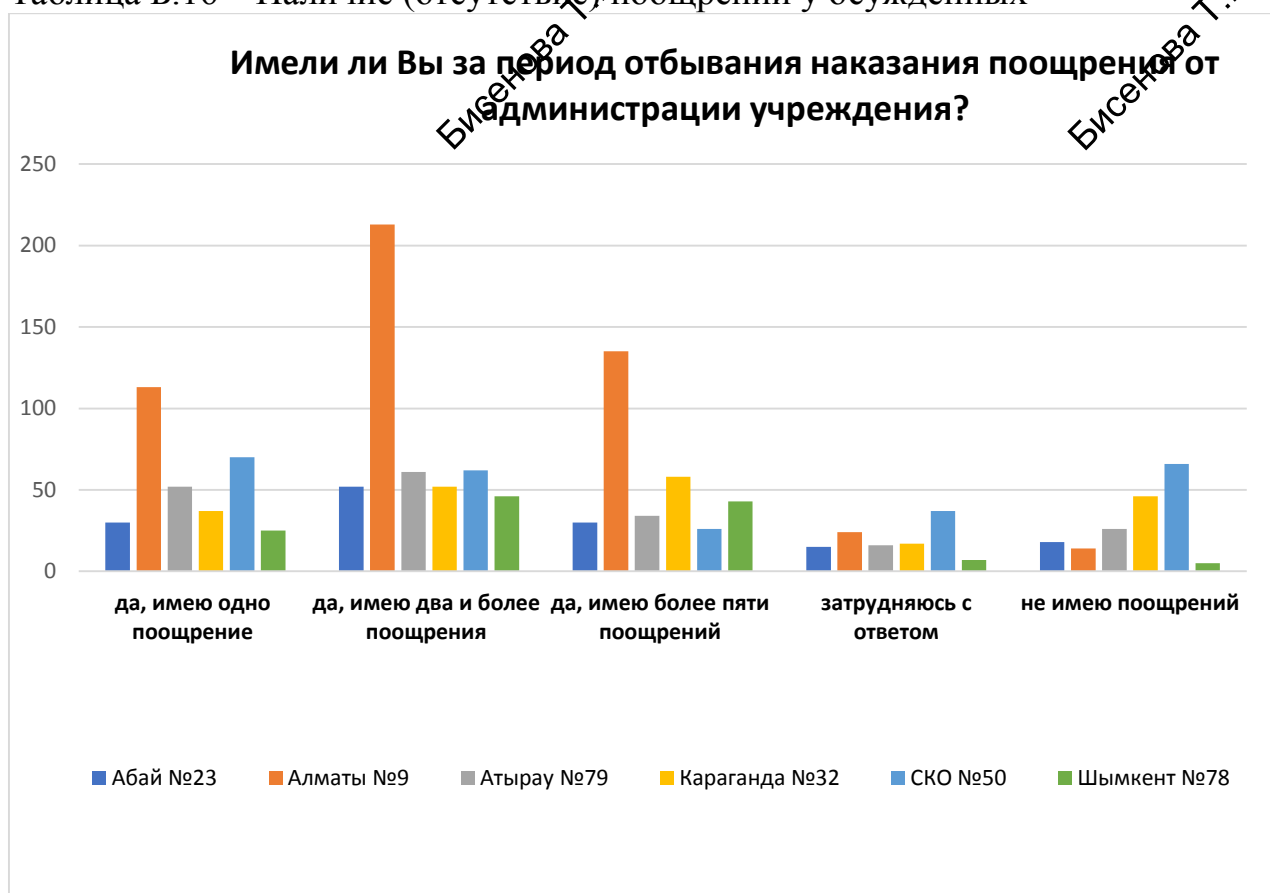

Таблица Б.17 – Дисциплинарные взыскания, применявшиеся к осужденным в период отбывания наказания

Таблица Б.18 – Формы поддержания социально полезных связей

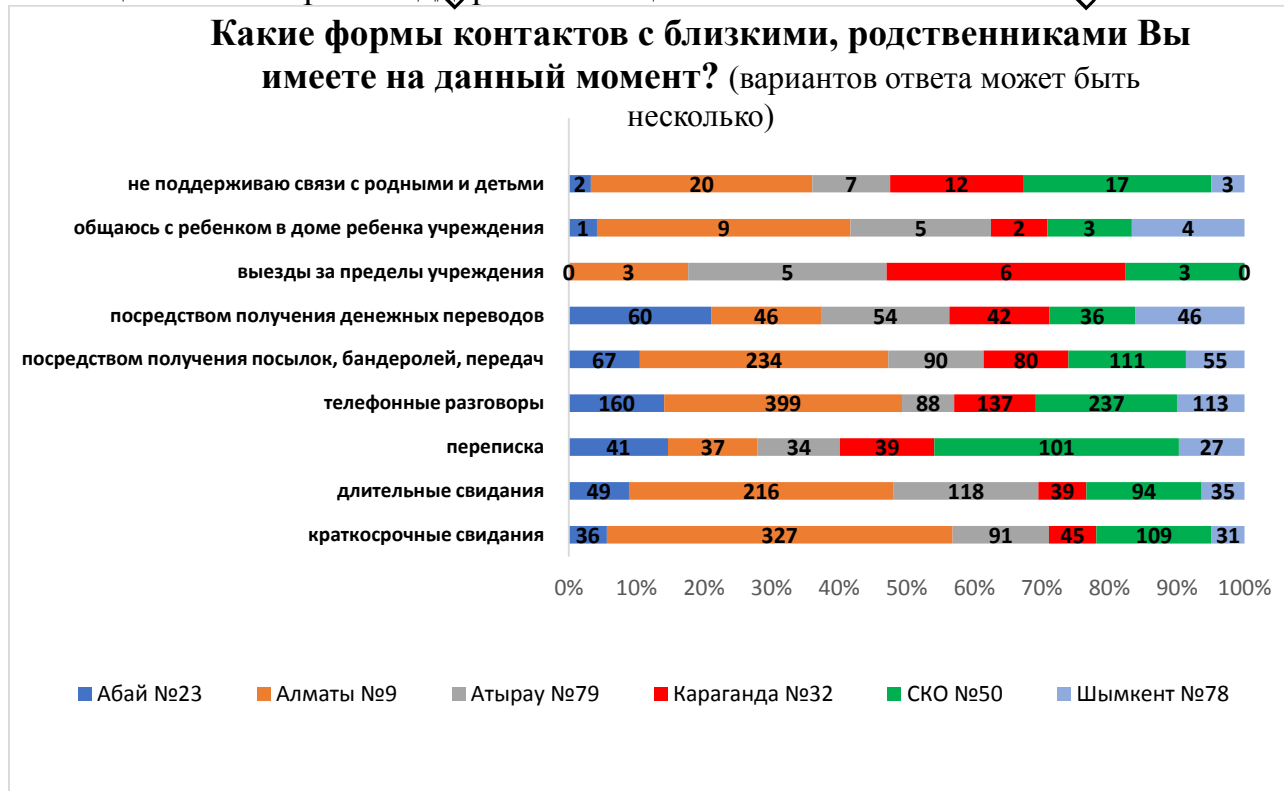

Таблица Б.19 – Наиболее тревожные обстоятельства в жизненной ситуации осужденных, сложившиеся по причине пребывания в изоляции

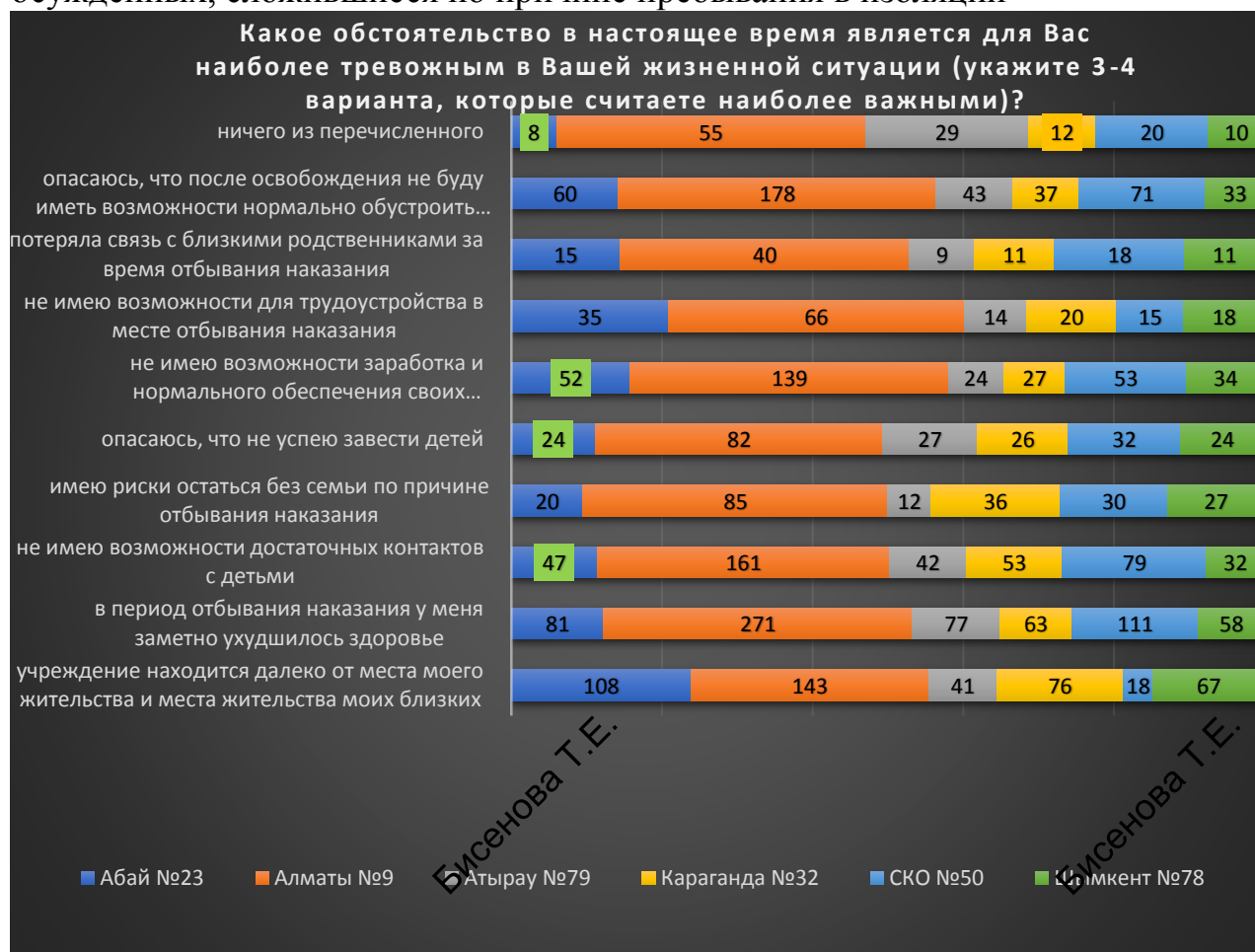
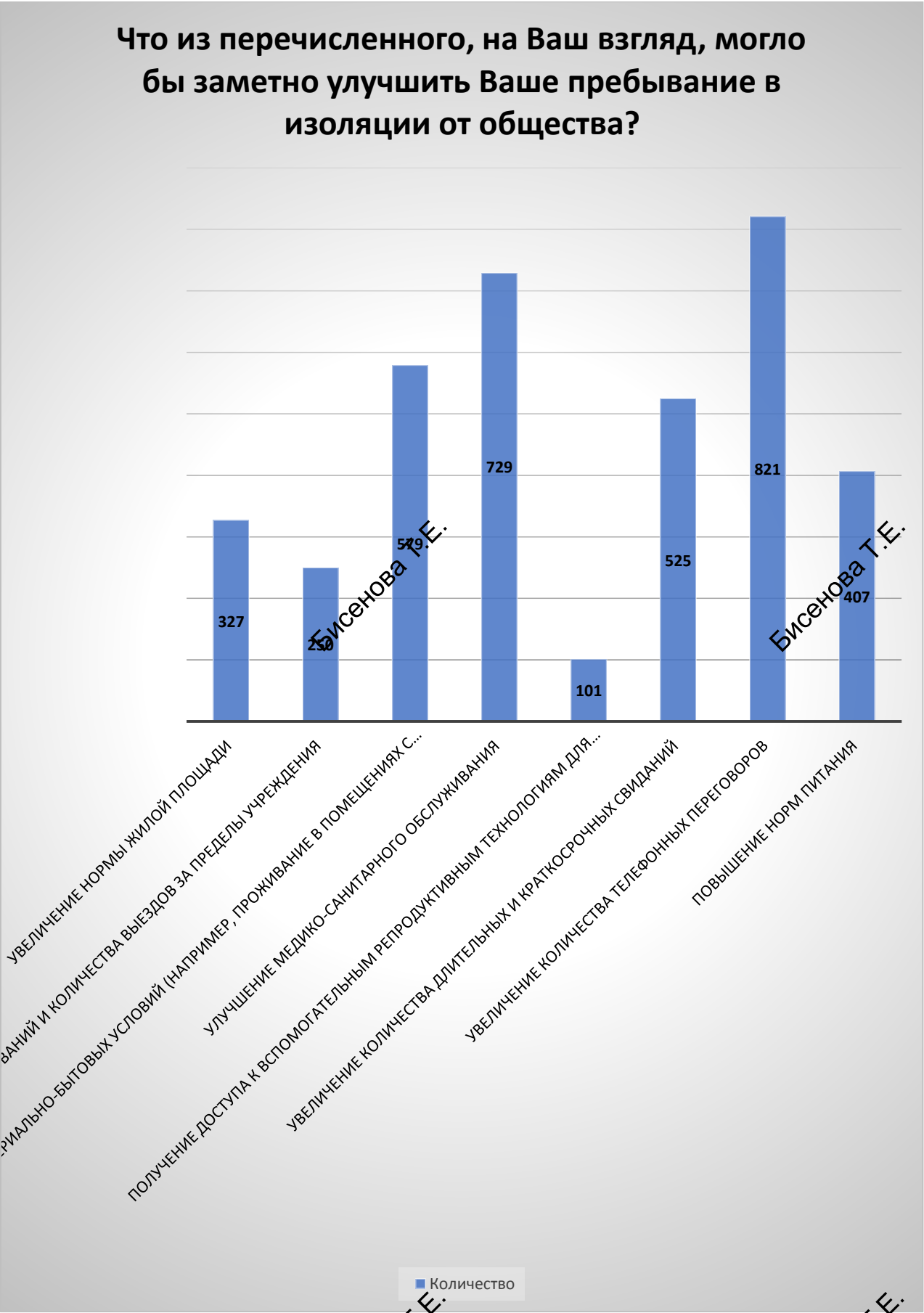

Таблица Б.20 – Пожелания осужденных по вопросам улучшения условий отбывания наказания

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Анкета для сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы

Уважаемый коллега!

Анкетирование, в котором мы просим Вас принять участие, проводится в научно-исследовательских целях. Ваше мнение как практического сотрудника представляет для нас большую ценность, поскольку оно позволит нам получить информацию по исследуемому вопросу и сопоставить ее с теоретическим блоком исследования. Мы убеждены, что *вопросы отбывания наказания в виде лишения свободы женщинами* заслуживают особого внимания, равно как и представление о том, какие основные характеристики осужденных женщин в настоящее время являются преобладающими.

Анкетирование проводится *анонимно*, однако мы просим Вас отнестись внимательно к вопросам, сформулированным в анкете. Вопросы анкеты уже содержат возможные варианты ответов, и Вам необходимо выбрать и отметить те из них, с которыми Вы согласны (если вопрос предполагает возможность указания нескольких вариантов, то следует выбрать каждый из них).

Следует подчеркнуть или каким-либо иным образом отметить вариант, соответствующий выбранному Вами ответу. Учитывая то обстоятельство, что представленный перечень вариантов ответов может не отражать Ваше мнение по вопросу, во всех вопросах выделена графа «Ваш вариант», где Вы можете отразить свой ответ. Если же анкета не содержит каких-либо значимых вопросов, которые, на Ваш взгляд, следует учесть в рамках исследования, мы будем благодарны, если в заключении анкеты Вы оставите свои комментарии.

Заранее благодарим Вас за участие в исследовании!

1. *Укажите, пожалуйста, стаж Вашей работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы:*

- 1) до 3-х лет;
- 2) до 5-ти лет;
- 3) до 10-ти лет;
- 4) свыше 10 лет.

2. *Укажите, пожалуйста, стаж Вашей работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы для отбывания наказания осужденными женщинами:*

- 1) до 3-х лет;
- 2) до 5-ти лет;
- 3) до 10-ти лет;
- 4) свыше 10 лет.

3. *Какие, на Ваш взгляд, общие характеристики отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами можно назвать справедливыми (можете указать 3-4 варианта ответов, которые Вы считаете верными)?*

1) в местах лишения свободы находятся только осужденные по наиболее тяжким преступлениям и с отягчающими мотивами их совершения;

2) осужденные женщины менее склонны к нарушению режима отбывания наказания;

3) осужденные женщины сложнее адаптируются к условиям изоляции от общества;

4) среди осужденных женщин достаточно часто возникают межличностные конфликты;

5) осужденные женщины склонны к частому нарушению режима отбывания наказания;

6) осужденные женщины испытывают более сильные переживания по поводу разрыва с семьей и детьми;

7) осужденные женщины часто испытывают проблемы материального характера (отсутствие поддержки со стороны семьи, заработка и т.д.);

8) осужденные женщины, как правило, утратили связь с семьей и детьми;

9) осужденные женщины хорошо поддаются воспитательному и коррекционному воздействию;

10) насильственные инциденты среди осужденных женщин являются большой редкостью;

11) Ваш ответ

4. *Считаете ли Вы, что отбывание наказания в виде лишения свободы женщинами требует дальнейшей гуманизации именно с учетом их гендерных характеристик?*

1) нет, к настоящему времени мер гуманизации в отношении осужденных женщин принято достаточно;

2) нет, основным критерием строгости наказания должна быть тяжесть совершенного преступления, а не гендерные признаки;

3) да, частично можно было бы повысить степень гуманизации (материально-бытовые условия, контакты с родными и близкими и т.д.);

4) да, в отношении осужденных женщин необходимы более выраженные аспекты гуманизации, учитывая социальную роль женщины;

5) затрудняюсь с ответом;

6) Ваш ответ

5. *УИК устанавливает строгий перечень оснований для выезда осужденных за пределы учреждения. Как Вы считаете, целесообразно было бы включить следующие основания для выезда осужденных женщин (можете указать все варианты, которые Вы полагаете допустимыми)?*

1) для заключения брака с предоставлением возможности краткосрочного пребывания на свободе (например, до 15 дней);

2) в случае болезни ребёнка, для пребывания с ним в организациях здравоохранения;

3) для совместного посещения с ребенком культурно-зрелищных мероприятий (театр, зоопарк, цирк и т.д.);

4) для сдачи сессии в высших и средних специальных учебных заведениях;

5) для участия в медицинских процедурах в рамках репродуктивных технологий (ЭКО и др.);

6) нет необходимости в дополнительных основаниях выезда;

7) Ваш вариант

6. *Какие из перечисленных обстоятельств, на Ваш взгляд, наиболее критично отражаются на осужденных женщинах в негативном ключе и препятствуют их благополучной ресоциализации (укажите не более 2-3 вариантов, которые считаете наиболее верными)?*

1) расторжение брака с супругом по причине осуждения к лишению свободы;

2) невозможность достаточного контакта с детьми;

3) невозможность выполнять привычные функции и роли, которые женщина выполняла до осуждения;

4) переживания по поводу того, что не успеет реализовать репродуктивные планы (родить ребенка);

5) переживания по поводу отсутствия возможности надлежащего ухода за собой и внешнего вида;

6) сложности в установлении психологического контакта с другими осужденными;

7) переживания по поводу того, что близкие родственники испытывают чувство стыда по причине ее осуждения;

8) Ваш вариант

7. *Согласны ли Вы с тем, что совместное проживание осужденной с ребенком является одним из наиболее важных факторов ее благополучной ресоциализации?*

1) да, в большинстве случаев;

2) да, но только в конкретной ситуации осужденной женщины (с условием ее личностных характеристик);

3) нет, это просто акт гуманизма;

4) Ваш вариант

8. *Учитывая то обстоятельство, что в Казахстане продлен срок возможного пребывания ребенка с матерью в доме ребенка учреждения (до 4-х лет), считаете ли Вы, что данный срок может подлежать продлению и дальше (если вы отвечаете утвердительно, то можете указать более 2-х вариантов либо выбрать вариант «нет»)?*

1) да, если у ребенка больше нет других родственников, кроме матери;

2) да, если до предполагаемого освобождения матери остается небольшой временной промежуток (например, не более 1 года);

3) да, если ребенок сильно привязан к матери и расставание с ней может повлечь для него тяжелую психологическую травму;

4) да, если общение с ребенком оказывает видимое положительное влияние на процесс исправления матери;

5) да, но только при добросовестном исполнении осужденной своих материнских обязанностей;

6) нет, так как в более старшем возрасте ребенок способен воспринимать и запоминать окружающую обстановку, что является нежелательным для его развития;

7) Ваш вариант

9. Как Вы считаете, пользуется ли доверием среди осужденных женщин психолог учреждения?

1) да, большинство осужденных доверяют психологу;

2) индивидуально, в зависимости от психологической особенностей самой женщины;

3) нет, большинство относятся к психологу настороженно;

4) нет, они относятся к работе с психологом как к своей обязанности;

5) Ваш вариант

10. Какие наиболее типичные проблемы возникают у Вас в работе с осужденными женщинами (можете выбрать до 3-4 вариантов, которые считаете верными)?

1) их склонность к манипуляциям, попыткам вызвать сочувствие к их жизненной ситуации;

2) их склонность к депрессивным состояниям или, напротив, к истеричным реакциям;

3) закрытость, нежелание идти на контакт с сотрудниками учреждения;

4) отсутствие четкого понимания содержания отбываемого ими наказания, необходимости соблюдать режим учреждения;

5) социальная апатия, отсутствие планов на будущее и, как следствие, нежелание воспринимать коррекционное воздействие;

6) отсутствие полезных социальных контактов с внешним миром, разорванность связей с семьей;

7) отсутствие осознания факта совершенного преступления, попытки самооправдания;

8) социальная запущенность женщины, сформировавшаяся до момента осуждения (издержки ранее имевшей место алкогольной или наркотической зависимости, аморальный образ жизни и т.д.);

9) Ваш вариант

11. Какие виды поощрений в отношении осужденных женщин Вы считаете наиболее эффективными (можете указать до 2-х вариантов ответа)?

1) перевод на более легкие условия содержания;

2) материальное поощрение;

3) увеличение количества посылок, передач, бандеролей;

4) увеличение количества краткосрочных свиданий;

5) увеличение количества длительных свиданий;

6) выезд за пределы учреждения;

7) Ваш ответ

12. Как Вы полагаете, будет ли целесообразным увеличение числа разрешенных свиданий осужденных женщин с родственниками или детьми?

1) да, это укрепит родственные связи осужденных женщин, создаст дополнительные стимулы для позитивного поведения;

2) да, но только в отношении детей, так как это необходимо для соблюдения их интересов по общению с матерью;

3) нет, так как это будет нарушать принцип равенства для осужденных к лишению свободы;

4) Ваш вариант

13. Какое из нижеперечисленных суждений, на Ваш взгляд, является более верным (укажите до 3-х вариантов, которые считаете верными)?

1) осужденные женщины трудно поддаются исправительному воздействию;

2) осужденные женщины легче поддаются исправительному воздействию;

3) осужденные женщины в большей степени зависят от наличия контактов с внешним миром;

4) осужденные женщины требуют большего объема социальной поддержки при подготовке к освобождению и после освобождения;

5) осужденные женщины, как правило, сильно социально запущены и работа с ними в учреждении не способна привести к положительным результатам;

6) осужденные женщины нередко манипулируют материнством для получения тех или иных преференций;

7) беременность и материнство для осужденной женщины являются исключительно положительным фактором;

8) осужденные женщины более болезненно переживают длительные сроки лишения свободы, в отличие от осужденных мужчин;

9) Ваш вариант

14. Как Вы оцените роль труда в исправлении осужденных женщин?

1) труд должен являться обязательным условием отбывания наказания в виде лишения свободы в случае трудоспособности женщины;

2) женщина должна привлекаться к труду только по ее желанию (за исключением выполнения обязательных работ на территории учреждения);

3) затрудняюсь с ответом;

4) Ваш вариант

15. Какие методы работы с осужденными женщинами являются, на Ваш взгляд, наиболее эффективными (укажите до 3-х вариантов, которые считаете наиболее важными)?

1) работа с профессиональным психологом;

2) взаимодействие с родственниками осужденной для оказания помощи в коррекционном воздействии;

3) проведение профилактических бесед;

4) привлечение к участию в общественных мероприятиях;

5) привлечение к трудовой деятельности;

6) привлечение к получению образования и профессиональной подготовке;

7) использование индивидуальных коррекционных программ;

8) проведение групповых занятий, тренингов и т.д.;

9) Ваш вариант

16. *Какие обстоятельства, на Ваш взгляд, имеют наиболее существенное значение для оценки готовности осужденной женщины к освобождению (в том числе, для учета в рамках пенитенциарной пробы) (укажите до 3-х вариантов, которые считаете наиболее верными)?*

1) в целом, поведение осужденной во время отбывания наказания;

2) наличие поощрений и взысканий;

3) отношение осужденной к совершенному деянию (факт раскаяния в содеянном, демонстрация желания к дальнейшему законопослушному поведению и т.д.);

4) отношение осужденной к учебе и труду;

5) тяжесть совершенного осужденной преступления, наличие рецидива, отягчающих обстоятельств;

6) факт возмещение вреда, причиненного преступлением;

7) наличие заболеваний, имевших место до осуждения или возникших уже в период отбывания наказания;

8) характеризующие материалы от психолога учреждения;

9) возможность получения материальной и психологической поддержки от родственников и иных близких людей;

10) наличие сохраняющихся криминогенных факторов, которые могут привести к повторному совершению преступления;

11) Ваш вариант

17. *Что из нижеперечисленного Вы могли бы одобрить для изменения правового положения женщин, осужденных к лишению свободы (укажите до 3-х вариантов или выберите отрицательный ответ)?*

1) выделение в УИК РК самостоятельной главы, регламентирующей вопросы исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных женщин (с улучшенными параметрами содержания);

2) расширение оснований и количества выездов за пределы учреждения, предоставляемых осужденным женщинам, имеющим несовершеннолетних детей;

3) создание «открытых» условий отбывания наказания, предусматривающих возможность проживания за пределами учреждения, в том числе с семьей на съемной жилплощади;

4) в качестве лиц, имеющих право на длительные свидания, указать лиц, которые не состоят в браке с осужденной, но проживали с ней одной семьей, имеют с ней общих несовершеннолетних детей;

5) исключить применение к женщинам дисциплинарных мер воздействия, связанных с дополнительной изоляцией;

6) предусмотреть возможность для осужденных женщин на доступ к вспомогательным репродуктивным технологиям;

7) сократить сроки фактического отбывания наказания для предоставления УДО в отношении осужденных женщин;

8) расширить возможности для предоставления отсрочки отбывания наказания (исключить имеющиеся ограничения);

9) нет необходимости в перечисленном, законодательство и так является достаточно гуманным по отношению к осужденным женщинам;

10) Ваш вариант

18. Какие меры по совершенствованию существующего уголовно-исполнительного законодательства и практики, по Вашему мнению, следовало бы осуществить (укажите до 3-х вариантов либо выберите отрицательный ответ):

1) создание учреждений для осужденных женщин во всех регионах РК (либо построение учреждений объединенного типа в каждом региональном центре);

2) создание домов ребенка при всех учреждениях, в которых отбывают наказание осужденные женщины;

3) создание на территории женских учреждений специализированных отделений (общежитий) для совместного проживания осужденных женщин со своими детьми;

4) исключение практики совместного отбывания наказания в учреждениях минимальной безопасности осужденных женщин и мужчин;

5) увеличение штатной численности специалистов социально-психологического профиля (психолог, социальный работник т.п.) в учреждениях для женщин;

6) повышение психолого-педагогической компетентности сотрудников, работающих в непосредственном контакте с осужденными женщинами, обучение их особенностям работы с данной категорией лиц;

7) создание региональных (местных) центров комплексной реабилитации и социальной адаптации женщин, освободившихся из мест лишения свободы;

8) создание в структуре учреждения специализированного социально-реабилитационного центра по подготовке осужденных женщин к освобождению с применением индивидуальных воспитательных программ;

9) создания в структуре учреждения центра материнства, одной из задач которого должно стать обучение осужденных женщин основам материнства, проводить курсы «Школа мам»;

10) ничего из перечисленного;

11) Ваш вариант

19. Какие изменения, на Ваш взгляд, было бы целесообразно включить в систему условий отбывания наказания в виде лишения свободы женщинами (укажите до 2-3 вариантов или выберите отрицательный ответ)?

1) улучшить их материально-бытовое обслуживание (повысить существующие нормы);

2) улучшить их медико-санитарное обслуживание (в том числе за счет расширения перечня доступной помощи, связанной непосредственно с потребностями женского организма).

- 3) увеличить количество свиданий;
- 4) увеличить количество и длительность телефонных разговоров;
- 5) оказывать со стороны администрации учреждения помощь в жилищном обустройстве, устройстве женщины на работу и помещении ребенка в детсад и др. видов помощи;
- 6) организовать в учреждении досуг матерей совместно с их детьми;
- 7) выработать новые формы и методы работы с осужденными женщинами, в том числе в виде индивидуальных и групповых коррекционных программ;
- 8) существующих правил достаточно, дополнительных изменений не требуется;
- 9) Ваш вариант

20. Если какие-то значимые аспекты, на Ваш взгляд, не затронуты в данном опросном листе, то мы будем Вам благодарны, если Вы оставите свои пожелания и рекомендации:

Благодарим Вас за оказанное содействие!!!!

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Аналитическое обобщение результатов анкетирования среди сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы

Всего в анкетировании приняли участие 396 сотрудников из 494, что составило **80%** от общего количества.

Анализируя полученные данные, можно сделать следующие выводы:

1. На вопрос «Укажите, пожалуйста, стаж Вашей работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
до 3-х лет;	104	26.26%
до 5-ти лет;	39	9.84%
до 10-ти лет;	92	23.23%
свыше 10 лет.	159	40.15%

2. На вопрос «Укажите, пожалуйста, стаж Вашей работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы для отбывания наказания осужденными женщинами», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
до 3-х лет;	144	36.36%
до 5-ти лет;	48	12.12%
до 10-ти лет;	82	20.7%
свыше 10 лет.	111	28.03%

3. На вопрос «Какие, на Ваш взгляд, общие характеристики отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами можно назвать справедливыми (можете указать 3-4 варианта ответов, которые Вы считаете верными?», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
в местах лишения свободы находятся только осужденные по наиболее тяжким преступлениям и с отягчающими мотивами их совершения;	72	18.18%

осужденные женщины менее склонны к нарушению режима отбывания наказания;	48	12.12%
осужденные женщины сложнее адаптируются к условиям изоляции от общества;	26	6.56%
среди осужденных женщин достаточно часто возникают межличностные конфликты;	32	8.08%
осужденные женщины склонны к частому нарушению режима отбывания наказания;	31	7.82%
осужденные женщины испытывают более сильные переживания по поводу разрыва с семьей и детьми;	69	17.42%
осужденные женщины часто испытывают проблемы материального характера (отсутствие поддержки со стороны семьи, заработка и т.д.);	15	3.78%
осужденные женщины, как правило, утратили связь с семьей и детьми;	26	6.56%
осужденные женщины хорошо поддаются воспитательному и коррекционному воздействию;	56	14.14%
насильственные инциденты среди осужденных женщин являются большой редкостью;	24	6.06%
Свой вариант ответа	2	0.5%

4. На вопрос «Считаете ли Вы, что отбывание наказания в виде лишения свободы женщинами требует дальнейшей гуманизации именно с учетом их гендерных характеристик?», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
нет, к настоящему времени мер гуманизации в отношении осужденных женщин принято достаточно;	183	46.21%
нет, основным критерием строгости наказания должна быть тяжесть совершенного преступления, а не гендерные признаки;	100	25.25%
да, частично можно было бы повысить степень гуманизации (материально-бытовые условия, контакты с родными и близкими и т.д.);	28	7.07%
да, в отношении осужденных женщин	31	10.61%

необходимы более выраженные аспекты гуманизации, учитывая социальную роль женщины;		
затрудняюсь с ответом;	62	7.82%
Свой вариант ответа	0	0%

5. На вопрос «УИК устанавливает строгий перечень оснований для выезда осужденных за пределы учреждения. Как Вы считаете, целесообразно было бы включить следующие основания для выезда осужденных женщин (можете указать все варианты, которые Вы полагаете допустимыми)?», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
для заключения брака с предоставлением возможности краткосрочного пребывания на свободе (например, до 15 дней);	36	9.09%
в случае болезни ребёнка, для пребывания с ним в организациях здравоохранения;	66	16.66%
для совместного посещения с ребенком культурно-зрелищных мероприятий (театр, зоопарк, цирк и т.д.);	13	3.28%
для сдачи сессии в высших и средних специальных учебных заведениях;	6	1.51%
для участия в медицинских процедурах в рамках репродуктивных технологий (ЭКО и др.);	8	2.02%
нет необходимости в дополнительных основаниях выезда;	265	66.91%
Свой вариант ответа	0	0%

6. На вопрос «Какие из перечисленных обстоятельств, на Ваш взгляд, наиболее критично отражаются на осужденных женщинах в негативном ключе и препятствуют их благополучной ресоциализации (укажите не более 2-3 вариантов, которые считаете наиболее верными)?», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
расторжение брака с супругом по причине осуждения к лишению свободы;	64	16.16%

невозможность достаточного контакта с детьми;	125	31.56%
невозможность выполнять привычные функции и роли, которые женщина выполняла до осуждения;	47	11.86%
переживания по поводу того, что не успеет реализовать репродуктивные планы (родить ребенка);	13	3.28%
переживания по поводу отсутствия возможности надлежащего ухода за собой и внешнего вида;	16	4.04%
сложности в установлении психологического контакта с другими осужденными;	38	9.59%
переживания по поводу того, что близкие родственники испытывают чувство стыда по причине ее осуждения;	91	22.97%
Свой вариант ответа	0	0%

7. На вопрос «Согласны ли Вы с тем, что совместное проживание осужденной с ребенком является одним из наиболее важных факторов ее благополучной ресоциализации?», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
да, в большинстве случаев;	102	25.75%
да, но только в конкретной ситуации осужденной женщины (с условием ее личностных характеристик);	134	38.83%
нет, это просто акт гуманизма;	157	39.64%
Свой вариант ответа	1	0.25%

8. На вопрос «Учитывая то обстоятельство, что в Казахстане продлен срок возможного пребывания ребенка с матерью в доме ребенка учреждения (до 4-х лет), считаете ли Вы, что данный срок может подлежать продлению и дальше (если вы отвечаете утвердительно, то можете указать более 2-х вариантов либо выбрать вариант «нет»)?», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
да, если у ребенка больше нет других родственников, кроме матери;	134	38.83%
да, если до предполагаемого освобождения матери	36	9.09%

остается небольшой временной промежуток (например, не более 1 года);		
да, если ребенок сильно привязан к матери и расставание с ней может повлечь для него тяжелую психологическую травму;	29	7.32%
да, если общение с ребенком оказывает видимое положительное влияние на процесс исправления матери;	18	4.54%
да, но только при добросовестном исполнении осужденной своих материнских обязанностей;	33	8.33%
нет, так как в более старшем возрасте ребенок способен воспринимать и запоминать окружающую обстановку, что является нежелательным для его развития;	144	36.36%
Свой вариант ответа	0	0%

9. На вопрос «Как Вы считаете, пользуется ли доверием среди осужденных женщин психолог учреждения?», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
да, большинство осужденных доверяют психологу;	186	46.96%
индивидуально, в зависимости от психологической особенностей самой женщины;	126	31.81%
нет, большинство относятся к психологу настороженно;	34	8.58%
нет, они относятся к работе с психологом как к своей обязанности;	48	12.12%
Свой вариант ответа	0	0%

10. На вопрос «Какие наиболее типичные проблемы возникают у Вас в работе с осужденными женщинами (можете выбрать до 3-4 вариантов, которые считаете верными)?», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
их склонность к манипуляциям, попыткам вызвать сочувствие к их жизненной ситуации;	97	24.49%

их склонность к депрессивным состояниям или, напротив, к истеричным реакциям;	77	19.44%
закрытость, нежелание идти на контакт с сотрудниками учреждения;	32	8.08%
отсутствие четкого понимания содержания отбываемого ими наказания, необходимости соблюдать режим учреждения;	62	15.65%
социальная апатия, отсутствие планов на будущее и, как следствие, нежелание воспринимать коррекционное воздействие;	21	5.30%
отсутствие полезных социальных контактов с внешним миром, разорванность связей с семьей;	25	6.31%
отсутствие осознания факта совершенного преступления, попытки самооправдания;	28	7.07%
социальная запущенность женщины, сформировавшаяся до момента осуждения (издержки ранее имевшей место алкогольной или наркотической зависимости, аморальный образ жизни и т.д.);	52	13.13%
Свой вариант ответа	0	0%

11. На вопрос «Какие виды поощрений в отношении осужденных женщин Вы считаете наиболее эффективными (можете указать до 2-х вариантов ответа)?», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
перевод на более легкие условия содержания;	130	32.82%
материальное поощрение;	45	11.36%
увеличение количества посылок, передач, бандеролей;	81	20.45%
увеличение количества краткосрочных свиданий;	44	11.11%
увеличение количества длительных свиданий;	86	21.71%
выезд за пределы учреждения;	17	4.29%
Свой вариант ответа	0	0%

12. На вопрос «Как Вы полагаете, будет ли целесообразным увеличение числа разрешенных свиданий осужденных женщин с родственниками или

детьми?», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
да, это укрепит родственные связи осужденных женщин, создаст дополнительные стимулы для позитивного поведения;	161	40.65%
да, но только в отношении детей, так как это необходимо для соблюдения их интересов по общению с матерью;	93	23.48%
нет, так как это будет нарушать принцип равенства для осужденных к лишению свободы;	140	35.35%
Свой вариант ответа	0	0%

13. На вопрос «Какое из нижеперечисленных суждений, на Ваш взгляд, является более верным (укажите до 3-х вариантов, которые считаете верными)?», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
осужденные женщины трудно поддаются исправительному воздействию;	64	16.16%
осужденные женщины легче поддаются исправительному воздействию;	58	14.64%
осужденные женщины в большей степени зависят от наличия контактов с внешним миром;	38	9.59%
осужденные женщины требуют большего объема социальной поддержки при подготовке к освобождению и после освобождения;	69	17.42%
осужденные женщины, как правило, сильно социально запущены и работа с ними в учреждении не способна привести к положительным результатам;	18	4.54%
осужденные женщины нередко манипулируют материнством для получения тех или иных предпочтений;	45	11.36%
беременность и материнство для осужденной женщины являются исключительно положительным фактором;	27	6.81%

осужденные женщины более болезненно переживают длительные сроки лишения свободы, в отличие от осужденных мужчин;	75	18.93%
Свой вариант ответа	0	0%

14. На вопрос «Как Вы оцените роль труда в исправлении осужденных женщин?», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
труд должен являться обязательным условием отбывания наказания в виде лишения свободы в случае трудоспособности женщины;	285	71.96%
женщина должна привлекаться к труду только по ее желанию (за исключением выполнения обязательных работ на территории учреждения);	63	15.90%
затрудняюсь с ответом;	46	11.61%
Свой вариант ответа	0	0%

15. На вопрос «Какие методы работы с осужденными женщинами являются, на Ваш взгляд, наиболее эффективными (укажите до 3-х вариантов, которые считаете наиболее важными)?», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
работа с профессиональным психологом;	85	21.46%
взаимодействие с родственниками осужденной для оказания помощи в коррекционном воздействии;	48	12.12%
проведение профилактических бесед;	47	18.86%
привлечение к участию в общественных мероприятиях;	45	11.36%
привлечение к трудовой деятельности;	104	26.24%
привлечение к получению образования и профессиональной подготовке;	20	5.05%
использование индивидуальных коррекционных программ;	13	3.28%
проведение групповых занятий, тренингов и т.д.;	30	7.57%

Свой вариант ответа	0	0%

16. На вопрос «Какие обстоятельства, на Ваш взгляд, имеют наиболее существенное значение для оценки готовности осужденной женщины к освобождению (в том числе, для учета в рамках пенитенциарной probation) (укажите до 3-х вариантов, которые считаете наиболее верными)?», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
в целом, поведение осужденной во время отбывания наказания;	148	37.37%
наличие поощрений и взысканий;	65	16.41%
отношение осужденной к совершенному деянию (факт раскаяния в содеянном, демонстрация желания к дальнейшему законопослушному поведению и т.д.);	63	15.9%
отношение осужденной к учебе и труду;	22	5.05%
тяжесть совершенного осужденной преступления, наличие рецидива, отягчающих обстоятельств;	16	4.04%
факт возмещение вреда, причиненного преступлением;	19	4.79%
наличие заболеваний, имевших место до осуждения или возникших уже в период отбывания наказания;	4	1.01%
характеризующие материалы от психолога учреждения;	7	1.76%
возможность получения материальной и психологической поддержки от родственников и иных близких людей;	20	5.05%
наличие сохраняющихся криминогенных факторов, которые могут привести к повторному совершению преступления;	25	6.31%
Свой вариант ответа	1	0.25%

17. На вопрос «Что из нижеперечисленного Вы могли бы одобрить для изменения правового положения женщин, осужденных к лишению свободы (укажите до 3-х вариантов или выберите отрицательный ответ)?», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
выделение в УИК РК самостоятельной главы, регламентирующей вопросы исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных женщин (с улучшенными параметрами содержания);	102	25.75%
расширение оснований и количества выездов за пределы учреждения, предоставляемых осужденным женщинам, имеющим несовершеннолетних детей;	33	8.33%
создание «открытых» условий отбывания наказания, предусматривающих возможность проживания за пределами учреждения, в том числе с семьей на съемной жилплощади;	15	3.78%
в качестве лиц, имеющих право на длительные свидания, указать лиц, которые не состоят в браке с осужденной, но проживали с ней одной семьей, имеют с ней общих несовершеннолетних детей;	24	6.06%
исключить применение к женщинам дисциплинарных мер воздействия, связанных с дополнительной изоляцией;	7	1.76%
предусмотреть возможность для осужденных женщин на доступ к вспомогательным репродуктивным технологиям;	5	1.26%
сократить сроки фактического отбывания наказания для предоставления УДО в отношении осужденных женщин;	31	7.82%
расширить возможности для предоставления отсрочки отбывания наказания (исключить имеющиеся ограничения);	19	4.79%
нет необходимости в перечисленном, законодательство и так является достаточно гуманным по отношению к осужденным женщинам;	156	39.39%
Свой вариант ответа	1	0.25%

18. На вопрос «Какие меры по совершенствованию существующего уголовно-исполнительного законодательства и практики, по Вашему мнению, следовало бы осуществить (укажите до 3-х вариантов либо выберите отрицательный ответ):», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
создание учреждений для осужденных женщин во всех регионах РК (либо построение учреждений объединенного типа в каждом региональном центре);	94	23.73%
создание домов ребенка при всех учреждениях, в которых отбывают наказание осужденные женщины;	42	10.6%
создание на территории женских учреждений специализированных отделений (общежитий) для совместного проживания осужденных женщин со своими детьми;	27	6.81%
исключение практики совместного отбывания наказания в учреждениях минимальной безопасности осужденных женщин и мужчин;	14	3.56%
увеличение штатной численности специалистов социально-психологического профиля (психолог, социальный работник и т.п.) в учреждениях для женщин;	41	10.35%
повышение психолого-педагогической компетентности сотрудников, работающих в непосредственном контакте с осужденными женщинами, обучение их особенностям работы с данной категорией лиц;	33	16.67%
создание региональных (местных) центров комплексной реабилитации и социальной адаптации женщин, освободившихся из мест лишения свободы;	25	8.33%
создание в структуре учреждения специализированного социально-реабилитационного центра по подготовке осужденных женщин к освобождению с применением индивидуальных воспитательных программ;	29	7.32%
создания в структуре учреждения центра материнства, одной из задач которого должно стать обучение осужденных женщин основам материнства, проводить курсы «Школа мам»;	3	0.75%
ничего из перечисленного;	95	23.98%

Свой вариант ответа	0	0%

19. На вопрос «Какие изменения, на Ваш взгляд, было бы целесообразно включить в систему условий отбывания наказания в виде лишения свободы женщинами (укажите до 2-3 вариантов или выберите отрицательный ответ)?», ответы распределились следующим образом:

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
улучшить их материально-бытовое обслуживание (повысить существующие нормы);	62	15.65%
улучшить их медико-санитарное обслуживание (в том числе за счет расширения перечня доступной помощи, связанной непосредственно с потребностями женского организма);	86	21.71%
увеличить количество свиданий;	22	5.55%
увеличить количество и длительность телефонных разговоров;	18	4.54%
оказывать со стороны администрации учреждения помощь в жилищном обустройстве, устройстве женщины на работу и помещении ребенка в детсад и др. видов помощи;	10	2.52%
организовать в учреждении досуг матерей совместно с их детьми;	20	5.05%
выработать новые формы и методы работы с осужденными женщинами, в том числе в виде индивидуальных и групповых коррекционных программ;	33	8.33%
существующих правил достаточно, дополнительных изменений не требуется;	143	36.11%
Свой вариант ответа	0	0%

20. На вопрос «Если какие-то значимые аспекты, на Ваш взгляд, не затронуты в данном опросном листе, то мы будем Вам благодарны, если Вы оставите свои пожелания и рекомендации:», ответы распределились следующим образом:

- необходимо работать в рамках Закона;
- увеличение дополнительной работы внутри учреждения с применением строгих мер и надзора по нарушению дисциплины и объяснять, что повторное трудоустройство будет непростым;
- обучать на постоянной основе начальников отряда, которые тесно контактируют с осужденными женщинами профессионалами в целях вновь не

совершения повторных преступлений женщинами! Не возвращаться в эти бетонные стены и быть с семьей!;

– я считаю честью нашей страны, чтобы женщины нашей страны соблюдали законы РК, не занимаясь уголовными делами и делами;

– поменьше выездов в больницу;

– аман-есен болайық ана мен бала түрмеде емес, бостандықта жүрсін;

– жалау что бы поменьше преступлений совершались в РК;

– медперсонал мекемеге келіп емдеу іс-шараларын мекемеде жүргізіп кетсе;

– мекемеде ұстау жағдайын жаңа заманға сәйкестендіру;

– сотрудникам учреждения повысить заработную плату;

– как можно меньше совершение преступления среди женщин;

– Қазақстан Республикасында қылмыс азайып, сотталғандар саны азайса;

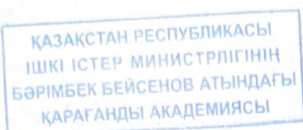
– түрменің ішінде жағдай жақсы болса, сотталғандар қайта қылмыс жасап дайын асқа тік қасық болып келушілер көп. Сотталғандар түрменің жаман екенін түсіну керек, барлық әлеуметтік көмек, астың нормаларын төмендету керек;

– сотталған әйелдерге үлкен мерзімге бас бостандығынан айыру өте ауыр тиеді. 10-15 жыл ішінде сотталған әйелдер бүкіл туған туыстарынан айырылады, бостандықта шыққан кезде қайтадан қылмыс жасап сотталады;

– раздельное содержание осуждённых женщин не только по тяжести преступления, но и по длительности срока наказания. Осуждённые на более длительный срок лишения свободы негативно относятся к тем осуждённым, у кого срок наказания менее 3 лет, считая, что суд даёт им больше возможности освободиться раньше срока, несмотря на их поведение (исключая отрицательное), что таким образом исправление либо дальнейшее правопослушное поведение сомнительно.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Акты внедрения

Акт

внедрения результатов научно-исследовательской работы

1. Наименование научно-исследовательской работы: Исполнение лишения свободы в отношении женщин (криминологические и уголовно-исполнительные аспекты).
2. Вид входного результата: материалы диссертационного исследования на соискание степени доктора философии (PhD).
3. Заказчик – подразделение МВД: Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева.
4. Исполнитель работ: докторант Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева, подполковник полиции Бисенова Т.Е.
5. Основание выполнения научного исследования: инициатива автора, исполнена в рамках диссертационного исследования.
(номер позиции плана, заявка подразделения, исх. дата и номер), (инициатива)
6. Дата и сведения о приемке результатов научного исследования: результат научно-исследовательской работы отвечает предъявляемым требованиям «15» 03 2025г.
(исходящий номер и дата направления акта приемки исполнителю, характеристика работы)
7. Сведения о внедрении: внедрена в учебную деятельность Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова.
8. Сведения об эффективности внедрения в оперативно-служебную, служебно-боевую) деятельность подразделений (категорий сотрудников и военнослужащих), а также в учебно-воспитательный процесс организаций образования МВД: для использования в учебном процессе Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова.
(формы и методы внедрения, в какие подразделения, другая информация о внедрении)

Заместитель начальника
Карагандинской академии
МВД Республики Казахстан
имени Баримбека Бейсенова

к.ю.н., доцент
полковник полиции
«15» 03

2025 г.

С.Е. Ералина

Акт
внедрения результатов научно-исследовательской работы

1. Наименование научно-исследовательской работы: Исполнение лишения свободы в отношении женщин (криминологические и уголовно-исполнительные аспекты).

2. Вид входного результата: материалы диссертационного исследования на соискание степени доктора философии (PhD).

3. Заказчик – подразделение МВД: Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева.

4. Исполнитель работ: докторант Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева, подполковник полиции Бисенова Т.Е.

5. Основание выполнения научного исследования: инициатива автора, исполнена в рамках диссертационного исследования.

_____ (номер позиции плана, заявка (подразделение, исх. дата и номер), инициатива)

6. Дата и сведения о приемке результатов научного исследования: результат научно-исследовательской работы отвечает предъявленным требованиям «14» 03 2025 г.
(исходящий номер и дата направления акта приемки исполнителю, характеристика работы)

7. Сведения о внедрении: внедрена в учебную деятельность Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова.

8. Сведения об эффективности внедрения в оперативно-служебную, служебно-боевую) деятельность подразделений (категорий сотрудников и военнослужащих), а также в учебно-воспитательный процесс организаций образования МВД: для использования в учебном процессе Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова.

(формы и методы внедрения, в какие подразделения, другая информация о внедрении)

**Заместитель начальника
Алматинской академии
МВД Республики Казахстан
имени Макана Есбулатова
к.ю.н., полковник полиции**

«14» 03 2025 г.

Е.М. Бимолданов

Акт
внедрения результатов научно-исследовательской работы

1. Наименование научно-исследовательской работы: материалы диссертационного исследования по теме: «Исполнение лишения свободы в отношении женщин (криминологические и уголовно-исполнительные аспекты)»

2. Вид входного результата: диссертация на соискание степени доктора философии (PhD)

3. Заказчик – подразделение МВД: Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Ширакбека Кабылбаева

4. Исполнитель работ: докторант Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Ширакбека Кабылбаева, подполковник полиции Бисенова Т.Е.

5. Основание выполнения научного исследования: инициатива автора, исполнена в рамках диссертационного исследования
(номер позиции плана, заявка (подразделение, исх. дата и номер), инициатива)

6. Дата и сведения о приемке результатов научного исследования: Результат научно-исследовательской работы отвечает предъявляемым требованиям «13» 2025г.
(исходящий номер и дата направления акта приемки исполнителю, характеристика работы)

7. Сведения о внедрении: материалы диссертации могут быть использованы для работы в практической деятельности
(формы и методы внедрения, в какие подразделения, другая информация о внедрении)

8. Сведения об эффективности внедрения в оперативно-служебную, служебно-боевую) деятельность подразделений (категорий сотрудников и военнослужащих), а также в учебно-воспитательный процесс организаций образования МВД: способствует быстрому освоению теоретического материала и формированию навыков практической работы в области уголовно-исполнительного права.

Заместитель начальника
Департамента уголовно-исполнительной системы
по Костанайской области
КУИС МВД Республики Казахстан
подполковник юстиции

Р.Ж. Мурзатаев

«13» 05 2025 г.

**Акт
внедрения результатов научно-исследовательской работы**

1. Наименование научно-исследовательской работы: Исполнение лишения свободы в отношении женщин (криминологические и уголовно-исполнительные аспекты).

2. Вид входного результата: материалы диссертационного исследования на соискание степени доктора философии (PhD).

3. Заказчик – подразделение МВД: Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Шпракбека Кабылбаева.

4. Исполнитель работ: докторант Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шпракбека Кабылбаева, подполковник полиции Бисенова Т.Е.

5. Основание выполнения научного исследования: инициатива автора, исполнена в рамках диссертационного исследования.
номер позиции плана, заявка (подразделение, исх. дата и номер), инициатива)

6. Дата и сведения о приемке результатов научного исследования: результат научно-исследовательской работы отвечает предъявляемым требованиям «27» 03 2025г.
(исходящий номер и дата направления акта приемки исполнителю, характеристика работы)

7. Сведения о внедрении: внедрена в учебную деятельность Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан имени Малкеджара Букенбаева.

8. Сведения об эффективности внедрения в оперативно-служебную, служебно-боевую) деятельность подразделений (категорий сотрудников и военнослужащих), а также в учебно-воспитательный процесс организаций образования МВД: для использования в учебном процессе Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан имени Малкеджара Букенбаева.

(формы и методы внедрения, в какие подразделения, другая информация о внедрении)

**Заместитель начальника
Актюбинского юридического института
МВД Республики Казахстан
имени Малкеджара Букенбаева
доктор философии (PhD),
ассоциированный профессор
подполковник полиции**
«27» 03 2025 г.

Е.Е. Кайнар

Акт
внедрения результатов научно-исследовательской работы

1. Наименование научно-исследовательской работы: *диссертационное исследование по теме: «Исполнение лишения свободы в отношении женщин (криминологические и уголовно-исполнительные аспекты)»*

2. Вид выходного результата: *материалы диссертационного исследования по теме: «Исполнение лишения свободы в отношении женщин (криминологические и уголовно-исполнительные аспекты)»*

3. Заказчик — подразделение МВД: *Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева*

4. Исполнитель работ: *докторант научно-педагогической докторантуры Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева подполковник полиции Бисенова Т.Е.*

5. Основание выполнения научного исследования: *диссертационное исследование по теме: «Исполнение лишения свободы в отношении женщин (криминологические и уголовно-исполнительные аспекты)»*

6. Дата и сведения о приемке результатов научного исследования:
13 мая 2025 г.

7. Сведения о внедрении: *Внедрение в правоприменительную деятельность Комитета уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан.*

8. Сведения об эффективности внедрения в оперативно-служебную, служебно-боевую) деятельность подразделений (категорий сотрудников и военнослужащих), а также в учебно-воспитательный процесс организаций образования МВД: *способствует быстрому освоению теоретического материала и формированию навыков практической работы, оперированию важнейшими понятиями, теоретическими проблемами.*

Заместитель председателя
Комитета УИС МВД РК
полковник юстиции
« *13* » *05* 2025 г.

Ж.С. Баймаганбетов

**Акт
внедрения результатов научно-исследовательской работы**

1. Наименование научно-исследовательской работы: материалы диссертационного исследования по теме: «Исполнение лишения свободы в отношении женщин (криминологические и уголовно-исполнительные аспекты)»

2. Вид входного результата: диссертация на соискание степени доктора философии (PhD)

3. Заказчик – подразделение МВД: Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Ширакбека Кабылбаева

4. Исполнитель работ: докторант Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Ширакбека Кабылбаева, подполковник полиции Бисенова Т.Е.

5. Основание выполнения научного исследования: инициатива автора, исполнена в рамках диссертационного исследования
(номер позиции плана, заявка (подразделение, исх. дата и номер), инициатива)

6. Дата и сведения о приемке результатов научного исследования: Результат научно-исследовательской работы отвечает предъявляемым требованиям « 18 марта »
2025

(исходящий номер и дата направления акта приемки исполнителю, характеристика работы)

7. Сведения о внедрении: материалы диссертации могут быть использованы для работы в практической деятельности
(формы и методы внедрения, в какие подразделения, другая информация о внедрении)

8. Сведения об эффективности внедрения в оперативно-служебную, служебно-боевую) деятельность подразделений (категорий сотрудников и военнослужащих), а также в учебно-воспитательный процесс организаций образования МВД: способствует быстрому освоению теоретического материала и формированию навыков практической работы в области уголовно-исполнительного права.

**Начальник учреждения №78
департамента уголовно-исполнительной
системы по г.Шымкент и
Туркестанской области
подполковник юстиции**

Тұрсынқұлұлы М.

« 18 » 03 2025 г.

**Акт
внедрения результатов научно-исследовательской работы**

1. Наименование научно-исследовательской работы: материалы диссертационного исследования по теме: «Исполнение лишения свободы в отношении женщин (криминологические и уголовно-исполнительные аспекты)»
2. Вид входного результата: диссертация на соискание степени доктора философии (PhD)
3. Заказчик – подразделение МВД: Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Ширакбека Кабылбаева
4. Исполнитель работ: докторант Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Ширакбека Кабылбаева, подполковник полиции Бисенова Т.Е.
5. Основание выполнения научного исследования: инициатива автора, исполнена в рамках диссертационного исследования
(номер позиции плана, заявка (подразделение, исх. дата и номер), инициатива)
6. Дата и сведения о приемке результатов научного исследования: Результат научно-исследовательской работы отвечает предъявляемым требованиям
« 14.05. »
2025г.
(исходящий номер и дата направления акта приемки исполнителю, характеристика работы)
7. Сведения о внедрении: материалы диссертации могут быть использованы для работы в практической деятельности
(формы и методы внедрения, в какие подразделения, другая информация о внедрении)
8. Сведения об эффективности внедрения в оперативно-служебную, служебно-боевую) деятельность подразделений (категорий сотрудников и военнослужащих), а также учебно-воспитательный процесс организаций образования МВД: способствует быстрому освоению теоретического материала и формированию навыков практической работы в области уголовно-исполнительного права.

Начальник
РГУ «Учреждение №50»
КУИС МВД РК
подполковник юстиции

С.В.Спаская

« 14 » 05 2025 г.